

The book cover features a dark blue background with a black silhouette of a person's head and shoulders at the bottom, looking upwards. Above the silhouette, a large black silhouette of a person's torso and arms is positioned as if holding a banner. The banner contains white text. The background is decorated with vertical, jagged red lines that resemble scratches or blood, and a fine, grainy texture of red and white speckles.

СБОРНИК РАССКАЗОВ
ПОБЕДИТЕЛЕЙ КОНКУРСА
"СТРАШНО, НО ПИШИ"

ОЖИВШИЕ
КОШМАРЫ

Павел Владимирович Рязанцев
Екатерина Андреева
Василий Сергеевич Завадский
Александр Матюхин
Макс Архандеев
Олег Савощик
Андрей Драченин
Ирина Омельченко
Мара Гааг
Роман Голотвин
Олег Гаврюшов
Ожившие кошмары

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70019491
Ожившие кошмары: ЛитРес; Москва; 2023*

Аннотация

Лишь безумцы уверяют, что страха нет. Он подстерегает нас повсюду – в темных закоулках безлюдных улиц, в солнечной экзаменационной аудитории, в необходимости принять решение, в первом шаге, в переменах, в лентах новостей. В белоснежной пустыне чистого листа, на который, кажется, ты не способен

нанести ни буквы. Как справиться с этим ужасом? Начать писать что угодно! А лучше начать писать для конкурса Литрес Самиздат «Страшно, но пиши!». В честь самого страшного дня в году, Хэллоуина, сотни авторов последовали совету и взялись за перо. Победителями стали одиннадцать писателей, их работы вошли в итоговый сборник конкурса.

Тройку лидеров возглавили Мара Гааг «Наш дом», Олег Савощик «Козел», Василий Завадский «Яма с костями». Рассказы в жанрах ужасы, мистика и триллер посвящены самым разным темам: аварийное жилье и его странные жители, пугающая чаща леса, призраки прошлого, потусторонние тайны, поиск экзистенциального рубежа, одиночество. И вечный вопрос: кто же страшнее – монстры, выдуманные людьми, или сами люди, таящие в своих черных душах истинное зло?

В жюри конкурса вошли амбассадоры издательских сервисов «Литрес» Катерина Райдер и Антон Мамон, автор остросюжетной прозы Николай Ободников, шеф-редактор издательства «РИПОЛ классик» Татьяна Соловьева.

Содержание

Мара Гааг. «Наш дом»	6
Олег Савощик. «Козел»	36
Василий Завадский. «Яма с костями»	65
Александр Матюхин. «Пуповина»	115
Екатерина Андреева. «Чем ближе к лесу...»	153
Макс Архандеев. «Сорок первый»	203
Роман Голотвин. «Тыквенный Джек»	229
Павел Рязанцев. «Конечная»	269
Олег Гаврюшов. «Случай на озере»	295
Андрей Драченин. «Злой дух»	315
Ирина Омельченко. «Замри, умри, замерзни»	354

Ожившие кошмары

© Гаг М., Савошик О., Завадский В., Матюхин А., Андреева Е., Архандеев М., Голотвин Р., Рязанцев П., Гаврюшов О., Драченин А., Омельченко И., текст, 2023

© ООО «ЛитРес», 2023

Мара Гааг. «*Наш дом*»

Дождь лупил по крыше автомобиля и заглушал радио. Вода заливала лобовое стекло, щетки дворников метались по нему, как обезумевший метроном. Софья пыталась высмотреть за окном улицу, но не видела ничего кроме серой дождевой пелены.

– Зря вы, Софочка, сегодня надели туфли! – сказал Виталий Антонович и постучал пальцами по рулю. – Тут бы резиновые сапогигодились.

– Софья Андреевна! – резко поправила девушка, и добавила: – За дорогой следите, пожалуйста.

– Как скажете, Софья Андреевна, – насмешливо отозвался водитель. Софья стерпела и промолчала, но будто ненароком выдвинула вперед ноги, обутые в кофейного цвета лодочки. Они идеально подходили к бежевому костюму-двойке и французскому маникюру. Никакой дождь не заставил бы ее надеть что-то другое.

Ведь государственный служащий должен внушать доверие. Быть вежливым, улыбаться, выглядеть опрятно. Достав из сумки пудреницу, девушка придирчиво осмотрела в зеркало макияж, а потом бросила неодобрительный взгляд на своего спутника. Неряшливо одетый, вечно потеющий толстяк вроде него с такой задачей точно не справился бы. Даже жаль, что он этого не понимает и злится. Недаром ей, рабо-

тающей в жилищной инспекции всего год, доверили важный проект, а его, с многолетним опытом, приставили в помощники.

Дождь ослаб, стал мельче и тише. Машина резко затормозила, переехав глубокую лужу, грязь плеснула кляксами на автомобильные стекла. Софья посмотрела в окно и вздрогнула.

Если у домов случается предсмертная агония, то этот был на последней стадии. Четыре этажа из осыпающегося кирпича, ржавые водосточные трубы, провалившаяся крыша. Щербатые стены давно потеряли нарядный красный цвет и стали грязно-бурыми. Слепо пялились в пустоту темные окна. Щерилась рваная рана кирпичной кладки, словно кто-то огромный откусил угол дома и тут же выплюнул – груда обломков тонула в кровавой луже.

– Пойдем, или будем ждать, когда дождик закончиться, Софья Андреевна? – Виталий Антонович говорил вежливо, но насмешка в голосе никуда не делась. Софья вместо ответа достала зонт и открыла автомобильную дверь.

Прежде чем зонт раскрылся, дождь успел капнуть на плечи. По костюмной ткани расплылось темное пятно. Софья недовольно поджала губы. Аккуратно, стараясь не запачкать туфли, перебралась с мокрого газона на тротуарную плитку. Выложенная перед домом дорожка вела к ступенькам с сиротливо торчащей в небо колонной – все, что осталось от красивого когда-то крыльца. На фоне архаичной подъездной

арки железная дверь с домофоном казалась чужеродной деталью, как протез.

Софья набрала номер первой в списке квартиры.

– А ведь это модерн, начало двадцатого века. – Задумчиво произнес у нее за спиной Виталий Антонович. Зонта у него не было, и дождь с ветром успели беспорядочно разметать волосы, обнажив намечающуюся лысину. – Раньше весь район такой был, а сейчас один дом остался. Жаль, что не стали реставрировать. Все-таки памятник архитектуры.

– А вы в искусствоведы заделались? – девушка нахмурилась, прислушиваясь к гудкам домофона. – Может, тогда в машине подождете, полюбуетесь видом?

Еще не хватало, чтобы он ляпнул что-то такое при жильцах! Снос дома – дело решенное, и без их согласия случится. Все равно всех выселят. Но с подписанными актами процесс ускорится, не говоря уже о прибавке к зарплате, которую Софья заранее распланировала. Дать собственникам шанс уцепиться за историческую ценность здания – значит попрощаться с премией.

В домофоне щелкнуло, и надтреснутый старушечий голос произнес:

– Кто там? Кто?

– Здравствуйте! – Софья широко улыбнулась, чтобы в голосе звучала доброжелательность. – Меня зовут Кирьянова Софья Андреевна, я ваш жилищный инспектор. Откройте, пожалуйста!

– Кто? – с подозрением переспросил домофон. – Зачем пришли? Мне не надо ничего!

– Говорил же, надо было заехать в офис УК за ключом. – Тихо пробормотал Виталий Антонович.

– Мы из государственной жилищной инспекции! – терпеливо сказала Софья, продолжая улыбаться. – Приехали с хорошими новостями для жильцов дома!

– О как... инспекция! – старушка на том конце заухала, выражая то ли восторг, то ли негодование. Потом магнитный замок на двери щелкнул и разразился противным писком.

Софья победно взглянула на напарника. Тот молча открыл дверь и отошел в сторону, пропуская девушку вперед.

Нутро дома встретило затхлостью и сумраком. Плесень свила узоры на выцветшей краске стен, проросла в швах и трещинах кафеля на полу. Первый этаж пустовал уже лет пятнадцать после того, как просел фундамент, и квартиры с первой по шестую затопило грунтовыми водами из подвала. Друг напротив друга, по три в ряд, тянулись по коридору заколоченные двери с истрепанной обшивкой.

Вручив мокрый зонт Виталию Антоновичу, Софья достала из сумки увесистую папку, прижала к груди, и решительно зашагала вперед.

Каблуки гулко отстукивали каждый шаг. Звук летел вверх, разбивался о пожелтевший потолок, а потом рассыпался, резонируя со стенами. Лестница с чугунными балясинами поднималась вдоль панорамных окон массивным зиг-

загом. Битые стекла кое-где были заклеены газетами или забиты кусками фанеры, поэтому на высоких пролетах царил полумрак. Тяжелый табачный дух, казалось, сажой осел на перилах.

Софья едва не споткнулась – зацепилась набойкой за ступеньку. Идущий позади Виталий Антонович успел подхватить ее за локоть, а потом больно стиснул. Софья ойкнула, с негодованием обернулась.

– Осторожнее, – шепотом сказал Виталий Антонович, – не торопитесь. Здесь все на ладан дышит.

Софья демонстративно дернула плечом, отстраняясь. Уверенно шагнула на следующую ступеньку, но там и замерла.

На лестничном пролете, широко расставив лапы, стояла большая овчарка. Взъерошенная, с седыми подпалинами, она прижала уши к голове и оскалилась. Софья махнула увесистой папкой, пытаясь прогнать животное с дороги:

– Фу! Фу, пошла вон!

Собака зарычала. Софья коротко взвизгнула.

– Эй вы, там! – не выдержал Виталий Антонович. – Да, вы! Мужчина, слышите меня? Уберите собаку!

– А то что? – лениво отозвался скрытый в тени и сигаретном дыму жилец. Софья увидела только дырявые тапочки на босу ногу, и не решилась поднять глаза выше, чтобы не упустить из поля зрения овчарку.

– В ветконтроль позвоню, вот что. – Пригрозил Виталий

Антонович и полез в карман за удостоверением. – Жилищная инспекция!

– Ладно, не кипешуй, инспекция. Не кусается. Так, ворчит на чужих для острастки. – Жилец выступил на свет, небрежно затушил сигарету о стену и бросил бычок на пол. Потом по-хозяйски положил руку на собачью холку и зашаркал вверх по лестнице. Овчарка покорно пошла рядом.

Софья не сдержала вздох облегчения. Дождалась, пока мужчина с собакой отойдут подальше, и только потом продолжила подъем.

– Собак боитесь? – участливо спросил Виталий Антонович, когда они вошли на второй этаж. Коридор тянулся в обе стороны от лестницы, справа заканчивался узким окном, а слева дверями в общую душевую. Под высоким потолком гудели длинные, тускло-желтые лампы.

– Неадекватов боюсь. – Буркнула Софья, остановилась перед первой дверью и нажала кнопку звонка. Потом постучала. Хозяева, если они и были внутри, не отреагировали.

– Давайте я по коридорам пройду, может разговорю кого. – Предложил Виталий Антонович. – Узнаю, какие квартиры жилые, какие нет, и где хозяева.

– Как хотите. – Софья перехватила папку поудобнее и отвернулась от него. – Я и одна справлюсь.

– Не сомневаюсь. – Пробормотал Виталий Антонович и побрел в сторону лестницы, чтобы подняться на следующий этаж.

Когда ссутуленная спина помощника скрылась из виду, Софье стало неуютно. Виталий Антонович раздражал, но рядом с ним было куда спокойнее. Сейчас, когда она осталась одна, сумрак длинного коридора словно сгустился, а за каждой темной дверью притаился тяжелый взгляд. По коже сразу побежали мурашки.

В следующей квартире тоже ждала тишина. У третьей не было звонка, поэтому Софья постучала кулаком, чуть громче и настойчивее, чем позволяли приличия.

Дверь открыла пенсионерка, и Софья воспряла духом. Пахло кислятиной, где-то в недрах квартиры забормотал телевизор. Софья быстро окинула взглядом прихожую: пожелтевшие обои с выцветшими ромбами, свалка одежды в углу, вместо двери в комнату – потертая занавеска. В пластиковый таз с треснутым краем капала с потолка желтая вода.

– Вам кого? – недоверчиво спросила хозяйка, а потом переменилась в лице: – Ой! А ты не Сонька ли Иванова? Какая цаца стала, надо же!

– Меня зовут Софья Андреевна, я ваш жилищный инспектор! – Софья улыбнулась, хотя к горлу подступила тошнота. К кислятине примешался запах испорченной еды. Похоже, у старушки сломался холодильник. – Вот мое удостоверение.

– Попутала, значит. – Старуха с любопытством взгляделась в ее лицо, игнорируя протянутый документ. – А похожа, и тоже Соня, смотри-ка!

– Вы знаете, что городская администрация построила для

вас новый дом? – перевела тему Софья. – Район новостроек с парком и магазинами, в квартирах все удобства. Мы даже поможем вам с переездом.

– Да мне и тут неплохо.

– Шутите? Здесь стены рушатся, в фундаменте трещина, а в крыше дыры. Вы и сами знаете. Не нужно бояться, вас никто не обманет. Вот официальные бумаги, смотрите. Подписаны губернатором. – Софья достала из папки упакованный в файл приказ о расселении и вручила старухе.

Хозяйка беззвучно зашевелила ртом, читая строчки. Потом вернула документ Софье:

– Посмотреть-то можно сначала новую квартиру?

– Пока нет. – Осторожно ответила Софья. – Там сейчас заканчивают ремонт, а когда все акты будут подписаны, квартиры распределит между жильцами специальная комиссия.

– То есть я тебе квартиру отпишу, а ты мне неизвестно что? – старуха недобро прищурилась.

– Вы мне, то есть нам, ничего не отписываете. Этот дом снесут.

– Что, прямо вместе с нами сносить будут?

– Ну что вы, конечно же нет! Сначала вас переселят в новое жилье. Если подпишите документы сейчас, это случится совсем скоро.

Старуха пожевала губу, раздумывая. Софья, старательно скрывая радостное предвкушение, протянула ей ручку и бланк:

– Впишите здесь свою фамилию и номер квартиры. Или продиктуйте, я впишу, а вы только подпись поставите.

В квартире за спиной старухи ухнуло. Задергалась занавеска, скрывающая вход в комнату, кто-то заскулил, а потом сдавленно пискнул и умолк.

– С вами кто-то еще живет? – спросила Софья. – Или у вас собака?

– Да внуки это мои, – старуха проворно шагнула в коридор и захлопнула за собой дверь. – На выходные дочка оставила. Им у меня скучно, вот и балуются.

– Выходные? Среда же! – удивилась Софья.

– Выходные разные бывают, у кого когда. – Старуха дернула плечами, словно рассердившись, и отдала ручку с бумагой обратно Софье. – Знаете, давайте так. Пускай другие сначала подпишут. Савельевы, например, из тридцать шестой. Или Кирюша. – Она кивнула в сторону и противно захихикала. – Да, пусть Кирюшенька подпишет, а уж мы все за ним следом.

– Какой Кирюша? – Софья растерянно оглянулась и вздрогнула, когда увидела за плечом человека.

Коренастый, лохматый и скособоченный, он поймал ее взгляд и оскалил щербатый рот в улыбке:

– Здва-авствуй, Со-оничка!

Софья отшатнулась. От его застиранной футболки разило дешевым парфюмом и пригоревшим жиром. А поза и мимика сразу выдавали умственно отсталого – из тех, что кажутся безобидными, но все равно вызывают брезгливость.

– Ты пвишла ко мне! – продолжал он, коверкая слова. В уголках губ скопилась слюна и хлебные крошки. – Я давно тебя жду, я так вад!

– Подождите, а кто... – Софья повернулась к старухе, но та быстро скрылась в квартире, хлопнув дверью.

– Смотви, что у меня есть! – юродивый вытянул вперед руку и разжал пальцы с грязными обкусанными ногтями. Софья увидела подтаявшую конфету. – Хочешь?

– Нет, спасибо. – Софья шагнула назад. Отвращение спазмом скрутило желудок, и она стиснула кулаки, до боли вонзая ногти в ладони. – Вас зовут Кирилл, значит? С кем живете, с мамой?

– Не, Ки-юша один! – он сокрушенно всплеснул руками, выронил конфету, а потом наступил на нее, переминаясь с ноги на ногу. – Совсем один!

Софья нервно сглотнула:

– Из какой вы квартиры?

– А пойдем, пойдем! – Кирюша схватил ее за рукав и потянул за собой, но Софья инстинктивно вырвалась. – Пойдем, покажу!

– Мне нужно, чтобы вы подписали этот документ.

– Ховошо, ховошо, Ки-юша все сделает. Только дома, ладно? Пойдем домой.

Девушка нерешительно двинулась за ним, прижимая к груди папку как спасательный круг. Юродивый пыхтел и чесал залысину на виске. Софья заметила широкий шрам,

весь в мелких царапинах и бляшках запекшейся крови. Звук скребущих по нему ногтей был таким противным, что девушка содрогнулась.

– Где вы работаете? – спросила она, чтобы отвлечься. – Или, может, пенсию получаете?

– Ки-юша не работает, не. Ки-юше нельзя.

– У вас инвалидность?

Юродивый засопел и ускорил шаг:

– Идем, идем! Я все покажу.

– Подождите, – она остановилась. – Я так не могу.

– Почему? – расстроился Кирюша.

– Вы не можете жить один, у вас должен быть опекун, и это он должен подписать бумаги. Так по закону положено.

Юродивый вопросительно вскинул брови и часто заморгал.

– Опекун. Тот, кто за вас отвечает. Помогает, готовит еду, оплачивает счета. Кто-то старший. Понимаете? Мне нужно с ним поговорить. Или с ней.

Юродивый нахмурился. Задвигал ртом, как будто что-то пережевывая. С двойным усердием заскреб шрам на голове. Софья не выдержала и отвернулась.

– Ну ладно, – сказал он. – Ки-юша найдет. Ты подожди только, не уходи.

– Хорошо. – С облегчением согласилась Софья.

Кирюша косолапо засеменял к лестнице, приглаживая ладонью сальные волосы. Софья шумно выдохнула, промокну-

ла рукавом выступившие на лбу капли пота, а потом брезгливо сморщилась. За какой-то рукав хватался грязными руками этот больной, но за какой именно она не вспомнила.

Позволив себе пару минут передышки, чтобы собраться с мыслями, Софья направилась к ближайшей квартире. На стук не открыли, хотя за дверью кто-то был – девушка услышала приглушенный смех и скрип половиц.

– Откройте, пожалуйста! – громко сказала Софья и постучала снова. – Я жилищный инспектор, по поводу расселения!

Лампы на потолке загудели громче. Одновременно мигнули, а потом зашлись в припадке, моргая, как стробоскоп. Софья от неожиданности зажмурилась. Резкая чередка вспышек и темноты колола глаза даже под веками. Софья прижала к лицу папку, а потом услышала звук капающей воды, не удержалась и выглянула.

Лампы по-прежнему мигали, но теперь плавно, волнами, а по коридору шла босиком женщина. Совершенно голая и очень красивая. Вода чертила дорожки на ее коже, стекая с обмотанных баннм полотенцем волос. Софья замерла в смешанных чувствах, от смущения до совсем неуместной зависти идеальным формам, и не произнесла ни слова, когда незнакомка, оказавшись рядом, снисходительно улыбнулась.

«Какое бесстыдство!» – хотела сказать ей Софья, но женщина уже прошла мимо, к окну. По коридору тянулась цепочка мокрых следов.

– Софья Андреевна! – донеслось с лестницы. Запахав-

шийся Виталий Антонович быстро спускался по ступенькам.

– Вы видели? – возмущение вырвалось наружу, и Софья почувствовала, как краснеет. – На этом этаже дети! А она расхаживает без одежды!

– Кто? – не понял Виталий Антонович.

– Какая-то женщина вышла голышом из душевой, полюбуйтесь! – Софья посмотрела в конец коридора, который заканчивался окном, но голой женщины там не оказалось. Мокрых следов на полу тоже, а лампы снова светили ровно и едва слышно гудели. – Только что мимо меня прошла...

– Слушайте, я на четвертом встретил жильцов, которые готовы подписать акты. – Перебил Виталий Антонович.

– Хорошо, пойдете! – Софья шагнула вперед, но помощник ее остановил.

– Вы мне лучше дайте несколько бланков, я сам.

– Но это мое задание!

– Конечно ваше. Я не претендую на премию, честное слово. Нам главное работу сделать, правда ведь? А если вы со мной пойдете, – он замялся, – они точно не подпишут.

– Почему это?

– Потому что вы, Софья Андреевна, очень официально выглядите. Чистенькая больно. А я для них свой в доску, понимаете?

Он заглянул ей в глаза и натянуто улыбнулся.

– Я не понимаю. – Пробормотала Софья.

– Да и не надо вам ничего понимать! – Виталий Антоно-

вич ловко выхватил за край несколько листов из папки. – Обещаю, никому не скажу, что это я их уговорил. Вся слава ваша. А вы пока на третий поднимайтесь, там семейные живут. Вот с ними у вас разговор может и пойдет.

– Ладно. – Софья огляделась, все еще не понимая, куда исчезла голая женщина. Вошла в одну из квартир? Она снова повернулась к Виталию Антоновичу, но его уже не было рядом, а с лестницы доносился звук торопливых шагов. Софья двинулась следом.

Одной ступеньки не хватало. Сквозь прореху виднелся нижний пролет, весь в табачном дыму, как в тумане. Софья осторожно перешагнула дыру и поднялась выше.

Третий этаж оказался близнецом второго. Тот же длинный тамбур с наглухо закрытыми дверями, те же тускло мигающие лампы. Выцветший рисунок линолеума, брошенного поверх растрескавшегося паркета, показался Софье знакомым. Она несколько секунд разглядывала его, а когда подняла глаза, увидела посреди пустого коридора девочку на трехколесном велосипеде.

Заметив Софью, девочка развернулась и покатила в обратную сторону. Маленькие колеса подпрыгивали на слежавшихся складках линолеума, кисточки на руле болтались из стороны в сторону.

– Эй, погоди! – Софья окликнула ребенка и поспешила за удаляющимся велосипедом. – Ты из какой квартиры? Где твоя мама?

Девочка молча крутила педали, потом свернула в сторону. Софья последовала за ней.

Открывшееся взгляду помещение было темным. Вдоль стены тянулся ряд одинаковых газовых плит, судя по слою грязи и пыли – давно не работающих. На некоторые кто-то сверху приспособил квадратные электрические плитки, на других громоздились старые кастрюли и ведра. В углу из стены торчала труба, заменяющая кран, и вода из нее монотонно капала в ржавую мойку. Свет на потолке не работал, окно наполовину завесили одеялом. Только влажное белье на растянутых от стены к стене веревках говорило о том, что это место обитаемо.

Трехколесный велосипед забуксовал на разбитом кафеле и остановился. Девочка соскочила с сиденья, проворно нырнула под мокрую простыню, из-за которой тут же выглянуло бледное женское лицо.

– Здравствуйте! – Софья нервно сглотнула и постаралась улыбнуться. – Я жилищный инспектор. Это ваша дочь?

Женщина кивнула. Вышла вперед, придерживая рукой большой живот. Девочка жалась к ее ногам и смотрела на Софью с недоверием.

– Вижу, у вас скоро еще один ребенок будет, – сказала Софья и улыбнулась. – Знаете, у меня отличные новости. От администрации вам дают двухкомнатную квартиру, в новом доме со всеми удобствами. Как раз успеете переехать к рождению малыша. Нужно только подписать бумаги.

– Какие бумаги? – тихо спросила женщина. Голос у нее был испуганный.

– Акт о расселении из аварийного жилья. Это просто формальность, дом все равно снесут, а новая квартира вам положена по закону. Вот, – Софья достала документ и ручку, шагнула вперед, но женщина попятилась, – поставьте фамилию, номер квартиры и подпись. Вы ведь здесь прописаны?

Женщина кивнула, но брать в руки бумагу не спешила.

– Вы ведь сами знаете, что детям здесь не место! Чем скорее подпишите акт, тем быстрее получите новую квартиру.

Женщина нервно заморгала и снова шагнула назад, упершись затылком в мокрую простыню.

– Почему вы сомневаетесь? Хотите, чтобы ребенок родился тут? – Софья в недоумении окинула взглядом кухню. – Вам нужно скорее отсюда уехать!

Женщина всхлипнула и вытерла нос ладонью:

– Уехать?

– Да! Подальше от этой разрухи и нищеты, в нормальный дом, где есть горячая вода, газ и стабильное электричество! – Софья снова протянула ей ручку и бланк. – Подписывайте скорее!

Женщина нерешительно взяла. Пальцы у нее дрожали.

– Здесь. – Софья указала на место для подписи.

– Мам, не надо, пойдем домой! – жалобно захныкала девочка. Мать бросила на нее рассеянный взгляд, а потом быстро, размашисто поставила подпись на документе.

– Поздравляю! – Софья аккуратно забрала бланк и широко улыбнулась. – Теперь вы...

Она не договорила. Над головой заскрежетало, резко хлопнуло. Посыпалась грязно-серая пыль и душно пахнуло плесенью. Софья едва успела отскочить – большой кусок штукатурки с грохотом обвалился прямо под ноги, и кухня утонула в мутной взвеси.

Софья слышала, как женщина всхлипывает, но не видела ни ее, ни девочку.

– Вы в порядке? Не поранились? Эй, кто-нибудь, на помощь! Здесь потолок обваливается!

Из коридора донеслись топот и ругань. Хлопнула гулко дверь, а потом кто-то с силой схватил Софью за шиворот и выволок из кухни. Сквозь пелену висящей в воздухе пыли она успела разглядеть только клетчатую рубашку в масляных пятнах и грубые руки с ободранными костяшками.

– Они там... – начала говорить она, но мужчина резко вытолкнул ее в коридор.

– Оставь нас в покое! Убирайся!

– Я пытаюсь помочь! – Софья шагнула вперед, чтобы вернуться – женщина в кухне громко плакала – но мужчина преградил ей дорогу.

– Вон! – рявкнул он ей в лицо, обдав перегаром. Глаза у него были красные, в сетке полопавшихся сосудов. Неопрятная щетина топорщилась, как иглы. – Пошла отсюда, пока цела! Ты только хуже делаешь, не поняла еще?

Софья не выдержала и побежала к лестнице, на ходу доставая из сумки мобильный. Руки мелко тряслись.

Телефон не работал. Ни связи, ни интернета. Софья остановилась отдышаться перед подъемом на четвертый этаж. Еще раз попыталась позвонить, но на дисплее ярко высветилась надпись «только экстренный вызов». Девушка подняла его выше, потрясла, но в ответ телефон мигнул и отключился. Похоже, разрядился аккумулятор.

Звуки за спиной затихли, и когда Софья обернулась, никого не увидела. На линолеум оседала штукатурка. Трехколесный велосипед, накренившись, одиноко стоял посреди коридора.

«Наверняка с ними все в порядке. Я свое дело сделала, одна подпись у меня уже есть», – успокоила себя Софья. Непослушными пальцами убрала телефон, уложила подписанный бланк в прозрачный файл и закрепила в папке. Наклонилась, чтобы стряхнуть с туфель грязно-желтую пыль, а когда выпрямилась – встретила глазами с собакой.

Овчарка зарычала. Шерсть на загривке встала дыбом. Софья попятилась. Беспомощно огляделась, ища взглядом хозяина, человека с сигаретой, но на лестничной площадке возник юродивый Кирюша.

– Ни твогай Соничку! – сердито казал он. Потом опустился на четвереньки, резво подполз к собаке и укусил ее за ухо.

Овчарка взвизгнула, рванулась в коридор, едва не задев в прыжке Софью. Перепуганная девушка вжалась в стену.

– Ни бо-ойся! – ласково протянул Кирюша. – Ки-юша защитит!

– Вы видели моего напарника? – голос у Софьи сорвался. – Мне нужно подняться к нему на четвертый этаж.

– Да, да, видел! – согласно закивал юродивый. – Пойдем, пвовожу!

Со странной для своего неказистого тела проворностью он поднялся на ноги, развернулся и запрыгал вверх по ступенькам. Софья пошла за ним, на всякий случай держась на расстоянии.

Последний этаж выглядел чище и светлее, но почему-то необитаемое предыдущих. Облезлый дощатый пол скрипел под ногами, у всех дверей была одинаковая, потрепанная сыростью и временем дерматиновая обивка. У облезлой стены сутулился советский шифоньер с обвисшими на петлях дверцами. Ровно гудели лампы дневного света, и только одна, у входа в темную душевую, ритмично мигала.

– Виталий Антонович! – негромко позвала Софья. Пустой коридор, словно истосковавшись по человеческому голосу, подхватил звук и эхом разнес под потолком.

– Сюда, пойдем! – Кирюша распахнул одну из дверей и выжидательно замер. Софья вытянула голову, прислушиваясь. Внутри звучали голоса.

– Пойдем! – повторил юродивый и вошел в квартиру, оставив дверь нараспашку. Софья поежилась. Перехватила папку с документами и заслонила ее, как щитом.

– Виталий Антонович, вы здесь? – позвала она снова.

Вместо ответа из квартиры донесся смех. И характерный звук, как будто ударились друг о друга наполненные стаканы. Софья напрягла слух и нахмурилась. Один из голосов, похоже, принадлежал ее напарнику.

– Свой в доску, значит! – сердито пробормотала она и шагнула в квартиру.

Комнату от маленькой прихожей отгораживала вьетнамская штора с нитями из крупных деревянных бусин. Когда Софья отвела их в сторону, чтобы войти, бусины глухо застучали, и голоса в комнате тут же смолкли. А потом радио на стене хрипло отсчитало десять минут седьмого. Поймав странное дежавю, Софья остановилась.

Открывшаяся взгляду комната была слишком маленькой для трех кроватей: две были сдвинуты вместе, третья стояла вплотную к стене. У входа ютился пожелтевший холодильник «Бирюса», под окном стоял раскладной стол. Судя по всему, его использовали и как обеденный, и как письменный – с одного края лежали конфеты и тарелка с остатками еды, с другого стопка школьных тетрадей.

А с самодельного стеллажа пялились на Софью пластиковыми глазами мягкие игрушки. Тянула вверх руки в беззвучной мольбе криво остриженная Барби. Резиновые зайцы и медведи соседствовали с советским хрусталем и детскими рисунками. Сухие листья, горстка камешков, крысиный череп и вороньи перья. Резинка для волос с аляповатым розо-

вым бантиком, синяя бейсболка, грязные детские варежки. Венчал этот жутковатый музей сдвигшийся с одного бока мяч – одиноко лежал на верхней полке, отчего казался искоренной головой мебельного монстра.

Юродивый стоял посреди комнаты и улыбался:

– Тебе нравится, Соничка? Я все собвал, все сбеveg, что нашел!

– Здесь никого нет? Это было радио? – Софья подалась назад, задевая нитяные шторы. Одна бусина толкнула ее в висок, другая запуталась в волосах, а деревянный перестук остальных снова вогнал в оцепенение. Как замороженная, Софья не могла отвести глаз от стеллажа.

– Ты помнишь свои игвушки? – Кирюша осторожно, двумя пальцами, взял с полки куклу Барби. Протянул Софье и захихикал, брызгая слюной. – Мы с тобой в павикмахевскую игвали! Твоя мама так вугалась!

– Это не мои игрушки. – Софья почувствовала, как кровь отливает от лица и немеют ноги. – Я не понимаю, о чем вы говорите.

– А вот этого квысюка дохлого мы с тобой в подвале нашли, – продолжал Кирюша. Куклу он бережно посадил на место, и теперь ласково, как живого, гладил крысиный череп. – Я его сохванил, видишь?

Тошнота подкатила к горлу и привела Софью в чувство.

– Мне надо идти. – Пробормотала она и вырвалась из объятий нитяной шторы. Между деревянными бусинами оста-

лись несколько выданных из прически волос.

– Подожди, Соничка, ну подожди-и-и... – жалобно протянул юродивый, но Софья уже выбежала в коридор.

Со стороны душевой кто-то шлепал мокрыми ногами по полу. Девушка обернулась, но никого не увидела. Только влажные следы поблескивали на полу в желтом свете.

– Виталий Антонович! – крикнула Софья.

Потолочные лампы разом мигнули и погасли. Звук босых шагов приближался. На кухне капала вода из трубы в мойку, кто-то захохотал, и снова зазвенели стаканы.

– Соничка, не уходи! Пожалуйста, не бвосай меня снова! – заныл за спиной Кирюша.

– Я кому сказал убираться отсюда! – мужчина в клетчатой рубашке возник из ниоткуда, замахнулся на девушку кулаком. – Дура! Это все из-за тебя!

Софья завизжала. Бросилась к лестнице и побежала вниз по ступенькам. Черт с ней, с премией! Больше всего ей захотелось оказаться снаружи, на улице. Сесть в машину, уехать и никогда не видеть этот дом и этих людей.

Но на последнем лестничном пролете ее снова поджидала овчарка. При виде оскаленной морды Софья вскрикнула, шагнула назад. Каблук зацепился и застрял между ступенями. Девушка дернулась, лодыжку свело судорогой. Собака зарычала громче, но не приблизилась. Как будто не хотела нападать, просто не пускала дальше.

Софья вылезла из тупель и на цыпочках попятилась в ко-

ридор. Овчарка не преследовала, разлеглась на лестнице.

Старуха открыла раньше, чем Софья занесла руку, чтобы постучать. Окинула девушку взглядом и удивленно ухнула.

– Помогите, пожалуйста! – у Софьи дрожал голос. – У вас же есть телефон? Мой не работает. Там собака, я не могу найти напарника. А этот сумасшедший что-то от меня хочет! Что-то говорит про какую-то Соничку, кажется, он решил, что это я...

– Да ты не части́, не части́! – старуха впустила ее в прихожую и с любопытством оглядела. – А чего босая, где твои туфельки?

Софья потеряла самообладание и разрыдалась. От пережитого страха знобило.

– Хорош хныкать! – пенсионерка со вздохом подняла с пола серую шаль и накинула девушке на плечи. – Уймись, Соня. Ты вроде выросла, а все такая же плакса.

– Говорю же, я жилищный инспектор! – вскрикнула Софья. – Вы не можете меня знать, я здесь никогда раньше не была!

– Правда, что ли? – старуха прищурилась. – Ну пошли, разберемся.

Она бесцеремонно подхватила девушку за локоть и поволокла обратно к лестнице.

– Вы нам поможете? Виталий Антонович где-то на четвертом, но не отзывается. Вдруг его чем-то напоили? – У Софьи заледенели ступни, зубы застучали от холода. Как будто

температура в доме резко опустилась, и теперь каждое слово вылетало изо рта вместе с облачком пара. – Может, вызвать полицию? Вы видели, тут голая женщина ходит? Здесь что, бордель? А на кухне потолок обвалился, прямо на беременную с дочкой!

– А что ж ты им не помогла-то? – добродушно спросила старуха.

– Я хотела, но этот человек меня схватил, кричал, чтобы я убиралась! Наверное, ее муж. – Софью все сильнее била дрожь, она едва выговаривала слова. От застывших слез перед глазами плыло и мерцало. – А потом хотел меня ударить, я испугалась... Пожалуйста, позвоните в полицию, пусть они скорее приедут...

– Надо будет, позвоним. Ты не переживай.

Старуха встала у лестницы, с силой толкнула Софью на ступени. А потом посмотрела наверх и громко крикнула:

– Кирюша! Кирюш! А точно твоя Сонька-то? Забери, а то себе оставлю!

Софью окатило волной ужаса. Не чувствуя ног, она рванулась вниз, но собака сидела на прежнем месте, рядом с брошенными туфлями. Хозяин, худой мужчина в трениках и тапочках на босу ногу, спокойно курил, облокотившись о перила.

– Уберите собаку! – дрожащим голосом попросила Софья. – Дайте мне пройти!

– Куда торопишься, инспекция? – мужчина ласково по-

трепал по голове рычащую овчарку и недобро улыбнулся Софье. – Мужика своего забыла, или тут бросить хочешь?

– А Ки-юша нашел! – торжествующе провозгласил Кирюша с верхней площадки, и Софья подняла глаза. Юродивый спускался, толкая перед собой Виталия Антоновича. У того было красное, покрытое испариной лицо, взгляд беспокойно шарил вокруг, а ноги заплетались. – Нашел, Соничка! Ты ведь его искала, да?

– Софочка... Софья Андреевна... – пробормотал пьяно Виталий Антонович. – Я не виноват, они мне налили, я решил за успех дела... бумажки ведь подписали, Софья Андреевна, смотрите...

Белые листы выпали у него из рук и плавно разлетелись по ступенькам. Старуха засмеялась, догнала Софью и схватила за волосы.

– Помогите... – беззвучно, одними губами сказала Софья.

– Баб Ньюша, не твонь Соничку! – Кирюша нахмурился. – Моя она, моя!

– А мне чего? У меня последний внучок остался, и тот вот-вот окочурится. – Пенсионерка с силой дернула Софьин пучок на затылке, вырвав вместе со шпильками клочок волос. Девушка жалобно вскрикнула и уронила папку с документами. – А эта долго проживет, здоровая. Оставь мне, я заботиться о ней буду. Точно не твоя, ну глянь! Та лет на двадцать старше должна быть, сам посчитай!

Кирюша недовольно запыхтел. Стекло в окне напротив

треснуло, в коридоре на втором этаже с громким хлопком взорвалась потолочная лампа, и звуки осыпающегося стекла со всех сторон смешались в острый, колючий звон. Дом словно отозвался на его злость – загудел, задвигался.

– Ой, да не спорь ты с ним, Нюра! – хозяин собаки покачал головой, бросил окурок и сплунул за перила. – Та Сонька, не та! Главное, чтоб успокоился. А то набедокурили уже. Глядишь, правда полицаи нагрянут.

– И пушай! Внучков много не бывает, будет кому варенье есть. А то я ж наварила, с прошлого году не закончилось.

– На тебе внука! Вот! – Кирюша с силой толкнул Виталия Антоновича в спину. Тот нелепо взмахнул руками, не удержал равновесие. Кубарем покатился вниз, под ноги визжащей Софье, и ударился виском о чугунную балясину. Темная кровь брызнула из головы, как из переспелого помидора.

– Ну зачем? – огорчился хозяин собаки. – Нормальный вроде мужик был. Выпил с нами. Поболтал. Новые квартиры обещал. Соловьем заливался, заслушаешься!

– Никаких новых кваттив! – злобно сказал юродивый. – Мы всегда здесь живем, здесь наш дом!

– Что ты за дурень, Кирюша, а? – Старуха отпустила Софью. Подошла к расprostертому на ступенях телу, пощупала пульс. – Куда мне все время полудохлых подсовываешь? Вот сколько он протянет... И варенье теперь точно не станет жрать.

– Беви что дают! – злобно сказал Кирюша. – А то выгоню!

И от тебя одна пыль останется, дува ставая!

– Ладно, не бухти! – старуха скривилась. Ухватила Виталия Антоновича за ворот, и медленно, пыхтя от натуги, поволокла с лестницы в коридор.

– Ну, молодежь, дальше разбирайтесь сами. Меня дома сканворд дожидается. – Мужчина с собакой прошел мимо Софьи, лениво перешагнул кровавый след на полу. Как ни в чем не бывало достал из кармана сигарету с зажигалкой и снова закурил. – Добро пожаловать домой, Сонечка.

Софья больше не кричала. Просто пыталась дышать короткими, судорожными вздохами.

– Пвости, что напугал! – смущенно сказал юродивый и с силой почесал шрам на виске. Так, что красные чешуйки кожи посыпались ему на плечи. – Пвости, это я ненавижно. А давай поиграем?

Он приблизился и бросил взявшийся из ниоткуда мяч. Софья хотела увернуться, но руки рефлекторно поймали.

В глазах потемнело. Пальцы стиснули шершавую резину старой игрушки.

На грани обморока она будто увидела сон. Комнату с тремя кроватями в старом доме, переделанном под общежитие. Коридоры с высокими потолками, запах плесени, отсутствующую ступеньку на лестнице – через дыру всегда нужно было перепрыгивать. Дохлую крысу в подвале, вечно беременную соседку на темной кухне, где с потолка прямо в кастрюли сыпалась грязная штукатурка.

Девочку с двумя косичками, чем-то неуловимо похожую на нее саму. Мальчика на пару лет старше, улыбчивого товарища по играм, который не выговаривал букву «р».

Этот мяч, которым девочка попала ему в лицо. Звук, с которым голова мальчика ударилась о чугунную балясину. Кровь на ступенях. Крики людей, лай собаки, скорую.

И маму, которая без конца повторяла: «Ты не виновата, ты не нарочно, ты случайно».

– Вы так быстро уехали, Соничка! – обрадованно сказал юродивый, как будто тоже увидел картинки, хлынувшие в ее голову. – А я в больнице ждал, потом дома ждал, что ты вевнешься! Я никому больше не вазвешил уйти, чтобы все осталось как было. Никого не отпустил.

Кирюша неуклюже обнял ее, медленно сползающую на пол. Софья судорожно вдохнула, выронила мяч, и он бесшумно покатился по ступеням. Потом заскулила и рванулась вперед. На четвереньках добралась до лестницы. Скатилась вниз, поползла по мокрому полу к выходу.

– Соня! Соничка, ты куда? – выл позади Кирюша, и вместе с ним завывал весь дом, как будто они были одним целым. Выли стены, водопроводные трубы, оборванные провода и чугунная лестница. – Не уходи, не бвосай меня опять!

Выход был совсем близко. Софья ползла, стиснув зубы и ломая ногти о скользкий кафель. Уперлась головой в металлическую дверь. Поднялась, цепляясь за ручку и косяк, онемевшими пальцами нащупала кнопку и вывалилась на

крыльцо. Пошатываясь, встала.

«Это не я! Это могло быть со мной! Не надо, я не хочу!»

Узнавание кололо мозг как иглами. Словно кто-то рисовал воспоминания поверх ее собственных. Выгоревшие качели на углу дома – много лет назад они были синими. Первый класс, жесткий ранец и колючий воротник школьной формы. Как чесалась шея, пока она сидела на этих качелях и ждала маму с работы! Мама забыла оставить ключ соседке, одинокой старушке со второго этажа. Той, которая все время делала варенье, и потом раздавала всем подряд банки с густой, засахаренной жижей.

Софья сделала шаг и упала. Тело стало ватным, непослушным. Девушка вытянула руку, ухватилась за мокрую газонную траву, как утопающий за веревку. Сознание сопротивлялось, возражало. У нее не было такой школьной формы! Но нет, вот же – в колючем коричневом сарафане и белом фартуке она возвращается домой после уроков, а навстречу со ступенек старого крыльца сбегает Кирюша... Сейчас они пообедают у соседки, поиграют в мяч, а потом, ровно в десять минут седьмого, будут смотреть «Уолт Дисней представляет» на черно-белом телевизоре. Софья замотала головой. Она ведь никогда не видела черно-белого телевизора! Такие были давно, еще до ее рождения! На мгновение показалось, будто удалось стряхнуть наваждение, вернуть саму себя. Но потом все захлестнуло жаркое, пульсирующее чувство вины.

В тот день они так и не посмотрели мультфильм. Мяч, лестница, кровь, скорая. Картинки из прошлого тянули на самое дно, где бурлили, смешиваясь, воспоминания. Софья уже не понимала, чьи они – ее или дома.

«Я не виновата! Это случайность!»

Она подтянулась вперед, почти сползла с крыльца. Но дом не отпустил. Недовольно заворчал, как сторожевой пес, заухал ржавыми водостоками, заскрежетал битым стеклом. Последняя колонна треснула, осыпалась на ступени серым песком и кусками бетона. Софья закричала от резкой боли – большой каменный обломок перешиб ей ногу – и потеряла сознание.

Кирюша вышел на крыльцо. Бережно поднял Софью на руки, прижал к себе и унес внутрь, приговаривая:

– Соничка, моя Соничка! Ну куда ты опять собралась, не уходи, ты мне нужна! Это все для тебя, это же наш дом!

Подъездная дверь бесшумно захлопнулась.

Олег Савощик. «Козел»

– Здесь живет эта гнида? – Максим оглядел оторванный от цивилизации клочок земли и затаился. Не заметил, как пепел упал на кроссовку.

Зима выдалась теплой, редкий снег лежал лишь в глубине оврагов, а потому терялась всякая надежда различить хотя бы кусочек сухой дороги среди растянувшейся вокруг хляби. В ней утопал по самую крышу и потемневший сруб, никогда не знавший краски. Жилище словно разобрал по пьяни огромный шутник, а затем собрал заново, но уже с закрытыми глазами, настолько несуразным оно выглядело. Рядом стоял сарай, с виду поновее и попримечней, а чуть поодаль – загон, из которого доносилось редкое бляение. Хвойные великаны вплотную подступали к околице, нависая вечнозелеными кронами. В сумраке они казались черными.

– Ага, – Маша сплюнула и намотала на руку шнурок спортивной кофты, ту же стягивая капюшон на голове. – Здесь.

Стоявший рядом Сеня поежился – ледяная капля упала за шиворот. Бутылка едва помещалась в карман ветровки, и парень крепче прижал сосуд к телу.

Макс провел рукой по бритой голове, словно вспоминая, как тут оказался. Колючий «ежик» под пальцами всегда его успокаивал. Воздух студил разгоряченную алкоголем кровь, но нельзя было позволить такой мелочи помешать задуман-

ному.

– Погнали, – скомандовал Максим, отбросив бычок, и троица направилась к хибаре. Вязкая грязь чавкала под ногами.

Сначала на стук никто не отозвался.

– Хозяин! Выходи, слышишь? Есть кто живой? Эй, хозяин, дело к тебе!

И лишь спустя несколько минут внутри послышалось кряхтение половиц. Дверь оказалась такой же косою, как весь дом, и открывалась за пару-тройку толчков. Когда из темноты проема вылезла лохматая башка, Маша тихонько вскрикнула, а Сеня дернулся, чуть не упустив бутылку. Максим замер, часто моргая и пытаясь понять: уж не перебрал ли сегодня, не мерещится ли.

– Чего надо? – спросило страшилище человеческим голосом.

– Тебя... урод, – опомнился Макс и слегка повернулся корпусом. – Тебя надо.

Кулак ударил в густую щетину, шелкнула челюсть, и лохматый грохнулся внутрь проема.

– В одно касание! Красава! – Сеня дернулся, повторяя движение.

– Чё стоите? – Макс повернулся к спутникам. – Мы с тобой дом посмотрим, а ты в сарай дуй. Надо найти, чем вязать его будем.

И пнул лежащего.

Он встретил ее на самой опушке, под гнущимися от ветра кронами. Издали приметил розовое пятнышко и до последнего не верил, что кого-то может занести в такую глушь. Девочка прятала руки в карманы не по погоде тонкой куртки и крутилась на месте, уворачиваясь от хлестких порывов. Влажное то ли от слез, то ли от мокрого снега лицо побледнело на холоде.

«Белое, как козье молочко», – подумалось Васе.

– Я варежку потеряла, – она вытянула ладошки, одна и правда оказалась голой. Ткань на второй промокла и потемнела. – Сестра меня прибьет.

Услышав досаду в детском голосе, Вася осмелился сделать шаг ближе, присел на корточки. Незнакомку больше волновала ее потеря, чем встреча в лесу с чужаком.

– Ты как здесь, маленькая? – сказал он тихо и подумал на миг, что она могла не услышать его в порыве ветра.

– Заблудилась, – девочка надула губы.

Она не стала плакать или убежать. Не попросила помощи. Смотрела пристально, совсем по-взрослому. Даже нет, иначе.

Взрослые прятали взгляд, завидев Васино лицо, отворачивались. Иногда плевали под ноги, кривились и обзывались. Кто-то смеялся, и тогда мужчине делалось хуже всего. Тогда

он жалел, что не отвернулись.

Но эти глаза, горящие угли на белом снегу, смотрели с любопытством.

«Разглядывает, как картинку в книжке. Совсем не боится»?

«*Страхом не пахнет. Пахнет проблемами*», – голос сзади, чуть выше макушки. Фразы привычно рубленные, бесцветные.

– Ты одна? – Вася растерянно почесал нос.

Ребенок кивнул.

«*Оставь*».

Мужчина встал и осмотрелся. Девочка прижала к воротнику подбородок и пританцовывала на месте. Над головой жалобно трещали осины.

«Скоро будет темно. Она ж тут околеет».

– Замерзла поди? Ну пойдем ко мне в дом, там и печка натоплена, и горячего поедем.

«*Зачем? Выйдет боком*».

– Мне сестра говорит не ходить с незнакомцами.

– А где твоя сестра?

Девочка пожалала плечами и опустила глаза.

«Наверное, в ближайшей деревне живет. Раз сама дошла, больше неоткуда».

Вася замер в нерешительности.

«Ну не силой же ее тащить?»

«*На кой она тебе сдалась?*»

«Замерзнет же».

«Тебе будто дело».

«Не по-людски».

«Нашел, кому говорить».

Ветер швырнул пригоршню белых хлопьев с новой силой.

Те сразу таяли, едва касаясь земли и людей.

– От вас можно позвонить? – спросила девочка, шмыгая носом.

– Можно.

– Ну тогда пойдёмте.

– Я Вася.

«Дурак».

– Катя, – она просунула холодную ручонку в его ладонь, и мужчина легонько дрогнул от прикосновения мягкой кожи.

Дома он первым делом сложил её вещи на печь: сушиться отправились белая шапка с помпоном, розовая куртка, невысокие ботиночки с носками и единственная варежка.

Вася принес полотенце, в которое Катю можно было бы завернуть полностью, чистое и хрустящее. Пока вытирал ей голову, руки и ноги, думал, какая же она хрупкая, кажется, сожми покрепче – и посыпятся фарфоровые осколки.

«А я ее своими лапами»...

Девочка походила на попавшего под дождь зайчонка, дрожащего всем телом. Даже пахла мокрой шерсткой.

– Давай покушаем тогда уж.

– Давайте сначала позвоним.

– Телефон заряжается. Ты покушай, обсохни, тогда и позвоним.

Катя на мгновение задумалась, потом кивнула. В ее животе одобряюще заурчало.

Она молча съела тарелку супа. Затем вторую. Тщательно промокнула корочкой хлеба последние капли.

– Сейчас чая попьём с малиновым вареньем. Сам ягоды собирал, – Вася почти ничего не съел, лишь хлопотал вокруг. – Любишь варенье?

– Конечно!

– А чай из блюдечка будешь?

– Это как? – Катя округлила глаза.

– Во дает, из блюдца чай не пила. Наливаешь и сёрбашь, – Вася продемонстрировал. – Так вкуснее!

Она сёрбала так, что перекрывала вой ветра за окном. И с каждым разом норовила сделать громче предыдущего. А он не мог оторвать взгляда от русых волос, они прилипали к ее лбу, непослушно лезли в блюдце с чаем. Вася думал о ее коже, такой мягкой и раскрасневшейся от домашнего тепла.

– И правда вкуснее!

«Она совершенство».

«Раньше ты так только о козах говорил».

– Как ты заблудилась? – Вася подлил гостье новую порцию чая.

Катя поежилась, будто снова оказалась на улице.

– Я убежала.

– От мамы?

– Нет, мама спала. Она много спит, особенно когда выпьет свои лекарства, – девочка зачерпнула варенье большой ложкой. Запила чаем. – А вы тут один живете? Вам не страшно?

Вася помолчал немного.

– Страшно было, когда маменька умерла. А сейчас я не один, у меня козы. Они добрые. Никто не замечает, насколько добрые.

– Извините, я не знала, – Катя задумчиво уставилась на блюдце. – Машка пришла. Это сестра моя. Она когда пьяная...

Он заметил только сейчас. По детской коже рассыпались гроздья: синие и желтые, местами черные точки на шее и запястьях. Вася осторожно взял Катину руку в свою, задрал рукав легкой кофточки. Выцветшие следы боли тянулись до самого локтя, уходили выше, под ткань. Отдернулся, будто ударили его самого.

– Она хорошая, правда! – в детских глазах не читалось обиды. – Она мне кушать готовит и в школу отвозит. Только когда пьяная, любит меня меньше. Я тогда гулять ухожу на весь день. Сегодня вот, далеко зашла и заблудилась.

Вася больше не садился, кружил вокруг стола в раздумьях. Грудь распирало, но мужчина еще не понимал, что за чувство клокочет внутри, лишь сжимал и разжимал разом похолодевшие пальцы.

«Избавься от нее».

– Дядя Вася, может, телефон уже зарядился?

– Что? Да-да, сейчас проверю.

Он вышел в другую комнату. На улице окончательно стемнело, но Вася не стал зажигать свет, заметался в полумраке от стены до стены.

«Ее там обижают. Надо что-то делать».

«Избавься».

«Нет! А что, если она останется тут? Она ведь может остаться»?

От этой мысли в легких пропал воздух, а голова потяжелела. Мужчина ухватился за край комода, чтобы не упасть.

«У меня хозяйство, вдвоем прокормимся. Я буду заботиться о ней так, как никто не заботился! Я читать ей буду сказки, у меня ведь столько книг со сказками! А по теплу гулять будем в лесу, на речке купаться, ягоды собирать... Я ее варенье научу варить... И чай из блюдца»...

Он боялся дышать. Холодный пот щипал глаза, из носа текло по губам.

«От девчонки будут проблемы».

«Нам будет хорошо».

«Нет».

«Там ей плохо, а со мной будет хорошо. И козочки мои ее полюбят, и ты тоже полюбишь. Мы вместе будем о вас заботиться. Ведь можно так? Я позабочусь, вот увидишь, я»...

«Нельзя. Ее будут искать. И найдут. Здесь. С тобой. Тебе не забудут. Тебя не простят. Ее заберут», – слова, тяже-

лые как обух топора, бились в темечко, отдавались болью в черепе.

Вася трясся и рыдал, но стиснутые зубы не пропустили ни звука.

«Это люди. Спасая их, подставившись себя. Они не знают благодарности».

«Что мне делать? Я не хочу, чтобы с ней вот так...»

Несколько мгновений мужчина слышал лишь свое тяжелое дыхание.

«Есть вариант».

Вася замер. Он уже слышал эту фразу. Догадался.

«Всем на нее плевать. А ты не можешь помочь. Подумай, что ее ждет. В этой деревне. В этой глуши. Сегодня она наткнулась на твою хибару. А завтра замерзнет насмерть. Тебе ее не спасти. Я могу».

Мужчина обхватил голову руками. Хотелось кричать во весь голос.

«Больше не будет боли. Страданий. И никто не узнает».

Перед закрытыми глазами разрывались цветные вспышки.

«Отдай ее мне».

* * *

– Сюда смотри, урод! Видишь, что это? Что это, я тебя спрашиваю? – Макс тряс детской рукавичкой перед связан-

НЫМ.

Вася с трудом разлепил единственный уцелевший глаз. Дышать удавалось через раз: в горле пересохло, а ребра разрывались болью. Кровь на лице медленно застывала, словно карнавальную маску раздавили каблуком, а затем приклеили осколки к безобразной физиономии.

– Знаешь, скотина. Ментам ты, может, и втёр какую-то дичь, но от нас так просто не избавишься.

– Я ничего... Ничего ей не сделал. Я ее не трогал... – в который раз, разбитыми губами, слова вперемешку со вкусом металла.

– Заткнись, мразь! Мы знаем, что ты сделал. Знаем!

– Да пускай расскажет, я хочу это услышать, – Маша подошла ближе, потянула за волосы. Ее губы в розовой помаде, с них протянулась ниточка слюны, коснулась Васиной кожи. – Скажи это, давай! Говори, я насилывал ее, а потом убил. Скажи: я ее насилывал! Я ее насилывал и убил!

Теплые капельки летели из Машиного рта на кровавую маску.

– Я не-е-е...

– Изнасилывал и убил, сука, скажи это! – девушка била наотмашь, рвала ногтями запекшуюся корку. – Скажи-и-и!

– Все-все, хорош! Ты ему всю кровь выпустишь раньше срока, – Максим обхватил за плечи, потянул на себя. Прижался носом к затылку. – Ну ты чего, мы же еще не закончили. Успокойся, маленькая, это только начало.

Она ослабла в его руках. Макс повернулся к Сене.

– Налей нам еще по одной.

Выпили.

– Это все? Ты че, дятел, одну бутылку только взял?

– Дык я это... ты ж денег не дал, – Сеня развел руками.

Маша курила. Тягала затяжки без перерыва на кислород, ей понравилось тушить о пленника бычки. Вася тихонько стонал. Капли били по крыше, за стеной между порывами ветра слышалось козлиное бляение.

Приглушенного света потолочной лампы хватило, чтобы осмотреть скромное помещение сарая. Грубо сбитый стол, заваленный ящиками, развешанные по стенам инструменты, рядом несколько плотно набитых мешков.

– Это что? – Сеня вспорол один карманным ножиком.

– Шерсть. Этот псих коз своих стрижет, иногда в деревне продает, иногда в город ездит.

– А как думаете, он с козами тоже... того? – Сеня осклабился.

Тихое шипение и короткий вскрик. Довольная Маша отбросила бычок.

– Конечно «того», да? – Максим обошел Васю, проверил веревку и облокотился тому на плечи. Стул скрипнул под пленником. – Любишь козочек своих, да? Это все знают.

– Гы! Все! – поддакнул Сеня.

– Слыш, безмозглый, может у тебя дома бухнуть есть? – спросил Макс.

– Мы сюда не бухать пришли, – Маша опустила на корточки, ее руки потянулись к Васиному ремню.

– И то верно, – Макс пробежался взглядом по инструментам. Выбрал садовые ножницы, проверил лезвие пальцем. Туповаты. – То, что нужно!

Девушка уже стянула со связанного штаны с трусами. Он почти не дергался, только водил головой из стороны в сторону и со свистом втягивал воздух. Максим харкнул на пол и посмотрел жертве в промежность.

– Слух, Максимыч, чет это жесть какая-то... – начал Сеня.

– Заткнись, – ответил палач, не отводя взгляда. – Заткнись, твою мать! С педофилами только так.

И щелкнул ножницами перед Васиным лицом. Маша в нетерпении пританцовывала рядом, облизывала губы, съедая остатки розовой помады.

– Ну, чего ждешь? – спросила она.

– Сейчас!

Все смотрели на него, все ждали его. Максим ерошил короткие волосы свободной рукой с такой силой, что голове стало горячо. Водка шумела внутри.

– Блять!

– Давай я, – Машка подскочила, заглянула в глаза. – Я смогу! Я сделаю.

Парень отдернул руку.

– Нет! Ну его нафиг, а как мы потом кровь остановим? Сдохнет раньше времени, а оно нам не надо, – он метался

по сараю, взгляд девушки нервировал, еще эти козы за стеной... – Не надо оно нам. Рано!

Взгляд упал на метровый колун.

– Есть идея получше!

* * *

Вася пялился в зеркало, даже слабого света из соседней комнаты хватало, чтобы рассмотреть отражение в деталях. Лицо искривлено, будто одна половина тяжелее другой, белки глаз под безмерно широким лбом выпучены так, что вот-вот вывалятся из орбит. Припухлый нос изъеден язвами и напоминает сгнившую сливу. «Заячья губа» обнажает острые зубы разной длины. Даже недельная щетина не способна скрыть угловатую челюсть с вытянутым подбородком.

Ему хотелось размахнуться, почувствовать хруст холодных осколков под костяшками.

Физиономия в зеркале подернулось рябью, расплылась. Теперь на Васю смотрел статный мужчина, едва за тридцать, с гладкой кожей и блестящей голубизной глаз. Каждая линия лица, каждый мускул словно вышел из-под резца античных мастеров.

«Смотри. Таким ты можешь быть. Не отворачивайся. Больше никто не отвернется. У тебя будет любовь. Будет всё».

Слезы мочили бороду. Дрожащими пальцами мужчина

коснулся стекла.

«Отдай ее мне».

Они встретились на той же опушке, где и с Катей.

Той ночью козы вели себя особенно беспокойно, блеяли без умолку, жались округлыми боками по углам загона. Вася всегда их понимал, чувствовал, когда им хорошо или больно. Иногда ему казалось, что они единственные, кто говорит с ним по-настоящему, без ненависти и страха.

Еще никогда они не были напуганы, как той ночью.

На днях Вася встретил волчьи следы в лесу и решил, что козы чувствуют близость мохнатых хищников. Несколько раз он обошел вольер с колуном наперевес, в поисках подкопа. А потом увидел.

В свете луны шерсть почему-то казалась особенно черной, будто существо выбралось из угольной шахты, и лишь рога выдавали в нем козла.

Осторожно ступая, чтобы не спугнуть гостя, Вася подошел ближе. Но тот и не думал убегать, стоял и смотрел на человека исподлобья. Мужчина почувствовал, как на спине приподнимаются волосы, и поежился. Раньше козы не заглядывали ему в глаза. Звуки из загона пропали, животные замерли, боясь дышать. Боялся вздохнуть и сам Вася.

Черный постоял еще с минуту и спокойно прошел мимо. К своему новому дому.

Вася не мог нарадоваться на нового питомца: спокойный, ласковый, с густой шерстью редкого окраса, которую так

приятно расчесывать. Козлята от такого должны получиться крепкие, здоровенькие. Остальные козы по первости сторонились чужака, но чуть погодя привыкли.

Волчий крик Вася услышал на третью ночь. Не вой, именно крик. На пороге смерти последние звуки животных схожи с человеческими. Мужчина выскочил босым, рванул к загону, освещая тьму фонарем, в правой руке тяжелел топор. Внутри густела тишина, козы жались друг к дружке, лишь Черный стоял поодаль. Рядом с ним валялись клочки испачканной в красном шерсти. К запаху паленого примешался незнакомый, едкий до того, что Васю чуть не вырвало.

Раньше он думал, что козел сбежал из соседней деревни, но теперь крепко задумался. Откуда тот взялся в лесу? И куда делись волки? Смятение не мешало Васе душой тянуться к странному зверю. Стоило погладить черную шерсть, и ладони слегка покалывало, но чувство то нельзя было назвать неприятным, скорее чудным, оно расплывалось по телу, прогоняя усталость, успокаивая.

Гадать пришлось недолго, вскоре заболела Марфа – любимая козочка с по-детски добрыми глазами и коричневым пятнышком за ухом. А за ней слегло еще несколько. Животные отказывались есть, даже не вставали, их шерсть оставалась в руках, стоило только потянуть, а глаза покрыла мутная пленка.

Вася не спал ночами и почти ничего не ел. В деревне ему никто не смог бы помочь, а ехать из города в такую глушь

отказались все ветеринары.

И тогда он услышал впервые.

«Есть вариант. Отдай ее мне».

Вася понял, кто лезет ему в голову. Голос просил крови, совсем немного, и тогда все наладится. Одна жертва ради спасения других. Тем временем загон грозился стать кладбищем.

Из Васиной памяти начисто стерся день, когда он поднял нож над Марфой. И напоил черного козла еще теплой гранатовой водой, прямо из липких рук. А следующим утром козы разом встали на дрожащих от изнеможения ногах и бросились к бадье с кормом.

С тех пор их не брала никакая хворь, жизнерадостные животные наедали бока и поблескивали на солнце здоровой шерстью. И даже урожай со скромного огорода вышел таким, каким его Вася не видывал, а опушка разродилась ягодами по лету да грибами по осени так, что страшно ступать стало, чтобы не подавить лесные дары.

Голос остался с Васей, то кружил невесомо над самой макушкой, то вгрызался до зубной боли.

«Мы с тобой похожи нашим уродством, – говорил он. – Наш Отец бросил нас, едва увидел».

Он редко просил и просил только одного. Раз в год Васе приходилось браться за нож. Мужчина долго собирался, рыдая в подушку несколько ночей к ряду, тщательно мыл руки и заходил в загон за новой жертвой.

Раньше, если ему нужны были деньги, он мог продать козочку. Сердце скрипело, но терпимо. Сейчас все поменялось. За козлятину хорошо платили, гораздо лучше, чем за молоко и шерсть. Совсем без наличности не протянуть даже отшельнику.

Зато весь следующий год Вася был уверен, что с его подопечными ничего не случится. И плашка свежей крови совсем не цена.

«Отдай ее мне».

Голос вырвал Васю из размышлений. Из зеркала на него пялился все тот же урод, что и всегда.

«Она не испугалась. Не отвернулась. Значит, дело не во мне».

Мужчина спохватился – слишком надолго он оставил девочку одну. Вернулся в комнату и обнаружил Катю собранной на самом пороге. Вытащив язык от усердия, она завязала последний шнурок. В блюде остывал чай. Несколько малиновых капель упало на застиранную скатерть.

Девочка выпрямилась и внимательно посмотрела на пустые руки мужчины. Нахмурила бровки:

– Телефон не принесли?

Вася покачал головой.

«Она что-то подозревает».

Зачем он только соврал про телефон? Отродясь его не было, да и не ловит здесь никакая связь. Ну не хотелось мокрого зайчонка оставлять мерзнуть на улице одного!

Катя отступила на шаг. Не сводя с Васи внимательных глаз, потянулась рукой к двери.

– Можно я пойду? – тихо спросила она.

– Темно уже.

– Мне домой надо.

«Решайся».

«Решайся!»

Вася поморщился от эха в голове и вздохнул.

– Раздевайся.

* * *

– Соскучился, козлина? – Макс сплюнул, густая слюна повисла на краю кроссовки. – Ну ёпт!

Частое дыхание парня сбивалось на свист. Пахло кровью и невымытым телом, а одежда в темных пятнах насквозь промокла. Он вытер лицо тряпкой, но на бровях и щеке осталось несколько багряных капель.

– Извини, что надолго одного оставили. Ну ничего, веселье продолжается! – Максим приставил к стене окровавленный колун.

Вася не слушал. Его голова моталась из стороны в сторону, норовя сорваться с шеи. Раны на лице горели от соленых слез. Рыдания вырывались из его обезображенного рта, меж разбитых зубов, и разлетались далеко за пределы сарая, разбивались о черную стену ночного леса.

– Ну тише-тише, – Максим обошел привязанного, крепко сжал его голову, чтобы та не дергалась. Наклонился к самому уху. – Ты ведь понял, да? Я их всех нахер порубал. Слышишь? Топором твоим. Головы одну за одной. Слышал, как они сдыхали?

Вася взвыл сильнее.

– Некого тебе больше трахать, да? Некого, – Максим хлопнул мужчину по плечу. – Не скучай, сейчас вернусь.

Вася задыхался. Мир обрушился на него темной громадой в алых разводах, придавил к спинке стула, пережал кадык.

Маша открыла дверь спустя минуту, пропуская парней вперед. Из десятилитровой кастрюли поднимался пар.

– Не отрезали яйца, так хоть сварим, – Сеня нервно хихикнул.

– Неси ровно!

– Так горячо же!

– Полотенце тебе на что дал? Так, раз, два. Три!

Васин крик ударил по ушам одновременно со звоном пустой кастрюли о пол. Вязкая масса дымилась на голых ногах, залила живот, комки свернувшейся крови стекали по ляжкам.

– Да! – Маша подпрыгнула на месте.

– Давайте скорее, пока не застыла! – крикнул Максим.

Перепачканные кровью, они веселились, как дети, которые впервые из любопытства выпотрошили голубя. Скакали вокруг, бросая на Васиные ноги шерсть из мешков.

– Так-то, козлиная! – смеялась Маша, размазывая по щеке засохшие капли.

– Ну чисто сатир, епта!

– Долго провозились, но оно того стоило, – Максим достал из пачки сигарету красными пальцами.

– Кровь с молоком, бабушкин рецепт! – Сеня прилепил к жертве очередной клочок шерсти.

– Вы что, потом это жрали?

– Нет, конечно, это она из детства своего. Да и рецепт там маленько другой...

– Хватит про твою бабуку, а то меня прямо здесь... Эй, а этот чего затих?

– Вырубился?

– Очухайте его, сейчас вернусь.

Маша подошла к Васе, ударила по щекам. Силой разлепила веко большим пальцем.

– Это еще не все, дружочек. Даже не думай, сука. Ты. Убил. Мою. Сестру, – ее оскал в сантиметре от обезображенного лица. – И мы с тобой еще не закончили!

Макс вернулся, держа свою ношу за длинный рог.

– Ты пока еще преобразился только наполовину.

К Васиным ногам покатилась голова черного козла.

* * *

– Раздевайся, – Вася подошел к шкафу. – Твоя одежда

плохо высушилась, а вечера холодные. И курточка у тебя... того, тоже холодная.

Катя замерла, шмыгая носом и не выпуская дверной ручки.

– Вон, сопливишь уже, – мужчина зарылся в шмотки с головой. – Так, вот носки шерстяные. Теплые! И шарфик. Сейчас куртку дам.

Вася встал.

– По лесу одна опять заблудишься. Я провожу. У меня и фонарь хороший есть.

Катя какое-то время медлила, затем стала переодеваться, бросая на Васю короткие взгляды. Ее вещи сложили в отдельный мешок.

– А вы меня точно домой отведете?

– Отведу.

Девочка пристально всмотрелась мужчине в бороду и неуверенно улыбнулась.

До деревни даже коротким путем через лес было около шести километров. Шли молча, Вася по-прежнему стыдился своей лжи о телефоне и старался не смотреть на спутницу. Лес словно умер: свет фонарика выхватывал черные стволы, те мрачными надгробиями тянулись ввысь, кое-где лежал нарастаявший снег, будто припорошенные могильные плиты. Влажный воздух охлаждал лица.

Катя остановилась.

– Мне хочется...

– Чего?

– Я хочу... в туалет.

– Иди, – мужчина кивнул. – Только недалеко, чтобы видела свет.

Девочка смешно поковыляла за деревья, размахивая непомерно длинными рукавами. Край мужской куртки почти волочился по земле.

«Подумай».

«Нет. Я решил».

«Ее там не ждут. Она как мы с тобой. Будет только хуже».

«Ты ее не получишь».

«Спасибо не скажут. Не поверят, что не тронул. Оболгут. Загнобят».

Голос накатывал тяжелыми волнами, теперь он гремел изнутри, возвращался эхом. Требовал.

«Отдай»!

– Нет! Молчи, молчи, молчи! – Вася кричал, но не мог перекричать. Ударил по стволу кулаком, чтобы заглушить болью. – Молчи! Да замолчи же ты! Пожалуйста, молчи!

Он бил, пока слушалась рука. Кровь на коре, кора заби- лась в плоть, а перед глазами пелена из слез. Вася утерся рукавом. Рядом стояла Катя и смотрела на запыхавшегося, кровавленного мужчину с открытым ртом. А потом побе- жала.

– Стой!

Вася подхватил фонарь и бросился следом. Он должен ее догнать, успокоить! Бежал, не различая дороги, по зарослям, настолько густым, что не каждый зверь сможет проложить здесь свои тропы. Поскальзываясь на мокрых корнях, падал в липкий снег, задыхаясь, сдирал кожу об острые ветки, целился лучом света в ускользящий силуэт, но невысокая фигурка все реже мелькала впереди.

«Да как она так быстро бежит в этой куртке?»

Впереди послышался шум воды. И сразу за ним короткий вскрик.

Вася рванул на звук, ломая колючие ветви. До обрыва он добрался уже на четвереньках, из-за слякоти край стал скользким и норовил обвалиться под весом мужчины. Фонарь осветил торчащую из крутого склона путаницу корней и бурлящий поток черной воды.

Вася ползал вдоль обрыва, измазавшись в раскисшем грунте, кричал в темноту, пока не осип и окончательно не выбился из сил. Сел, поджав ноги, вцепился зубами в грязный рукав так, что почувствовал через плотную куртку, зажмурился до боли. Когда открыл глаза, заметил на одном из корней дрожащий от ветра кусочек ткани. Потянулся, рискуя свалиться, ухватил кончиками пальцев.

Прижал к груди детскую рукавичку.

...Катино тело нашли на третий день в двух километрах ниже по реке. Тем же вечером к Васе постучалась полиция. Он не стал скрывать, что девочка была в его доме, рассказал

и о том, что собирался отвести ее в деревню, и что Катя испугалась темноты и побежала, не разбирая дороги. О голосе в своей голове рассказывать не стал. Не стал говорить, что последнее время из дома выходит лишь чтобы покормить коз, а сам ничего не ест.

Дело свернули быстро за неимением доказательств. На теле девочки не обнаружили следов насилия, лишь гематомы от падения с высоты.

Пожилой следователь смотрел на Васю с прищуром, тем немигающим «рабочим» взглядом, которым привык копаться в чужих головах, и жевал седой ус.

– Вижу, зараза, что не все так гладко. С такой-то рожей... По ней все вижу. Но пока свободен. Пшел вон!

* * *

– Во-о-от! Еще пару стежков и готово. Кривовато, конечно, ну как есть. Я плохо шью.

Длинная игла скользнула в отверстие, увлекая за собой черную нить, пропитанную кровью. Толстая шкура козла сначала не хотела поддаваться, поэтому пришлось заранее пробить шилом дыры. Зато с человеческой кожей иглолка справлялась отлично.

Васю трясло. Когда убивали его коз, он переживал с ними последние моменты. Слышал их. Чувствовал на себе каждый удар. Теперь не осталось боли, лишь лихорадка и растекший-

ся по телу густой туман.

«Ты никогда не спрашивал, кто я», – слова прилетели сверху, забарабанили по темечку холодными каплями.

«Я знаю, ты меня слышишь».

– Вот, козлиная. Вылитый! – Макс отошел, вытирая тряпкой руки, чтобы полюбоваться на результат.

– Селфи! – Маша вытянула телефон, ловя в кадр свое лицо и пришитую к мужчине козлиную голову.

– Не вздумай никуда выкладывать! Удали лучше.

– Я ж не тупая, – фыркнула девушка, листая готовые фото.

«Не спрашивал, боялся. Боялся ответа. Боялся поверить, что единственный, кто всегда рядом, только фантазия. Что чудовище здесь ты».

– Нет, ну красавец! Мы тебе одолжение сделали, урод. Всяко лучше, чем с твоей рожей.

«Но я здесь. И у меня есть вариант».

– Жесть какая, – Сеня отвернулся от изуродованного человека, потер уши и зевнул. – Уже почти утро. Чет я замерз.

– Не ной, – одернул его Макс, копаясь в ящиках на столе. – Сейчас собираемся. Но сначала согреемся.

«Я мог разобраться с девчонкой, и никто бы не узнал. Ты не захотел. Я мог заставить их жрать внутренности друг друга. Ты не захотел».

Тьма вокруг, и в свете едва тлеющего уголька, последнего оплота сознания, с трудом удалось сложить слова в ответ:

«Она умерла из-за меня. Не уследил. Я виноват».

«Тогда скажи, что заслужил. Всё это. Скажи, что вправду так считаешь».

Максим нашел бутылку из мутного пластика и начал разливать ацетон на оставшуюся шерсть в мешках.

– А с ним что? – Сеня кусал губу и пританцовывал на месте.

«Молчишь».

– Так оставим. Пускай тоже греется, – оскалился Максим.

«Я мог бы забрать ваших детей. Мог бы проглотить ваше небо и звезды. Но я смирился с положением. Довольствовался малым. Скрылся. Отец забыл про эту глушь, но даже здесь я умудрился вляпаться в ваше дерьмо».

– Есть спички? – спросил Максим, отбросив пустую бутылку.

– Зажигалка только.

– Ну зажги вон ту бумагу и бросай туда.

«Ты не замечаешь уродство мира за своим собственным. Идешь на казнь, а в то время палачи сами достойны эшафота».

Вася почувствовал спиной жар, в нос ударил запах гари.

«Ты не прав. Я покажу. Отдай его мне».

«Кого?»

«Мир».

Пламя росло быстро, тянуло алые листья к крыше.

«Я знаю, ты хочешь. Ты понимаешь, что я справлюсь лучше. Скажи».

Компания улыбалась. Смотрела, как огонь окружает привязанного к стулу.

– Выходим, скоро здесь не продохнешь.

«Скажи»!

– Забирай! – пришитая к лицу голова заглушила слабый голос, но Максим обернулся на самом пороге.

– Что ты там проблеял? Гори в аду, мразь! – и захлопнул дверь сарая.

«О! Червь даже не представляет, как близок», – впервые Васе показалось, что различил усмешку в безликом голосе.

* * *

– Покурим?

– Я пустой.

– Тоже.

– У меня последняя.

Они ежились от холода и курили, передавая единственную сигарету по кругу. За дверью трещал огонь.

– Луна...

– Ага.

Три пары глаз не отрываясь следили за багровым диском над головой.

– Никогда такой не видела.

– Это небо благодарит нас за кровь педофила, – серьезно сказал Максим.

– Ля, как отмываться теперь, – Сеня осмотрел себя.

– Одежду сожжем в лесу, – Макс положил бычок в карман. – Все, валим.

– Подожди, – Маша схватила его за руку. – Почему он не кричит? Я хочу это услышать.

Парень взял ее за волосы, притянул к себе, впился в губы, чувствуя сигаретную горечь с солоноватым привкусом.

– Ты сумасшедшая! – рассмеялся он после поцелуя.

– Мы, – улыбнулась она и сразу поморщилась. – Чем смердит?

– Тухлыми яйцами каким-то. Признавайся, падла, ты шептуна пустил? – Макс повернулся к Сене.

Тот не успел ответить. Дверь сарая распахнулась, выпускающая высокую фигуру в клубках дыма. Взмах колуна снес Сене половину лица. Максим успел лишь вскинуть руки, прикрывая голову. Топор вошел ему в левый бок, полоснул живот, и парень покатился по грязи. Женский крик над головой оборвался хрустом. Рядом лежало что-то теплое, липкое и вонючее.

Тело онемело, и Максим с трудом повернул голову, чтобы не видеть собственные внутренности. Маша стояла на четвереньках, из ее разбитого лица щедро капало.

Козья шерсть тлела чуть выше пары раздвоенных копыт. Парень скосил глаза. Шов исчез: черная голова с рогами вросла в человеческое тело.

– *Всякий невинный, сваренный в крови невинных, возро-*

дится Зверем. И пойду Я в дома клеветников и ругателей, самозванных палачей и истязателей. Чтобы воздать им! И окрасятся ваши ночи в цвета Мои, – голос колоколом разнесся под сводами хвойных великанов.

Человек-козел схватил Машу за волосы и потащил к старому дому. Но Максим не слышал ее криков. Холод тонкими иглами проник под кожу, от щек, по лбу, к вискам. Будто ледяные руки легли на разгоряченное лицо.

В козлиных глазах отразился диск окровавленной луны.

Василий Завадский.

«Яма с костями»

«В лесу ты либо охотник, либо добыча», – так всегда говорил Антону его дед.

Юноша, чьё дежурство в лагере выпало на глубокую ночь, вперил усталый взгляд в рыжие всполохи костра и никак не мог определить свою роль в сложившейся ситуации.

На охотника Антон не смахивал, а вот лес – совсем другое дело. Тот, как никто другой, был настоящим первобытным хищником: чёрный еловый бор – косматая, покрытая вековой корой морда; мох – щетина на ней; руки – живые корни, а болота – его рокочущее чрево. Каждый ночной звук, будь то упавшая ветка или беспокойный крик одинокой птицы, подкидывал в топку разыгравшегося воображения парня очередную охапку поленьев. Если болота и вправду были чревом, то тогда Антон был где-то на полпути к выходу из прямой кишки.

Ситуация ещё не была патовой, но внутренний голос подсказывал, что самое время начать бить в набат. Они заблудились. Если даже Ваню – самый матёрый походник – признал это, значит, можно смело, как он выразился, «звонить ментам».

Антон подбросил в огонь беремю с вечера заготовленно-

го хвороста, затем – пару веток потолще, и укрыл еле горящий костёр двумя свежесрубленными еловыми лапами. Ночную тишину, нарушаемую нечеловеческим храпом, доносившимся из одной из палаток, разорвал пулемётный треск хвои. Ель, шипя смолой, мгновенно вспыхнула, словно вымоченная в бензине пакля. Яркие всполохи выхватили из тьмы две камуфляжные палатки, стоявшие поодаль. Из одной из них доносились влажные, каркающие звуки неровного храпа.

«Живой человек так не может», – подумал Антон.

Утробные звуки, приглушаемые плотным тарпаулином палатки, были сродни горловому пению якутского шамана, которому перерезали горло прямо во время камланий. Храп принадлежал Ваню – виновнику торжества. Ванька, конечно, никого не тянул за шиворот, но и пугой никого не гнал: все присоединились к ежегодной Ваниной вылазке на свой страх и риск. В прошлом году – поход на какое-то поместье забытой польской диаспоры; в позапрошлом – поиск озёрца, исчезнувшего с топографических карт ещё до рождения Антона. Этим летом выбор пал на заброшенную со времён Второй мировой деревушку, затерявшуюся среди одичавших Верлибковых болот.

Антон сел на свой рюкзак, укутался в клетчатый плед, закурил. Где-то тревожно закричала неясность. Рука произвольно скользнула к топоричу.

«На месте. Главное – костёр не просрать», – выдохнул Ан-

тон.

Идти за дровами в чёрную пасть леса совсем не хотелось.

Из второй палатки, окраса «Снежный барс», доносилось тонкое сопение, перемежающееся жалобным поскуливанием. Очевидно, Алёнке – пассии Антона – снился кошмар. Беспокойно спящая девушка лягалась во сне.

Алёна взяла эту палатку напрокат в местных «Спорттоварах» и с тех пор узнала о себе много нового, в том числе и от Вани – неофициального «лидера экспедиции». Этот титул, конечно, ему никто торжественно не присваивал, но все, включая вечно недовольного Толика, принявшего храп-вахту от Ваню, видели в нём эдакого «батю».

* * *

– «Снежный барс?» Серьёзно? – спросил Алёнку Ваню, когда помогал пристёгивать палатку к её потрёпанному рюкзаку. – Ты что, на Холатчахль собралась?

На лбу девушки выступили бисеринки пота то ли от июльского зноя, то ли от смущения. Скулы обдало жаром.

– Там только такая была. Последняя.

– А если бы розовая была? – съязвил Толик и, не вынимая сигарету из губ, расплылся в улыбке.

– Розовых не бывает, – буркнула Алёна, затягивая потуже золотисто-пшеничный хвост на затылке. – Как будто цвет важен.

Алёна застегнула карабин под грудью, сдула с глаз непослушную прядь.

– Видишь ли, Алёнка, – начал Ваню. – Цвет-то, конечно, не то чтобы критичен, но мы не на шашлыки собрались. И чем меньше внимания мы к себе привлечём – тем лучше для нас же.

– Внимание? Чьё? Где? На болотах? – вступился за свою девушку Антон.

– Мы ведь не только в глуши ночевать будем, – парировала Юля – жена Толика. – А до болот ещё дойти нужно.

Антон замаялся и почесал еле проклёвывающуюся, куцую бородку.

– А молодёжь знает первое правило ночлега в походах? – произнёс Толик, передавая жене бутылку с водой.

Вопрос был явно с подвохом и адресован и без того покрасневшейся Алёне. Толик, ухмыляясь, сверлил смущённую девушку взглядом.

– Началось! – Юля, закатив глаза и тяжело выдохнув, спрятала бутылку в рюкзак.

Антон с Алёной переглянулись, подбирая в уме подходящие варианты ответа. Толик, казалось, и не ждал услышать правильный. Он слегка наклонился вперёд, упёрся одной рукой в колено и, жестикулируя сигаретой у лица девушки, словно пытаясь затушить окурочок о невидимую стену, выдал:

– Ночуй. Как. Можно. Дальше. От. Населённых. Пунктов, – властным голосом произнёс он.

– А почему-у? – задал вопрос на окончательную засыпку Ваня и расплылся в ехидной улыбке.

Алёна пожала плечами.

– Потому что бояться нужно не зверя, а человека, – без тени улыбки произнёс Толик.

– Параноик грёбаный! – не выдержала Юля.

Толик, пропустив мимо ушей слова жены, продолжил:

– Вот я в ваши годы...

– Какие твои годы? Не будь говном! – встряла Юля и с сардонической улыбкой толкнула мужа в плечо. – И без тебя душно. Отстань от молодёжи.

– А вот Хемингуэй писал, – дополнил Ваня, – что нет охоты лучше, чем охота на человека...

– Ещё один параноик, – буркнула Юля, забрасывая рюкзак на плечо.

– ...и тот, кто её познал, – не унимался Ваня, – никогда не сможет полюбить ничего другого. Как-то так.

Антон с Алёной переглянулись. Холодный комок застрял у девушки в горле. Крайне тревожно было услышать подобное от бородатого тридцатитрёхлетнего мужика, одетого в камуфляжные штаны и советскую, песочного окраса, куртку из стройотряда. Голенища плотно обвивала шнуровка потёртых армейских ботинок. Ваня походил на карикатурного лесника-пьяницу. Почувствовав неловкость за сказанное, Ваню достал из нагрудного кармана мятную конфетку и протянул её Алёне.

– Но вам, детишки, не о чем беспокоиться, пока с вами дядя Ваня, – улыбнулся он волосатым ртом. Зубов не было видно из-за густых, вислых усов. В бороде виднелась редкая седина. – Сколько тебе? Четырнадцать?

Алёна побагровела:

– Двадцать три! И что значит это твоё «ничего не сможет полюбить»? А как же секс?

– Ничего, детишки. Абсолютно ничего! – хохотал навьюченный Ваня, тащась позади влюблённых студентов. Он дёрнул Алёну за собранные в хвост волосы, призывая ускорить шаг.

«Ну и детки пошли», – подумал Ваню.

* * *

Из воспоминаний Антона вырвал такой естественный для лесных дебрей, но такой тревожный звук. Звук, который он так боялся услышать.

В метрах пяти от лагеря, там, где опушку отсекала от леса стена можжевельника, что-то сновало в темноте. Ночного гостя выдал предательский хруст опада, впившийся в уши Антона дюжиной иголок. Вспотевшая ладонь упала на топориче, но повернуться к источнику шума у парня не хватало духа.

Треск повторился. Что бы ни находилось по ту сторону можжевельниковых зарослей, оно явно не чувствовало в Антоне

угрозы. К хрусту сухих веток добавились несколько новых звуков: влажный скрежет земли и чавканье прелой прошлогодней листвы сопровождалось тяжёлым сопением. Кто-то рылся в лесной подстилке. В беспорядочной возне изредка различалось бурлящее похрюкивание.

«Твою мать, – подумал Антон, – кабаны».

В неведении парень чувствовал себя намного спокойнее. Теперь, зная врага в лыч и вспомнив о том, что пишут о секачах в Интернете, Антон чувствовал себя аперитивом перед страшным пиром. В голове непроизвольно всплывали кадры из фильма о Лектере.

Может быть, нужно было зарыть те банки из-под тушёнки, как настрого наказал Ваня? Или хотя бы обжечь в костре? Вместо этого Антон, игнорируя наставления товарища, швырнул их в лес, насколько хватило силы.

«Матушка-природа и без этих жестянок обречена», – подумал он тогда, а теперь, примёрзший от холодного пота к собственному рюкзаку, боясь повернуться к источнику шума и вычленив из темноты лучом фонарика косматые клыкастые рыла, Антон принял единственное верное решение – разбудить Ваню.

«На счёт три. Один, два...»

На три Антон уже расстёгивал трясущимися руками вход в палатку Вани.

Парень лихорадочно тряс человеческий кокон, сплетённый из спальника и нескольких пледов. Издав недовольный

хриплый стон, из-под спальника, служившего одеялом, показался чёрный стог. В темноте Антон мог различить лишь два влажных блика на помятом волосатом лице.

– Вань? Ваня, проснись! – громким шёпотом протараторил парень. – Ваня, вставай! Свиньи пришли!

– Раздувай! – рявкнул ещё не до конца проснувшийся Ваня Антону, отбросив тлеющее полено в сторону можжевельника, орудуя двумя палками, словно клещами. – И на лапник не скупись!

Злой как чёрт, Ваню указал на еловый подросток, раскинувшийся колючим ковром неподалёку от палаток, и принялся неистово потрошить нутро своего рюкзака.

– А можно было разжечь второй костёр ещё ближе к... к лесу? – спросил Антон, не решаясь приближаться к ожившей, хрюкающей чаще ни на шаг.

– Твою мать, студентик чёртов! Не стой как истукан! – крикнул Ваню, что-то ища в рюкзаке.

Ноги Антона будто бы прибило к земле железнодорожными костылями.

– Да делай же ты что-нибудь! – выпалил Ваня. – Боишься к лесу подходить – хрен с ним! Сам разожгу. Бери котелок, топор и дубась, что есть дури!

К Антону вернулся дар речи, язык отлип от нёба:

– Что брать? Котёл? Так поднимем всех.

– Ты debil? – Ваню пытался не сорваться. – Пусть лучше мы их поднимем, – он посмотрел на палатку, в которой спали

девушки, – чем их поднимут на клыки твои новые лучшие друзья. Колоти давай. Шуми!

– Как в бубен бить?

– В твоём случае, как в набат. Ну не стой ты!

«Где же ты, сука?» – мысленно обращался Ваня к содержимому своего рюкзака.

Антон выхватил лучом фонарика чёрный котелок, стоявший у тлеющих углей. Схватил его. Ночь разорвал новый звук, затмивший всю царившую до этого какофонию. Ване показалось, что стадо кабанов притихло от воплей горе-туриста, а с крон ближайших деревьев вспорхнула стая воронья. Ладонь Антона теперь украшал багрово-чёрный смайлик, оставшийся от дужки горячего котелка.

– Да как ты дожил до своих лет! – вспыхнул Ваня с новой силой. – Знаешь, в Греции больных младенцев... Эврика, твою мать! Нашёл!

С нездоровой ухмылкой, поскальзываясь на мокрой от уже выпавшей росы траве, Ваню бросился к костру. Оттолкнул в сторону танцующего на пятках, скулящего Антона и бросил какой-то грушеобразный предмет в алеющее жерло кострища.

– Ложись, додик! – крикнул он и в два прыжка оказался за спиной пытающегося подняться студента.

– А это что за хрень? – стоя на четвереньках, Антон всматривался в чернеющую в слабом пламени колбу.

Ваня, с протянутой рукой, точно Создатель со знаменитой

фрески Микеланджело, бросился к товарищу в надежде оттащить того за капюшон толстовки:

– Не смотри, долба...

Раздался оглушительный взрыв.

Из чёрных макушек елей картечью рассыпалась стая птиц. Уши заполнил монотонный писк, а в воздухе запахло фейерверками. Из пасти камуфлированной палатки, словно белка из дупла, высунулась испуганная Алёна, ища в темноте пятикопеечными глазами источник шума. Может, война? Толик, вырвав замок-молнию, выполз на четвереньках из соседней палатки, похожей теперь на сломанный зонт, волоча за собой зацепившийся спальник. Не решаясь покинуть укрытие, Юля безмолвно выглядывала из зияющего чёрного провала «Снежного барса».

Антон кричал. Катался по сырой траве у разнесённого на сотни углей костра и прятал в ладонях мокрые от крови и пота глаза. Ваня тщетно пытался удержать парня и оторвать от искаленного лица, казалось, приросшие руки:

– Покажи! Покажи, ради Бога!

Мыча, словно глухонемой, и надрывно поскуливая, Антон нехотя поддался уговорам друга. Алёнка с Юлей, как две кошки в непогоду, прижались друг к другу, не решаясь покинуть палатку. Боялись смотреть. Онемевший Толик не мог оторвать взгляда от страшной сцены: Ваню, склонившись над чёрно-красной кляксой, некогда бывшей молодым лицом, пытался сдержать рвотный позыв.

– Темно, Ванька. Темно! – лепетал Антон, дрожа всем телом. – Они ушли... кабаны?

В последний и единственный раз Толик видел Ваню таким на похоронах его жены. Мужчины молча переглянулись, Ваню проглотил тяжёлый горький ком:

– Ушли, Антоха. Теперь безопасно.

* * *

– С тем же успехом я мог бросить ему в палатку гранату, – бичевал себя Ваня, подкуривая сигарету от бычка. – Или, не знаю, затоптать костёр его лицом. Так, забавы ради. Всё равно увечий было бы меньше.

Юля, как курица над хворым цыплёнком, кудахтала над изувеченным братом. Лицо парня отмыли, насколько позволяли скудные запасы воды. Под маской из сажи, крови и соплей оказалась вспаханная осколками стекла плоть. Обожжённое лицо Антона покрывали уже успевшие налиться волдыри, напоминавшие в предрассветной мгле паучьи яйца. Через рассечённое закрытое веко отвратительно алел белок. Веки второго глаза были вывернуты и напоминали несвежие мясные деликатесы. Очевидно, лопнула склера. Всё это месиво Ваня поспешил скрыть за жёстким протектором, сделанным на скорую руку из обложки своего походного блокнота. Теперь Антон чем-то напоминал Циклопа из вселенной Marvel.

– Что делать-то будем, Вань? – спросил Толик, крутя в руках пустую флягу.

– Ну, твоими стараниями, – Ваня искоса глянул на фляжку в руках друга, – Антоха пробудет в отключке ещё пару часов.

– А что я? Что мне оставалось? Не мочой же мне ему вспаханые щёки обрабатывать? Часть – на раны, остальное – в нутро. Жаль только, что спирт был последним. Если ещё какое-нибудь дерьмо случится, то всё...

– Не каркай! И без тебя воронья хватает.

– Что хоть в колбе было? – Толик закурил, спрятал под майку выпавший нательный крестик.

– «Медведь». Грамм двести.

Толик немо выругался, сплюнул себе под ноги:

– Чего ж ты «Соколом» не заправил? Может тогда...

– «Медведь», «Сокол», какая уже разница? Порох есть порох! – перебил Ваня. – От «Медведя» хоть прок есть: дым на километры по лесу растекается, а от «Сокола» что? Один пшик. С тем же успехом можно с собой в походы петарды брать.

Ваня запустил пятерню в густую бороду на манер расчёски и добавил:

– Кто ж знал, что эта Варвара любоваться полезет?

«Любопытной Варваре с лица кожу содрали. Любопытной Варваре лицо обглодали!»

– Прости, что? – Толик вопрошающе уставился на друга.

– Говорю, от «Медведя» пользы больше. Зверь за версту порох почует. Не подойдёт.

«А нашей Варваре все кости...» – Толик прокашлялся, пытаясь заглушить голос в голове. Чужой, недобрый.

В лагере пахло бенгальскими огнями. На секунду Ване вспомнился Новый год. Последний, который он встречал вместе с женой. Перед глазами забрезжило сладостное марево воспоминаний: вот он вваливается в квартиру с заснеженной ёлкой, вот Соня напяливает на их кошку рожки Рудольфа, а вот они вместе наряжают лесную красавицу. Запах хвои, мандаринов? Нет, это всего лишь порох и полынь.

«А нашей Варваре рот разорвали», – еле слышно зашелестело, на сей раз в Ваниных ушах, вытащив его из омута воспоминаний. Ваню в замешательстве взглянул на друга. Толик молча перешнуровывал ботинки.

К мужчинам робко под села Алёнка.

– Что теперь будет... с Антоном? С походом? – спросила она явно у обоих, но смотрела почему-то на Ваню. Тот, слепо уставившись в сереющее на востоке небо, крутил пару обручальных колец на безымянном пальце.

– Антохе транспорт нужен, – сказал Ваню. – Я вернусь к знакомой вехе, к разделению лесосек. Узнаю номер лесосеки – смогу понять, где мы находимся.

Ваня похлопал себя по нагрудному карману, из которого торчала помятая как черепаха богом карта.

– А разве карты не сворачивают в трубочку? – спросила

Алёна без тени сарказма.

Вано исподлобья взглянул девушку.

– Ой, молчу, – Алёна замялась, сделала глубокий вдох. – А можно с тобой? В смысле за помощью.

– Не можно, – отрезал Ваня. – Женщин и детей багажом не беру, а так как ты у нас два в одном...

Алёна закатила глаза, а Ваня добавил:

– А ты не хочешь побыть хорошей девушкой? Остайся с Антохой.

– У него уже есть хорошая сестра, – выдала Алёна. – К тому же от меня тут толку мало. Нам что, втроём над ним колдовать? И мне... страшно тут.

Ваня взглянул на Толика – тот пожал плечами. Алёна посмотрела на большие наручные механические часы – подарок Антона перед походом. Это лето должно было стать для них особенным, незабываемым. И Бог свидетель – оно таким стало.

– Пакуй своего «Снежного барса». Надеюсь, не пригодится, – снисходительным тоном сказал Ваня и проверил наличие компаса в кармане.

Словно гром среди ясного неба до лагеря донёсся волчий вой. Эхо металось в макушках деревьев как пойманная в клетку птица.

– Да вы, блядь, издеваетесь?! – заорал Толик в серое небо.

– Слышишь эхо? – обратился Вано к Толику, пряча нож в ножны. – Значит, они далеко. Расслабься.

– Расслабиться? Насколько далеко? – спросила перепуганная Алёнка.

– Достаточно для того, чтобы обратиться отсюда до восхода солнца, а днём волк не ходит, – Ванино спокойствие восхищало и пугало одновременно. – Надеюсь, к следующей ночи нас здесь уже не будет. Чего стоишь, Златовласка? Всё собрала?

– Ау, мужик! В смысле «обратиться»? – Толик побагровел. – Вам до ближайшего села сутки по болотам пилить! А меня с бабой и инвалидом на корм оставляете?

– Не говори так про Антона! – вступилась Алёна.

Ваня закатил глаза, закурил, посмотрел на дисплей мобильного. Связи не было.

– Я не в село, как ты выразился, иду, а в знакомую мне часть этого сраного леса, – терпение Вани заканчивалось. – Идти мы будем налегке, так что проблем особых возникнуть не должно. Как только наш всеми любимый оператор предоставит мне доступ к Интернету, я укажу наши геоданные, позвоню по бесплатному номеру «101», помнишь такой? А затем это чудо инженерной мысли, – Ваня демонстративно потряс телефоном у лица друга, – вытащит нас из этого дерьма.

Вано накинул на голову капюшон стройотрядовской куртки, посмотрел на Алёну:

– Готова, мелочь?

Та, вместо ответа, бросила Ване зачехлённую палатку. Поравнявшись с ним, Алёна обернулась, помахала остающимся

товарищам. Юля нехотя подняла руку в ответ. Уходя в чащу, Ваня взглянул на желтеющее небо, запоминая, на всякий случай, с какой стороны от них встаёт ленивое солнце.

* * *

– Это какой-то пиздец! – Ваня положил компас на болотную кочку. Стрелка сошла с ума и маятником раскачивалась в хаотичных колебаниях, балансируя на иголке.

– Эх, а я вот всегда недооценивала силу русского мата в патовых ситуациях, – пыталась разрядить обстановку Алёна.

Щурясь, она посмотрела на белый солнечный диск, зависший над голыми, чёрными, словно обугленными, деревьями. Взглянула на часы. Бред какой-то! Солнце явно было близко к зениту, а стрелки часов показывали без четверти восемь. Здесь, среди раскинувшейся топи, пришедшей на смену глухому ельнику, время как будто играло в прятки.

– Железные руды?

– Или геомагнитный разлом, – пробормотал себе под нос Ваня. Стрелка компаса закружилась, сделав несколько полных оборотов.

«Кручу, верчу, запутать хочу».

– Что? – Ваню с озадаченной миной повернулся к Алёнке.

Та вопрошающе посмотрела на него, вытерла предплечьем пот со лба. Ваню встал и огляделся, словно вылезший из норы суслик. Здесь им не пройти. С каждым шагом почва

под ногами всё больше походила на палубу корабля во время шторма. Квакающая, будто живая, бурая топь смердела на солнцепёке похлеще навоза. В недалёком мареве плавали живые тучи – это стаи комарья, да такого здорового, что Алёнке казалось, будто они способны обескровить лося. И в довершение всего – слепни. Полчища кровососов не давали прохода и, казалось, только и ждали, когда уставшие, обессиленные горе-туристы устроят привал в блаженной тени. А тени не было. Ни здесь, ни на километры впереди.

– Нам нужно вернуться, – выдавил из пересохшего горла Ваню и осмотрел закипающую от жары топь. – Видишь марево?

Алёнка устало кивнула, вновь стёрла заливающий глаза пот.

«Марево в жару да на болотах? Срочно во все газеты! – подумала она. – Вот только уж больно низко оно над топью».

– Это рудничный газ. Знаешь, что это значит? – спросил Ваню, говоря в горлышко полупустой фляги с водой. Хлебнул, предложил Алёнке. Та сделала объёмный глоток, прополоскала пересохший рот, сплюнула в сложенные лодочкой ладони и умыла лицо. Запрокинула голову, дав стечь влаге на серую от пыли шею. Вернула флягу Ване.

– Знаю. Болотные испарения. Вот только странно, – девушка принюхалась, – я чувствую только вонь гниющей ряски.

– Чему ж вас в универах учат? В том-то и проблема – этот

«болотный джинн» не имеет запаха. Там сложная смесь тяжёлых газов: сероводород, метан, радон, ещё какая-то хрень, – Ваню достал из кармана карту, попытался сориентироваться. – Этот дурман слишком тяжёл, не летучий он, в общем. И если днём ветер, которого, если ты заметила, ни хрена нет, ещё может растащить его по равнинам, то ночью, в затишье, этот газ станет для нас сродни «Циклону Б». А что это значит?

Тут он явно преувеличил, но и без последней аналогии Алёна прекрасно знала о воздействии большой концентрации болотного газа на человека. В частности на психику.

– Значит, ночью нам пиздец! – не дождавшись ответа, констатировал Ваня. – Ни лечь, ни поспать. Ни-хрена.

«Кручу, верчу, шею скручу», – будто бы сама топь прошептала Алёне на ушко. Девушка отпрянула от ржавой заводи.

– Ты слышал? – Алёнка вцепилась в Ваню предплечье. – Мать твою, ты слышал?

Нарочито игнорируя Алёну, Ваню стёр с усов липкий пот, взглянул на наручные часы: четырнадцать пятьдесят шесть. Достал из кармана бесполезный мобильник, сверил время: девятнадцать двадцать три. Будто с мольбой поднял взгляд к безжалостно палящему светилу. Явно полдень. Посмотрел на измученную спутницу: белые плечи стали болезненно розовыми от нещадно палящего солнца, серая майка промокла клином на груди, непослушные светлые пряди прилипли

грязными верёвками к худому лицу, на бровях, поверх прилипшей к ним паутины, блестели бисеринки пота.

– Прости, Златовласка, – еле выдавил из себя Ваня, – но я действительно не знаю, где мы. И да, – пытаюсь не дать голосу дрогнуть, добавил: – я тоже слышу голос из-под топи.

* * *

– Что-то его долго нет.

– Ну не в штаны же ему справлять нужду? – сказал Толик жене. – Я его недалеко отвёл. Вон за тот можжевельник.

Мужчина лениво махнул рукой в сторону колючих зарослей и добавил:

– Не параной. Или мне нужно было свечку держать, пока он Землю-Мать удобряет?

– Сходи, проверь, – Юля не находила себе места. – Не мне же брату в трусы заглядывать?

– Может, мне ему ещё и зад подтереть? – огрызнулся Толик, но покорно, хоть и нехотя, поковылял в сторону можжевельника. – Анто-о-ха! Кто не подтёрся – я не виновата-а-т!

* * *

В глазах был песок. Антону вспомнилась ознакомительная практика на первом курсе универа, когда он нахватался

«зайчиков» от сварки. Правда, только периферийным зрением, но и этого было достаточно, чтобы провести ночь с чайными пакетиками на глазах и компрессами из завёрнутой в марлю тёртой картошки.

А видит ли он вообще? Через протектор, сделанный Ваней, при всём желании нельзя было увидеть ни зги. Только осязаемая, бархатная тьма, а в ней песок и битое стекло под вывернутыми веками.

Антон едва мог самостоятельно передвигаться. Каждое неловкое движение отдавалось острой болью в глубоких порезах на лице, кровь стучала в ушах, а в искалеченных глазах ритмично отбивался пульс.

– То-о-ши-и-ик, – раздался тонкий, знакомый голосок. – Медвежо-онок.

От неожиданности Антон чуть не сел в продукт собственного труда.

– Анто-о-шка! – заискивающе прозвучало в нескольких метрах от парня. – Твоя пчёлка принесла тебе мё-ё-дик. Я соску-у-училась.

– Алёнка?! – чуть не криком спросил у темноты Антон.

– Тсс! Не то нас услышат и всё испортят, – шептала темнота. – Я голодная, а ты?

В нос бил терпкий запах багульника. Будто по мановению волшебной палочки боль притупилась и исчезла вовсе. Пульсирующая темнота окутала искалеченные глаза навязчивой прохладой. Кровь больше не стучала в ушах, она от-

лила от головы к совершенно другой части тела. Сердце забилось где-то под кадыком. Словно повитый тёмным мороком, ведомый чужой волей Антон встал на четвереньки, пополз на четырёх костях.

– Анто-о-ха-а! – эхо вторило басистому крику Толика. – Антон, твою мать!

– Не отвечай. Он всё испортит, – шептала темнота голосом Алёнки. – Смотри, что у меня есть для тебя.

Антон сгрёб в жменю лесную подстилку, жадно внюхался: вместо смрада прелой листвы и гнилых грибниц, обоняние уловило деликатные нотки женских любовных соков.

Раздался короткий девичий смешок:

– Ну, язык же тебе не оторвало?

Антон облизал потрескавшиеся губы и, стоя на четвереньках, потянулся лицом в темноту, явственно ощущая тепло влажной плоти.

* * *

– Анто-он! А ты знаешь, с каким словом отлично рифмуется твоё имя? – орал взбесившийся Толик. – Антон, твою ма...

Мужчина остановился, звонко шлёпнул ладонями по бёдрам. В нескольких метрах от него, за вывернутым сосновым комлем, на четырёх костях, стоял Антон, почти уткнувшись лицом в мох.

– От собственного дерьма блевать потянуло? – Толик расплылся в ухмылке, которая вмиг слетела с побелевшего лица. – Стой, дурень! Ант...

«Кушать подано», – лукавый, возбуждённый голосок шептал в голове склонившегося над капканом Антона. Губы обсасывали большой кусок побелевшего, тухлого мяса, лежащего меж клыкастых, похожих на разинутую пасть, ржавых дуг.

Крик Толика потерялся в вороньем грае, раскатившемся над лесом, а может, был прерван новыми, страшными звуками, наполнившими его уши.

Скрипнула ржавая пружина. Громкий щелчок, будто закрыли огромный несмазанный замок, сменился влажными, булькающими хрипами, продолжился отвратительными сощущими звуками. Ещё не мёртвое тело жадно глотало воздух, уткнувшись носом в лужу собственной крови. Голова и часть шеи Антона были намертво зажаты в зубастых дугах самодельного тарелочного капкана. Тело, от грудины и ниже, билось в страшных конвульсиях. Трепетало, словно выброшенная на берег огромная рыбина. Ноги судорожно вздымали лесной ковёр, обнажая прелую листву, а в липком воздухе запахло чем-то сладким и страшным.

И в краткий миг потери связи с реальностью Толик мог поклясться, что к страшным звукам агонии добавился новый, едва различимый: эхо тяжёлого топота копыт зависло в кронах деревьев.

– Может, мы умерли? – из последних сил выдавила из себя Алёна и, привалившись спиной к ольхе, сползла по гладкому стволу.

Вано упёрся руками в колени, перевёл дух. Тяжело сглатывая вязкую слюну и дыша, как загнанный пёс, он бросил свёрнутую в тугой рулон палатку на землю и без сил рухнул рядом с вымотанной спутницей.

– Не так я себе представлял ад, – он достал из нагрудного кармана промокшую от пота карту и протянул её Алёне. – Мы должны быть где-то здесь, – он ткнул пальцем в квадрат В5.

Алёна одарила карту ленивым взглядом из-под полуприкрытых век.

– А масштаб какой?

– Это уже не важно, – прорычал Ваня. – Мы ни хрена не здесь! Болот таких масштабов нет на карте.

С тех пор как они уткнулись в зловонную топь и решили вернуться назад по тропе, которой шли, прошло около пяти часов. Они так и не нашли знакомую вежу, не прошли «Бобровый мост» – так Ваня называл трухлявую, знакомую ему плотину. Но самое странное: они не обнаружили ни одной зарубки, которые Вано делал через каждые метров двести. Алёне вспомнилось детство: глухая деревушка под Новгородом.

дом, бабушка и её сказки. Вспомнились истории о русалках, лешем, авдóшке и диком луге, на котором бесследно пропал скот. Все былички и небылицы, в которые и дитя не верило, больше не казались плодом невежества и пережитком седой старины. Лесные тропы вязались узлами, дороги вели в болота или заканчивались непроходимым валежником, время словно замерло, хотя солнце явно галопом мчалось на запад. Компас давал бредовые показания, но самое страшное – навязчивая, будто бы живая, топь.

Дав себе ментального пинка под зад, Алёнка тяжело поднялась, опираясь одной рукой на Ванино плечо.

– Меньше всего я хочу провести здесь ночь. Давай, подьём! – она легонько пнула товарища мыском ботинка.

Ваня провёл грязной ладонью по усам, взглянул на гаснущий в небе диск:

– Будь реалисткой. Нужно искать место для ночлега. Сегодня мы не выйдем ни к селу, ни к вехе.

– Чёрта с два! – выдала Алёна.

Она расстегнула натуго затянутый ремень камуфлированных штанов, вытащила заправленную майку и, не поворачиваясь спиной к Ване, кое-как стянула её с липкого тела. Вывернула наизнанку. Принялась надевать обратно, швами наружу. Непослушная мокрая ткань отказывалась подчиняться и липла к зажатой в бралетт груди.

– Ты бы хоть отвернулась. Что, сказок начиталась? Не поможет, – Ваню стрельнул глазами на торчащие швы майки,

стараясь не смотреть на юный, полуобнажённый торс.

– Ничего нового ты не увидишь – это первое, а второе – я уже не знаю, во что верить, – Алёнка натужно улыбнулась, заправляя вывернутую наизнанку майку. – Подъём, дед. Солнце ждать не будет.

* * *

– Нас никто не ищет... Не будет искать, – бормотала забившаяся под ель Юля, нервно накручивая на палец непослушный локон. – Я не проведу ночь рядом... – она запнулась, искоса взглянула на можжевельные заросли, за которыми, укрытый еловыми лапами, лежал труп её брата. – Рядом с этим, – Юля обсасывала кончик тёмной пряжи, не прекращая работать пальцем на манер веретена.

– Да перестань ты их жевать! – схватив жену за руку, рывкнул Толик. – Я вернусь в течение минут двадцати, может, получаса.

Его голос лукаво дрожал, запинаясь, словно в недрах гортани загнула звуковая карта. Толик взглянул на падающее за кроны деревьев солнце. Сколько до заката? Сорок минут? Час? Он крепко обнял супругу за плечи, поцеловал в лоб.

– Видишь тропинку? – Толик указал пальцем на змеящуюся меж деревьев дорожку, слишком проторенную, чтобы быть звериной тропой. – Куда-то же она ведёт.

– Нет. Нет, блядь, нет! – Юля зашлась в истерике, удавьей

хваткой вцепилась в предплечья мужа. – Слышишь меня? Ни за что!

Тени становились длиннее. В лесу сумерки сгущаются намного раньше, это Толик знал, как «Отче наш». А какие у него были варианты? Ждать вестей от ушедших с утра товарищей? Устроиться поудобнее рядом со стремительно теряющей рассудок супругой, а может быть, поджечь к чёртовой матери этот грёбанный лес, как часом ранее предложила Юля? Тогда это не казалось Толику такой уж плохой идеей. Дым от бушующего пожара был бы виден за многие километры, а торфяные болота тлели бы, наверное, до самой осени.

«Лес не может быть бесконечным», – думал Толик и, должно быть, был прав. Тропа, петляющая меж деревьев, вела вверх по склону небольшого холма и терялась где-то в чаще. Мужчина лелеял надежду поймать сигнал мобильного оператора. Двадцать минут. Да, этого ему будет достаточно, чтобы хоть на какое-то время вычеркнуть из памяти обезображенный образ конвульсирующего тела, захлёбывающегося собственной кровью.

«Пусть для Юльки это останется несчастным случаем. Нелепой случайностью», – подумал Толя, закурил, вложил пачку сигарет в хрупкую женскую ладонь, поцеловал супругу, тяжело поднялся и, накинув на плечи кислотно-оранжевый дождевик, направился к тропе.

– Толик, золотко! Не ходи! – в новом приступе истерики запричитала Юля. – Пожалуйста, не надо. Толенька-а-а!

Убитая горем, она ползла на коленях к уходящему супругу. Тонкие руки лозой обвили бёдра Толика.

– Вернись к лагерю, скоро стемнеет, – он бросил на жену безразличный взгляд. – Не дай погаснуть костру.

* * *

– *Finita la commedia!* – констатировала Алёна, рухнув под старой сосной. – Я не сделаю больше ни шагу!

Вано театрально повернулся к уставшей спутнице, глубоко вздохнул, подбирая слова.

– Даже не думай мне что-то сказать! – начала Алёна, прежде чем Ваня успел открыть рот. – Избавь меня от своих тирад. Грубо говоря – на хер! Клала я с высокой колокольни на болотные газы, волков, свиней и прочую хрень!

Она глубоко вздохнула, сомкнула тяжёлые веки, закрыла лицо руками и... сдалась. Надрывный стон сменился горестными всхлипываниями:

– Я так больше не могу-у-у!

* * *

Вано сбросил с плеч палатку, присел на корточки рядом с рыдающей подругой, тщетно смахнул паутину с лица:

– Если тебя это утешит, то мне самому духу не хвата-

ло объявить привал. Мой «внутренний мужик» не простил бы...

– Да пошёл в жопу твой «внутренний мужик», и ты, кстати, можешь последовать его примеру! – холодные глаза Алёны больше не блестели той сталью, которую Ваню заметил при их первой встрече. Теперь в них читалась то ли детская обида, то ли обречённость.

А чего он ожидал от среднестатистической тепличной девушки? Сколько ей? Двадцать? Двадцать три? Не важно. Чем он сам занимался в её возрасте? Ваню вновь накрыла ностальгия: знакомство с Соней, первый совместный отпуск в Татрах. Помнится, тогда все отпускные ушли на пятидневный тур. Вспомнилась их с Соней роспись. Ну и дубар же тогда был! Ваню больше не знал дурней, кроме них, игравших свадьбу на Хэллоуин.

Отпуск, походы, бытовуха – всё было, но не было такой чернухи. Топь, искалеченный товарищ, скудные запасы провизии, полное лишение средств коммуникации и компас, верь они показаниям оного – давно бы уже достигли Тартара.

– Я пройду ещё метров сто, – Ваня указал рукой в сторону гаснущего солнца. – Там, вроде как, местность холмится. Может, найду минеральный островок. А ты не унывай, Златовласка! – Он поцеловал девушку в лоб, достал из кармана батончик мюсли в уже очевидно растаявшей шоколадной глазури. Протянул Алёне. – Маленькие радости.

«Просвет. Там просвет!» – вид редеющего леса добавил Ване сил, словно кочегар подкинул в топку добрую лопату угля.

Вершину холма, на который взбирался измученный походник, венчала пара сросшихся сосен. За ними алел тёплый летний закат.

– Шажок, ещё шажок, – бормотал себе под нос Ваню, выпутывая ноги из высокой травы. – Затем другой...

От увиденного Ваня врос в землю. В лучах подёрнутого облаками закатного солнца он был похож на деревянного чуря, одного из забытых богов предков: непроницаемое, одеревенелое лицо, испещрённое редкими морщинками с въевшейся грязью. Ничего не выражающие глаза утопали под хмурыми бровями, а под вислыми усами не прятался рот-верёвка, нет. Он карикатурно открылся и так и застыл зияющим провалом на сером лице.

Ваня рассчитывал увидеть неглубокий овраг, предполагал, что за холмом раскинулась бескрайняя серая юдоль, ждал увидеть что угодно, вплоть до терема Деда Мороза, но только не это.

Там, где сросшиеся сосны венчали холм, а их корни, словно щупальца лавкрафтовского монстра, змеились в траве, действительно был обрыв. То был не овраг и не очередная

низина. На самой вершине холма, словно жерло вулкана, зияла огромная, набитая костями яма: будто сама Земля разинула свою смердящую пасть. Диаметр метров шесть-семь, явно рукотворная. О глубине судить было невозможно. Выбеленные дождями и ветром кости оспинами пестрели на более древних, ставших коричнево-чёрными скелетах. Грудные клетки, позвоночники, тазовые кости, но не было ни черепов, ни копыт, ни рогов.

Вано пресёк на корню роящиеся в сознании тревожные мысли: «Нет, слишком велики для человеческих».

Опасно нависнув над смрадным могильником, яму обрамляли узловатые берёзы с почти вывернутыми наружу корнями. Мимолётный ветерок донёс до мужчины явственный запах падали. Наверняка некрополь не так давно пополнился. Где-то в сонме костей гнила свежая туша, иначе как ещё можно было объяснить тошнотворные, сладковатые миазмы, режущие слизистую носа. Дурман диких трав смешался с истинным, непритворным запахом смерти, образуя тлетворную амброзию.

Первая мысль, пришедшая Вано на ум – браконьеры. Их могильник. Бредово, конечно, но твёрдая уверенность в этом закрывала множество вопросов.

– Хорошо хоть мелкая не видит, – пробормотал Вано в усы.

Искать новое место для лагеря у горе-туристов не было ни сил, ни времени. Ваню под разными, порой идиотскими предложениями пытался уговорить Алёну вернуться назад по тропе на километр-другой. Не ища убедительных аргументов, он готов был пронести спутницу на руках, если придётся – волоочь волоком, лишь бы оказаться подальше от ямы с костями.

Но здравый смысл восторжествовал. А может, всему виной женское упрямство. Так или иначе, измотанные путники разбили лагерь у подножия холма, на вершине которого, укрытая от лишних глаз живой изгородью берёз, раскинулась яма с кошмарным содержимым. Алёне, разумеется, Ваню ничего не сказал о жуткой находке, оставив девушку в блаженном неведении.

– Продержишься часика три? – спросил Ваня, вручая Алёне шкуросьёмный нож.

– Как будто у меня есть выбор, – обречённо ответила та.

– Я сменю тебя около четырёх, – Ваню тяжело ввалился в разинутую чёрную пасть палатки. – Поутру смачнее спится.

Кряхтя, как недовольный младенец, Ваня тщетно пытался стянуть тугие ботинки с отёкших ног.

– Если что – буди, – устало прозвучало из недр палатки. – Главное...

– Не. Просри. Костёр, – закончила за него Алёна, закатив усталые глаза. – Да знаю я.

* * *

Ваня сидит в старом плетёном кресле посреди засеянного рожью поля. На горизонте, в звенящем мареве, брезжит фиолетовая полоса леса. Вдалеке слышится лошадиное ржание, перемежающееся звонким женским смехом. Он уже слышал его раньше. Звуки приближаются, становятся более отчётливыми. Смех окружает Ваню, проникает в поры, растекается по телу. К мужчине неспешно идёт чёрная как смоль лошадь с всадницей. Ваня не видит лица наездницы, но твёрдо знает: это Соня! Он поднимает руку в знак приветствия, зовёт жену по имени, но губы застывают в немом крике. Голосовые связки отказываются подчиняться, а может, у него нет языка? Ваня запускает трясущиеся пальцы в пересохший рот. Бесплезная мышца на месте: прилипла к сухому нёбу и на ощупь, как сухая мозоль на пятке.

Ваня вновь зовёт супругу. Тщетно. С потрескавшихся губ не слетает ни звука. Он пытается встать, но не может. Его ноги укрыты серым, застиранным пледом. Завидев Ваню, всадница хохочет, машет ему зажатым в руке стеклом. Воздух гулко и коротко взывает, Ваня буквально чувствует это кожей. Маслянистое, жирное марево колыхнется от решительного, хлёсткого удара стека по крупу. Животное переходит на га-

лоп.

По мере приближения очертания наездницы становится всё отчётливее: длинные каштановые волосы рваным стягом развеваются за спиной пригнувшейся всадницы, белая блузка застёгнута под горло до самой последней пуговицы, знакомые ботинки для конкура крепко сидят в стремях. И этот смех. Такой знакомый, родной. Соня жива! А её смерть оказалась всего лишь дурным сном. Но почему Ваня не может рассмотреть её лицо? Он так хочет вновь увидеть её огромные карие глаза, курносый нос со скупой россыпью веснушек, румянец от летнего зноя на бледных скулах. Он трёт залитые потом глаза. А может, это слёзы? Щурится от безжалостно палящего солнца, но вместо Сониного лица видит лишь тёмно-красное пятно, похожее на огромный сигаретный ожог.

Ваня вновь пытается подняться. Тщетно. Он смотрит на укрытые пледом ноги, и его губы застывают в безмолвном крике. На месте, где должны быть колени, по пледу расплылись багрово-чёрные пятна.

Лошадь с ликующей всадницей пронесется мимо, едва не затоптав немо кричащего мужчину. Ваня падает. Теперь плед больше не укрывает его обрубки, некогда бывшие ногами. Но боли нет. Из грубо отрубленных ног бегут красные ручейки. Хватаясь вспотевшими руками за спинку кресла, Ваня пытается взобраться обратно. Высокая стена ржи лишила его обзора. Он больше не видит свою жену, но отчетливо

слышит неистовое ржание испуганной лошади, на смену которому приходит пронзительный женский крик. Страшное эхо растекается над нивой, застревает тоненьким писком в ушах. Раз за разом вспотевшие ладони предают Ваню, и он вновь оказывается на сухой земле, среди мешающих обзору спелых колосьев.

Но что это за новый звук?

Ещё когда были слышны завывания ветра, а лошадиное ржание сменилось частыми всхрапами, до Ваниного слуха донёлся странный, пугающий своей неестественностью звук. Будто волейбольный мяч угодил в лужу. Теперь же, когда какофония исчезла, в чавкающих шлепках читались ритмичные, тяжёлые удары, словно сырое мясо пытались отбить киянкой. Нет, не мясо. Ваня знает природу звука – лошадь бьёт копытом по грязи.

Шлёп-шлёп. Отвратительный метроном звучит в ушах мужчины. Ваня в очередной раз пытается забраться в кресло. У него почти получилось. Он вцепился в лакированные прутья мёртвой хваткой и повис на спинке, словно утопающий на надувном круге.

Открывшееся его взгляду зрелище он уже видел и, к сожалению, наяву. Неужели опять? Насколько ещё хватит его рассудка?

Кошмары разные, а финал один. Теперь он видит, о да!

Чёрная лошадь, тряся лоснящейся гривой, бьёт передним копытом, но не по грязи. Среди смятых колосьев, в позе

Витрувианского человека, лежит распростёртое тело Сони. Шлёп-шлёп. Лошадь отбивала страшный ритм там, где некогда было лицо женщины. Шлёп-шлёп. Рука с разбитыми костяшками пальцев сжимает чёрный стек, левая нога вздрагивает с каждым ударом копыта, попадая в ужасный такт. Шлёп-шлёп.

Ваня вопит от собственного бессилия. Лицо Сони напоминает кровавую тыквенную кашу. Там, где была голова, теперь даже не угадываются очертания черепа. Липкие, мокрые от крови волосы обвили куски бордовой плоти, прилипли к белеющему мясу, а может, это обломки костей?

Внезапно свет меркнет. Непредвиденно ясное небо затягивают клубящиеся, свинцовые облака. Со страшной силой налетает ветер, прижимая теперь ставшие кроваво-красными колосья к земле. Ваня видит, как на налитых багрянцем злаках выступают бисеринки крови. Тяжёлые, липкие капли стекают по стеблям – поят Землю.

Его зовут по имени. Ваня оборачивается. В десятке метров от него, по пояс в кровавых злаках, стоит обнажённая Алёна. Молочная кожа с прожилками голубых вен контрастирует с багряной юдолью. Слипшиеся от крови светлые волосы частично скрывают небольшую грудь. Широко посаженные глаза цвета сырой нефти буравят мужчину. Алёна или то, что выглядит как Алёна, явно равнодушна к разыгравшейся драме. Ваня знает – она не живая. Живые так не выглядят! Девушка заискивающе зовёт его по имени, слегка

наклоняет голову набок, манит пальцем. Вновь зовёт, на сей раз надтреснутым баритоном:

– Ваня! – голос не может принадлежать такому хрупкому созданию. Он звучит утробно, низко, заполняя собой всё пространство, обволакивая с головы до пят.

Существо, чем бы оно ни было, делает несколько уверенных шагов в сторону Вани. Кровоточащая пшеница расступается перед Алёной, оставляя красные кляксы на плоском белёсом животе. Руки существа плетями висят вдоль туловища. Алёна проводит ладонью по алым злакам, орошая кровавыми брызгами почву. Ускоряет шаг. В её движениях есть что-то неправильное. И тут Ваня видит, как налитая кровью рожь мнётся под поступью лосиных копыт, заменяющих Алёне ноги. Существо переходит на бег, и Ваня видит за узкими плечами твари могучее лосиное тело. Бурый круп пестрит алыми проплешинами. Очередной выкрик его имени переходит в расщеплённый лосиный рёв. Тварь встаёт на дыбы, копыта рассекают густой воздух...

Ваня проснулся, как ему показалось, от собственного крика. Действительно, показалось. Кричала Алёна.

* * *

– Его сожрали. Сожрали! – подвывала Юля, забившись под куцую ель. – Или он свалился в какой-нибудь овраг, сломал позвоночник и теперь медленно умирает.

Девушка, запустив пальцы в густую шевелюру, расчёсывала кожу на затылке. Догорающий костёр подмигивал скупой россыпью углей. Насмехался над Юлей.

– А может, он сдох? – в глазах появился нездоровый блеск. – Да, Толик сдох, но точно не нарочно оставил меня здесь! Нет, он не бросил!

За спиной, откуда-то из темноты, раздался хриплый, протяжный стон. Взвизгнув, будто севшая на кнопку школьница, Юля подпрыгнула от неожиданности, обернулась, ища испуганным взглядом источник звука.

Там, за можжевеловыми зарослями, где под лапником лежало холодное, изувеченное тело её брата, послышалась возня. И прежде чем сработал первобытнейший инстинкт – сражайся или беги, из темноты донёсся протяжный стон:

– Уходи-и-и...

Просить дважды было ни к чему. Не помня себя от страха, не выбирая ни троп, ни дорог, Юля, надрывно выкрикивая имя мужа и моля о помощи, бросилась прочь.

– Уходи-и-и! – утробно звучало за её спиной.

Спотыкаясь и падая, Юля бежала в черноту ночного леса. Не останавливаясь, задыхаясь от собственных воплей, она поднималась на холм по змеящейся, заросшей тропке. По той самой, по которой несколько часов назад ушёл её муж.

Ночные краски тускнели, близился рассвет. Боясь оглянуться, лишённая всяких сил, Юля уже ползла на четвереньках, жадно глотая воздух саднящей гортанью.

Лесная чаща расступилась. На смену холмам и заваленным валежником низинам пришёл экотон, густо заросший малинником и пышным папоротником. Словно колоссы, царая рваные облака голыми ветвями, высились одиноко растущие исполинские сухие осины, впившиеся узловатыми корнями в сырую землю. На горизонте, разрастаясь, словно грибок, раскинулась бескрайняя топь.

– Твою мать! – крик отчаяния вспугнул стайку юрких пташек, тучкой вылетевших из-под зарослей папоротника.

Усилием воли Юля заставила себя подняться. Тяжело дыша, сглатывая вязкую слюну и борясь со страхом, она всё-таки решилась обернуться.

На границе леса, там, откуда она минуту назад выползла на четырёх костях, застыло ярко-оранжевое пятно. В очертаниях кляксы угадывалась человеческая фигура, облачённая в дождевик.

– Толя? – дрожащим голосом просипела Юля. – Толенька, миленький!

Не ища рационального объяснения увиденному, девушка неуверенной походкой, переходящей в бег, поспешила в

сторону оранжевой кляксы. Фигура в дождевике, пребывая в безмолвии, смотрела на спешащую к ловцу добычу. Тяжёлые, будто налитые свинцом ноги, вязли в топкой почве. Запутавшись в собственных конечностях, Юля упала, исчезнув в высокой траве. Холодный воздух разрезал звонкий металлический щелчок, за которым последовал душераздирающий вопль.

Пасть капкана сомкнулась на Юлином запястье, без труда сломав тонкие кости.

И в этот момент, сквозь сырую пелену тумана, застелившую глаза, Юля увидела, как фигура у леса пришла в движение. Незнакомец с невероятной прытью направлялся в её сторону. Человек в дождевике волок за собой багровый свёрток. Фигура остановилась у одной из исполинских осин. И только когда незнакомец стал приматывать свою ношу колючей проволокой к голому стволу мёртвого дерева, Юля узнала в изуродованном куске мяса своего мужа.

– Мамочки-и-и! – лепетала Юля, глядя на чёрно-красное тело, примотанное к дереву, словно к жертвенному столбу. – Не надо! Умоляю!

Закончив с трупом, порвав последним тугим витком рот Толи, человек в дождевике размашистой походкой направился к попавшей в капкан добыче.

Последнее, что видела теряющая от боли сознание Юля, как незнакомец, откинув полы дождевика, достал серп.

И лес ожил, явив свою истинную личину.

Земля стонала, точно раненый зверь, шквалистый ветер бесновался в могучих кронах. Ваня, путаясь в собственных ногах, едва успевал за Алёной, которая словно сорвалась с цепи. Студентка, лавируя меж вывернутых бураном деревьев, неслась в лесную глушь, перепрыгивая через фосфоресцирующий сфагнум, словно лань.

– Стой, дура! – надрывно орал Ваню ей вслед. – Заблудишься же!

– Так не быва-а-ет! – звучало далеко впереди. – Не бывае-ет!

За спиной Вани рокотала тьма. Ожившая чаща наполнилась звуками дикого гона. Треск ломающихся вековых стволов растворился в громогласном зверином рёве.

Ваня даже толком не понял, что заставило их с Алёной, бросив все свои вещи, покинуть лагерь и бежать. Бежать, не оглядываясь ни при каких обстоятельствах. Первобытный страх гнал горе-туристов прочь от подножия холма, на вершине которого Ваню обнаружил яму с костями. Ваня помнил лишь тот краткий миг, когда кубарем вывалившись из палатки, всё ещё пребывая в липких лапах кошмара, он увидел белую, как полотно, вопящую Алёну. Студентка, вперив стеклянные глаза куда-то в темноту, давясь собственным криком,

спиной отползала к лесной чаще. И Ваню мог поклясться, что на фоне сереющего неба, в красной дымке тумана, стекающего по склонам холма, он видел всполохи чёрного пламени, вырывающегося из чрева могильника. А затем, босиком, ринулся за улёпётывающей Алёной. Сделал он это в тот самый миг, когда на вершине холма, раздвигая могучим торсом деревья, будто это был камыш, появилось огромное, противоречащее всем законам природы существо.

* * *

– Ты это видел? Видел?! – лепетала запыхавшаяся Алёна, когда они с Ваню, держа друг друга за плечи, без сил рухнули в сырую траву на опушке. В воздухе витал сладкий запах падали. Хоть и небольшое, но открытое пространство дарило чувство иллюзорной безопасности. Хищный лес вновь погрузился в привычное безмолвие.

– Видел, – ответил Ваню, крутя пару обручальных колец на пальце.

– Что это, блядь, было? Я такого даже в Кунсткамере не видела!

Вопрос остался без ответа. Студентка села рядом с растянувшимся в траве Ваней, робким голосом спросила:

– Можно вопрос не по ситуации?

Ваню кивнул.

– Что случилось с твоей женой? В смысле я знаю, что она

погибла, просто... – Алёна замялась. – Просто ты кричал во сне. И... и звал её.

Вопрос действительно был не к месту. Ваня приподнялся на локтях, тяжело выдохнул:

– Её затоптала лошадь, – в горле застрял тяжкий ком. – На тренировке по конкуру.

– Пиздец! Прости, – щёки Алёны вспыхнули от стыда.

– И шлем на Соньке был, и опыта хватало, – продолжил Ваню, – но почему-то, падая под копыта, она отпустила вожжи...

Алёна виновато опустила взгляд.

– Толку от шлема, когда полутонная кобыла бьёт тебя копытами в лицо? – Ваню умолк, всё ещё вращая холодные кольца на безымянном пальце.

– Прости, я правда не... а это что за хрень? – Алёна потрясла Ваню за плечо, указывая рукой туда, где начинался подлесок.

В предрассветных сумерках, у самой границы леса, словно избушки на курьих ножках, чернели необычайно огромные солонцы.

– Очень похоже на... кормушки? Ясли? – ответил Ваня и, желая поближе рассмотреть строения, поспешил к солонцам.

– Кормушки? Таких размеров? Да погоди ты! – Алёна едва поспевала за ним.

Приблизившись к исполинским солонцам, на краткий миг

Вано подумал, что всему виной обильные заросли дурманящего багульника или высокая концентрация рудничных газов. А как иначе можно было объяснить увиденное? Но всё это оказалось не навязчивым кошмаром и не галлюцинацией. Ещё за несколько метров до кормушек до Ваниного слуха донёлся монотонный гул, будто где-то рядом находилась пачка. По мере приближения к солонцам жужжание становилось всё громче, а в нос бил ядрёный сладковатый смрад падали.

– Не смотри, – сказал Вано, отвернувшись от кормушек. Желудок скрутило спазмом, а к горлу подкатила желчь. – Валим отсюда! Не смотри.

Он подбежал к Алёнке, схватил за узкие плечи с жалкой попыткой развернуть девушку. Оградить от отвратного зрелища.

– Да что ж ты заладил, не смотри, не... – Алёна, смотря через плечо Вано, сорвалась на дикий визг.

Нутро солонцов было до отказа набито человеческой убоиной. Несвежее, почерневшее мясо пестрело оспинами опарышей, из-за чего в утренней полутьме создавалась иллюзия движения падали. Беспорядочно расчленённые тела облепили мухи.

Что-то шепеляво свистнуло. Чёрная мушиная туча картечью разлетелась над кормушками. Стеклянные глаза Вани смотрели куда-то мимо Алёны.

– Боль-но... – прохрипел он, повис на девушке, обвив её

шею слабеющими руками, и вместе с Алёной рухнул в мокрую траву, придавив девушку своим телом.

Из поясицы Вани торчала арбалетная стрела, явно вымоченная в чём-то нервно-паралитическом. Страх сменился паникой, а через два долгих удара сердца перерос в неподдельный ужас, когда из-за кормушек показалась высокая, плечистая фигура в оранжевом дождевике.

Пытаясь выбраться из-под гнёта обмякшего тела, выкрикивая обречённые мольбы о помощи, Алёна даже не заметила, как краски начали блекнуть, а её шею обвила гаррота.

* * *

В тёмном срубе пахло плесенью и сбором диких трав. С побитых грибком стен, чёрными провалами глазниц, кичась белёсой костью, на Ваню смотрели с полдюжины охотничьих трофеев: лисьи, медвежьи, оленьи черепа. На ветвистых рогах последнего висел кислотного цвета дождевик, явно выбивающийся из общей тлетворной цветовой гаммы

– Просто отмой её, – загудело сдавленным эхом в ушах приходящего в себя Ваню. – Банок пустых у нас много, спасибо старухам с окрестных хуторов, храни Мать-Земля их белые кости. А зимы нынче долгие. Голодные, – надтреснутый голос перемежался слабыми всхлипами Алёны:

– За что вы так с нами? – причитала подвешенная за руки к ма́тице студентка.

Голую девушку обтирала мокрой тряпкой мужеподобная смуглая женщина неопределённого возраста. Вода бурыми ручейками стекала по бёдрам Алёны, со звоном капала в металлический таз под ней. Узловатые руки незнакомки обтирали живот девушки, сгоняя капли влаги к лобку. Шершавая ладонь прошлась по внутренней части Алёнкиного бедра. Пальцы тут же стали липкими, алыми.

– У суки начались месячные! – рявкнула незнакомка лежащей в углу тёмной хижины дряхлой фигуре, укрытой толщей штопаных одеял.

Груда зашевелилась, издав протяжный гортанный стон:

– Корм...

Мужеподобная женщина принюхалась. Прильнула к Алёнину животу, где на месте шрама от операции по удалению аппендикса красовалась безвкусная татуировка в виде ножниц и пунктирной линии с сопровождающей надписью «Cut it». Палец женщины скользнул по Алёнкиной промежности, окрасился красным.

– Человек человеку корм, – скалясь пеньками зубов, прошепелявила незнакомка, рисуя окровавленным пальцем на теле Алёны штриховую линию от грудины до паха.

* * *

– Нас будут искать, – процедил Ваню сквозь зубы, воротя лицо от кружки с пряным отваром. – Нас уже ищут!

– А ну заткнись и глотай! – женщина, внешностью мало чем отличающаяся от кроманьонца, закрыв мужчине нос, вливала ему в глотку какое-то пойло. – Либо Матка захочет твой стручок, либо нет...

Сдавшись, Ваню проглотил горячее варево. Горло обожгла горечь полыни и чего-то ещё. Незнакомка стянула с мужнины штаны:

– И ты называешь себя мужиком? – угольно-чёрные глаза с насмешкой смотрели на Ваню из-под сбившихся, грязных волос.

– Нас уже ищут... наши друзья, – блефовал подвешенный за руки Ваню.

– Вас никогда и никто не найдёт, – неожиданно раздался надтреснутый голос из дальнего угла сырого сруба. – Нас нельзя найти. Нас нигде нет.

Голос, очевидно принадлежавший старухе, сменился хриплым кашлем.

– Друзья? – усмехнулась мужеподобная. – Разве это не ваших друзей?

Она указала рукой на стол, на котором покоилась пара нательных крестиков и два разбитых мобильника. Один из них Ваню безошибочно узнал: с чехла Юлиного смартфона Ваню улыбался Гомер Симпсон.

– Судя по вашим игрушкам, – продолжила знакомка, – со времён изобретения пенициллина утекло много воды.

– За что вы их... – Алёна зашла в рыданиях.

– Крещёные, – донеслось из-под толщи одеял. – Их пожрала Мать. Она всегда голодна.

– Больные убудки! – сорвался Ваню. – Кто вы, мать вашу, такие? Мы ничего вам не сделали!

– Не смей трогать Матку! – прорычала мужеподобная. – Она есть суть! Она – лес, она – жизнь. О, вы слышали Тёмную Мать! Ты даже видел её лежбище.

Ваня вопрошающе смотрел на свихнувшуюся дикарку.

– Её ворожба сильна! Она нашёптывала вам, играла, – продолжила женщина. – Тёмная Мать привела вас к яме с костями. Наверняка вы задавались вопросом: почему компасы сходят с ума, почему время играет в прятки? Наконец, почему вы ходите кругами? – она лукаво улыбнулась. – Даже мы с сестрой не знаем, где мы находимся. Ваши учёные назвали бы это... – дикарка запнулась, нахмурила чёрные брови, вспоминая мудрёную, когда-то от кого-то услышанную фразу. – А, во! Пространственно-временной ямой! Этого места нет ни на одной карте.

– Какая мать? Какая яма? Какая, на хер, сестра? – Алёна махнула головой в сторону нар, на которых лежала старуха.

– Когда-то Тёмную Мать называли Китовра́сом и почему-то наделили мужскими причиндалами, – начала дикарка. – По вымирающим сёлам ходили небылицы, в которых Матку называли Костяной кобылой, возможно, из-за её лежбища – ямы с костями, под которыми она коротает вечность, а племена восточных славян отчего-то нарекли Мбкошью и

наделили вполне людскими, бабьими чертами.

– Где такие мухоморы брали? – спросил Ваня, стараясь не смотреть на обнажённую спутницу, подвешенную прямо перед ним. – Я тоже хочу.

– А ты, сладкий, послужишь великой цели, – оставив вопрос без ответа, сказала мужеподобная и стрельнула взглядом на член мужчины. – Мы вымираем. Уже много зим Матка не давала потомства. Мы с сестрой последние.

Женщина направилась к нарам, где, хрипло дыша, лежала старуха. Цок-цок – звучали шаги, словно она шла на каблучках.

– Ты себя слышишь? Вы же конченные, абсолютно! – заорал Ваню. – Скрестить человека с кобылой? И кто должен родиться? Кентавр?

– Отвар скоро подействует, – сказала дикарка, склонившись над нарами сестры, – кровь прильёт туда, куда нужно, и ты сам всё узнаешь. Матка всё сделает сама.

Женщина лукаво ухмыльнулась, поправив сестре одеяла, из-под которых торчала пара лосиных копыт.

* * *

Печная труба, словно вулкан, выбрасывала клубы ароматного дыма. Звонкий воздух был насыщен дурманом жжёных трав. Ваня не помнил, как он оказался привязанным к столбу на поляне за ветхим срубом. Обнажённое тело бил озноб,

лицо пылало. Глаза медленно обволакивала мерцающая серая дымка, в ней метались пульсирующие белые круги, точно светлячки во тьме, мешая фокусировке зрения.

Возможно, Ваню слишком медленно моргнул, ибо он совсем не помнил тот момент, когда стволы берёзовой рощи раздвинула пара костлявых, похожих на сухостой рук.

Из расступившегося березняка, издав гортанный рёв, появилась тварь, образ которой противоречил всем законам природы. Массивное тело лося, вдвое больше обычного, с проплешинами в слипшейся шерсти, возвышалось над подлеском. На расстоянии длинные ноги существа можно было легко спутать с молодыми берёзами. Но не размеры твари и даже не её роль в сложившейся ситуации вынудили Ваню орать выпью в вечерней мгле.

За мгновение до того, как нахлынула тьма, а сердце пропустило слишком много ударов, прежде чем перейти на галоп, захлебнуться кровью и остановиться, точно старые часы, Ваня успел по достоинству оценить чувство юмора Создателя. Там, где у лося, пусть и огромного, должна была быть грива и «серьга», находился одутловатый женский торс. Бурая грудь двумя кожаными мешками свисала к рыхлому вздутому животу. Торс, с непропорционально длинными, дряблыми руками, венчала плешивая лосиная голова. Влажная, очевидно, липкая шерсть лоснилась, на горбоносой морде запеклась кровь. Чёрные, будто залитые битумом, глаза были размером с теннисный мяч.

Ошибка природы, словно явившаяся напрямиком с острова доктора Моро, приблизилась к агнцу, обнюхала вспотевшее, обмякшее тело. Матка ткнула плешивой мордой в упавшую на плечо голову Вани. Существо положило костлявую руку на грудь мужчины туда, где находилось сердце.

Мужеподобная женщина с опаской наблюдала за происходящим в маленькое окошко сруба. Тёмная Мать, отпрянув от тела, раскинула руки-сучья в распятии и издала яростный рёв. Существо встало на дыбы, взмахнуло передними копытами. Рёв прервался дуплетом влажных шлепков, будто кому-то отвесили пару оглушительных пощёчин.

Женщина, нервно заморгав, отпрянула от окна. Подошла к тяжело дышащей сестре, обречённо погладила ту по лысеющей голове. То приходящая в себя, то вновь теряющая сознание измученная Алёнка, с трудом подняв с груди упавшую голову, прошептала:

– Ванька... Где Ванька?

Ответа не последовало. Дикарка с опаской посмотрела в окно: Матка уносила на руках обмякшее мужское тело в лесную мглу. Размозжённая голова Вани, будто лопнувший воздушный шарик, алыми лохмотьями болталась на сломанной шее.

Женщина взглянула на Алёну и подбросила пару поленьев в печь, на которой, над чугунками с водой, уже стерилизовалась пара банок для закатки.

Александр Матюхин. «Пуповина»

1

Леша Свиридов навещал родной поселок раз в полгода, но в этот раз сорвался незапланированно. Виной всему был звонок от брата Валерки. Возникла у него какая-то сложная ситуация, пришлось ехать на выручку.

Валерка был безобидным, и если возникали неприятности, то обычно мелкие, бытовые. С такими он справлялся сам, помощь брата не требовалось. Но тут позвонил среди ночи, бормотал что-то про срочность и несколько раз, будто в бреду, восклицал: «А ты ведь мне говорил не соваться!»

Свиридов сел в ночной поезд, потому что в посёлок поезда ходили почему-то только ночами, забрался на боковое верхнее и, отвернувшись к стене, задремал. Свиридов любил дремать в поездах. Его убаюкивало. Сновидения накатывали, будто тошнота, волнами. Свиридов чётко понимал, что не спит, в глаза лез яичный свет ламп, перед лицом сновали люди, кто с чаем, кто с полотенцем на плече, и у всех этих людей – он знал – в области животов болтались души.

Поезд тархтел до нужной станции девять часов, остановился на рассвете, в тумане, таком плотном, что едва можно

было различить платформу. Свиридов, разомлевший в вагоне, по обыкновению дрожал всем телом.

Путь пешком занимал минут двадцать, и всё это время Свиридов дрожал, зябко поёживался, тряс руками, подпрыгивал, то крутил головой, разминая шею, то скукоживался весь, как персонаж анекдота. В это же время Свиридов просыпался окончательно и осознал, что вот он – посёлок Ореховый, где провел почти всю жизнь, дрался с одноклассниками до первой крови, лишился девственности с соседкой, которая жаловалась на погибшего где-то мужа и закуривала сразу после оргазма; где однажды притащил в дом огромного чёрного кота, а родители, испугавшись, швырнули его в подвал и долго объясняли, что ничего чёрного и четвероного в их доме никогда не будет. В конце концов Свиридов сам в этот подвал спустился. И там же узрел всю родительскую тайну, которая высушила его от пят до кончиков волос, вытряхнула внутренности вместе с душой и вернула, такого, обратно.

Брату повезло больше. Потому что он был беспроблемным и не совал нос, куда не следует. Его хотелось защищать и огораживать от всего на свете, чем родители и занимались, пока не умерли.

Добравшись до дома Валерки, Свиридов привычным движением перекинул руку через калитку, отодвинул засов, вошёл. Двор был небольшой, и половину его занимал мотоцикл «Урал» с коляской, укрытый сейчас серым брезентом. На

впадинах и между складок скопились желтеющие и подгнивающие листья.

На крыльце же сидел Валерка, заспанный. Он всегда выходил встречать Свиридова, когда бы тот ни приехал. Валерка покуривал неторопливо, стряхивая пепел. Глядя на него, тощего, невыспавшегося и небритого, Свиридов сразу понял, что случилось.

– Выглядишь приличным человеком, – поприветствовал Валерка старой шуткой.

– Куда мне до тебя. – Шутка тоже была старая, заезженная, но являлась частью не озвученного ритуала.

Братья обнялись.

– Ну рассказывай, как угораздило? – спросил. – Серьезный косяк?

– Машка... – сказал Валерка. – Я такой идиот, если честно, такой идиот. Помнишь Машку?

Сидоров её ни разу не видел, но зато наслышался рассказов.

Валерка уже пару лет сокрушался, что Маша на него не смотрит, потому что она ого-го, руководитель отдела маркетинга, а он всего лишь рабочий средней руки. У неё, значит, запросы, а у него зарплата без индексации. Подойти не решался, всё вертел в мыслях (да на языке по пьяни) сцену, будто из фильма: как спасает её от насильников или алкашей, приводит в дом, поит чаем или чем покрепче, а Маша тает, влюбляется. Но до дела не доходило. Поэтому Валерка

жаловался брату несколько раз – тоже по пьяни. Но ничего особо не предпринимал. Он вообще по жизни был малоинициативный.

– Пойдём, – Валерка мотнул головой и добавил. – Только не злись. Иначе никак нельзя было.

– Ты ходил в родительский дом. – Не спросил, а утвердил Свиридов.

Валерка не ответил, заторопился по ступенькам к двери. Свиридов нагнал его в сенях, схватил за плечо.

Когда-то это должно было случиться. Потому что Свиридов далеко, а Валерка здесь, в трех кварталах от места, куда вход запрещен. Забор там давно зарос хмелем, местами прогнил и склонился к земле. Шифер на крыше дома почернел, укрылся сухими листьями. Краска облупилась на ставнях, на крыльце и на двери. Только кирпичный сарайчик – вход в подвал – стоял как новенький. Потому что магия, мать его.

Валеркино плечо затряслось под его ладонью. Брат чиркнул спичкой, закурил, развернулся.

– Ходил. Спускался в подвал, до самого дна. И вернулся, как видишь.

– Но ты что-то взял оттуда, да? И что сделал?

– А, вот.

Валерка попятился и спиной толкнул дверь из сеней в комнату. Дыхнуло жаром, перетопленной печью, и в чуть дрожащем воздухе, в ломающемся пылинками свете Свиридов разглядел ту самую обожаемую братом Машу.

Она сидела на диване, ровненько, расправив плечи, положив руки на коленки, смотрела аккуратно перед собой, и была, без доли сомнения, мертва. На шее её чернел широкий разрез. Кожа вдоль разреза сползла лоскутками, подсохла и обрела оттенок перегнивших осенних листьев. Под глазами набухли синяки с желтизной, а висок справа оказался разодран, будто когтями.

Но Сидоров не только поэтому понял, что Машка мертва, а из-за её души – серого силуэта, свернувшегося калачиком у ног девушки.

– Я... сейчас всё расскажу, – пробормотал Валерка. – С мыслями собирался, знаешь. Нельзя же так просто вывалить на тебя всё. Невозможно объяснить так запросто. Тут выпить надо, обдумать. Я знаю, что ты выслушаешь. У тебя же, это самое, родительский дар. Ты же особенный.

Валерка подошёл к комоду, распахнул дверцы, выставил на круглый стол стопки, бутылку водки, какие-то блюдечки, сахарницу, булки и конфеты россыпью.

– Не злись, хорошо? – продолжал бормотать. – Я не мог иначе.

Маша, к слову, была красивой девушкой. Если бы не чернушный с сине-желтым отливом шрам, не запекшаяся кровь, не впалые глаза... Молоденькая. Жить бы, да жить ещё. А сейчас типичный мертвец, коих Свиридов на работе повидал сотни.

Её душу, вывалившуюся сразу после смерти, Валерка не

замечал, само собой. Шмыгал сквозь неё, дёрганными движениями, шарканьем тапок и бормотанием сильно напоминающей отца. Внешностью походил, а вот характером или, скажем, умом – не очень. Валерка боялся большого города, шума, суеты и ответственности. Именно поэтому отбивался руками и ногами от предложений родителей по университетам и отправился сначала в армию по срочке, потом в техникум, а потом прямиком на местный кирпичный заводик. Может быть, если бы родители прожили дольше, они бы вколотили младшему сыну чувство какой-никакой гордости за свою жизнь, заставили бы его расти над собой, но не успели, а Свиридову было не до этого, тут бы с собственной судьбой справиться. Поэтому оставалось только наблюдать, как Валерка просиживает молодость и зрелость в деревне. Хорошо хоть дом сам себе собрал, натаскав кирпичи по благу с заводика. Одно время их там вместо зарплаты выдавали.

Но в целом – безвольный и точка. Сколько ещё эпитетов можно было на него примерить? Свиридов уже привык приезжать, помогать по мелочи. Иногда ворчал на бесхребетность брата, но разве ворчание когда-то что-то меняло?

Валерка поставил перед Свиридовым стопку с водкой и положил кусочек ржаного хлеба. На блюде еще лежало сало, но от него Свиридова воротило.

– Я с утра не пью.

– А кто пьет в здравом уме? – спросил Валерка. У него были красные, запыленные глаза.

– Рассказывай. – попросил Свиридов устало. – Как вяпался?

Валерка выпил сам, уложил в рот ломтик сала. Рассказал.

2

Во всем был виноват мотоцикл. Если бы не он, Валерка бы в родительский дом ни за что не сунулся. Вернее, тут обстоятельства. Хочется выбрать виноватого, вот Валерка и решил, что мотоцикл. А на самом деле, конечно, вина лежала на самом Валерке и только на нём.

Если начать издалека, то Маша неприступная же барышня. Ну на кой ей Валерка, верно? У неё мозги, мысли о карьере. Она хотела с заводика местного через год свалить в город. Не в столицу, понятное дело, а сначала в Воронеж, например. Всего семьдесят километров.

А тут Валерка, цветы, подарки, ухаживания. На Машу засматривались многие, девушка она была видная, но именно Валерка неожиданно проявил настойчивость. Он и сам от себя не ожидал, но влюбился крепко, всем сердцем.

Раза три признавался в любви, а Маша молчала, отводила взгляд. Валерка психовал из-за этого, ему казалось, что Маша специально не отвечает, мучает, а на самом деле тоже влюблена. Просто у неё карьера, а он кирпичи таскает по шесть часов день.

Мужики на работе отговаривали, мол, успокойся и забудь,

она просто боится обидеть. Есть такая штука у женщин, хотят остаться друзьями во что бы то ни стало с любимым, кто уделяет им внимание. Тут бы – раз – и отсечь влюбленного, а нет.

Полторы же недели назад случилась трагедия: Маша вдруг сообщила, что увольняется. Причем, как-то она там договорилась с директором, что уходит сразу, не отработывая долгие две недели. Вещи у неё были собраны, план намечен: перевод в тот самый Воронеж, в такой же почти завод, но покрупнее. Карьера, в общем.

Валерку как пришибли. В голове гудело, а в груди болело, причем по-настоящему, будто сердечный приступ. Он ушел домой пораньше, сославшись на болезнь, свалился лицом в подушку и лежал так до вечера. Потом ещё всю ночь и половину следующего дня. Что-то на него нашло такое, чего раньше он никогда не испытывал.

После обеда кое-как очнулся, выполз во двор и там до заката надраивал мотоцикл, чтобы отвлечься. Но не отвлекался. Тяжелые мысли крутились то так, то эдак. Вместе с ними и плохие мысли тоже. Неразделенная любовь – лучшая лазейка для греха.

Потом всё же спохватился, что нельзя так, пристыдил сам себя и ушел напиваться до чёртиков. Честное слово, хотел впасть в беспамятство, в затяжной запой, чтобы вымарать эти ужасные дни и остановиться уже когда Маши и след простынет. Но очнулся на улице, серым рассветом, в тумане по

циколотки, стоящим у Машиной калитки. Звал её слабым голосом, вроде бы делая вид, что не пьян, но пьян был на самом деле чудовищно.

Маша вышла, растрепанная и красивая, спросила чего тебе, а он ответил, что любит её и не может принять расставания, а она ответила, что ей сейчас не до любви, потому что сил нет жить среди всего этого, а он спросил какого этого, а она ответила, что среди таких вот пьяниц, бездорожья, мусора, запустения, воровства, а он молча слушал и улыбался, а потом сказал, понимаю тебя, сам бы сбежал, да воспитали безвольным.

Маша его тогда почему-то обняла и поцеловала в щеку. Валерка протрезвел немного и понял, что натворил. Дальше была слезливая сцена с падением на колени и поцелуями Машиных красивых ладоней. Валерка обещал, что больше никогда не будет пить, что он готов помочь с переездом и хочет, чтобы она была счастлива в Воронеже. Смутил окончательно и унялся только когда Маша пообещала, что именно с ним доедет до железнодорожного вокзала в городке неподалеку.

Условились, что Валерка довезет на мотоцикле. В назначенный день, то есть примерно неделю назад, он подъехал ко двору, помог загрузить сумки в коляску, посадил Машу за собой и помчал.

До города ехать было минут сорок. Маша обняла Валерку, и от оглушительной смеси тоски и счастья у него перехватило дыхание. Он выжимал газ, притормаживая только на по-

воротах. Хотелось одновременно, чтобы их эта близость никогда не закончилась, и чтобы быстрее завершилась, потому что была для Валерки мукой.

Где-то на середине дороги, когда слева потянулись поля, а справа редкий лес, переднее колесо мотоцикла внезапно сильно вильнуло и лопнуло. Мотоцикл рванулся в сторону, рулём выворачивая Валерке руки, выскочил с дороги сначала на обочину, потом в траву и перевернулся. Валерку швырнуло вверх и вниз, придавило к земле, обожгло. Мотоцикл несколько раз кувыркнулся и приземлился среди деревьев точно хонько на колеса.

Кругом валялись разбросанные вещи. Валерка поднялся на колени, ощущая, что лицо заливают кровью. Крикнул:

– Машка! Машка!

Хотя, может, и не крикнул, а прошептал, кто разберет-то?

Машу он увидел метрах в пяти от себя. Она лежала на спине, широко раскинув руки и ноги, и мелко-мелко дрожала, будто её били разряды тока. Валерка пополз к ней на коленках, потому что сил было мало, в висках болело, зубы болели тоже, а перед глазами кружилось. Но даже в таком состоянии понял, что Маша или мертвая или сильно покалеченная.

Он подполз и увидел рану у неё на шее и кусок стекла, торчащий под ключицей. Маша смотрела слепо и мёртво на небо, а дрожать уже почти прекратила. Крови было немного, она смешивалась с коричневой землей, вывернутой наизнанку под колесами мотоцикла.

Не соображая, поддавшись эмоциям, Валерка обнял Машу и лежал так некоторое время, пачкаясь в крови. В голове мелькало разное, безумное. Но одна мысль была ясная: путь к спасению. Валерка понял, что нужно делать и, наверное, впервые в жизни решился на серьёзный поступок.

* * *

Удивительно, но ни одна машина не проехала за то время, пока Валерка тащил тело Маши к мотоциклу и загружал в коляску. Маша была невысокая, хрупкая, уместить её внутри целиком не составило труда, а когда сверху легла брезентовая накидка, то и незаметно стало, что кто-то там вообще есть.

Валерка выкатил мотоцикл обратно на дорогу, осмотрел. Переднее колесо лопнуло, но хотя бы не погнулось. Менять на запаску времени не было, поэтому Валерка, как мог, поехал – неторопливо, крепко держа руль. Убил колесо в хлам, но докатил до дома и уже внутри осторожно перенёс мертвое тело.

А вот тут уже стал торопиться. Прежде всего нашел ключи от родительского дома – они лежали в тумбочке под телевизором, аккуратно завернутые в платок. Ключи были как новенькие, хотя Валерка ни разу их не доставал много лет.

Потом побежал узкими улочками к дому, стараясь, что никто не заметил. Перебрался через забор в том месте, где

особенно густо разрослись кусты сирени. Заросшие тропинки во дворе едва проглядывались, под ногами мягко пружинила трава. У Валерки точно так же запружинило в голове от волнения.

Брат запрещал соваться сюда. Под страхом смерти. Потому что он побывал в подвале, был спасен родителями и с тех пор изменился неузнаваемо. Не внешне, а внутренне.

Валерка понял с детства, не дурак, и побаивался нового «внутреннего» брата, подвал и родителей, а потом и то, что стало происходить с братом после родительской гибели.

Как же не бояться, когда спишь в одной детской с человеком, который видит призраков. Как в кино. Кричит. Просит вернуть ему душу. А однажды брат встал среди ночи, пошёл на кухню и вернулся в комнату с ножом. Сел у окна, скрестив ноги.

«Кого ждешь?»

«Мертвецов»

Глаза брата были закрыты, но он не спал. Ладони крепко обхватили рукоять. Не дождался, хотя перепугал родителей здорово.

...Валерка за много лет почти забыл о своём страхе. Но сейчас вспомнил и испугался ещё сильнее. Хотя ноги сами несли по траве, по щербатым и разбитым бетонным плитам тропинки, сознанием Валерка хотел оказаться далеко отсюда.

Но не мог отказаться от мысли, что Машу можно спасти.

Он остановился перед кирпичной кладкой с деревянной дверью. Это был вход в подвал. Ручку давно отломали, а кривые гвозди, её когда-то держащие, проржавели.

Руки тряслись.

Валерка не был здесь пятнадцать лет. Сторонился, забывал, следовал заветам старшего брата. Возвращаться в прошлое не всегда легко и приятно. Иногда – страшно. Но нужно.

Дверь отворилась со скрипом, разрывая паутину. Посыпалась пыль, сгнившие опилки.

Валерка и ощущал себя безумцем, когда спускался по ступенькам. Левой рукой держался за стену. Сначала она была тёплая и шершавая, а потом постепенно стала холодной и гладкой. Бетон под ногами сменился поскрипывающими досками.

Темнота обступила незаметно и вязко, Валерка не знал, что так вообще бывает. Вот свет остался сзади, превратился сначала в белое пятнышко, потом исчез, а вместе с ним свет исчез и из самого Валерки. Старший брат предупреждал – это первая плата за спуск в подвал. Пока ещё можно было вернуться, сбежать, но он не остановился, а продолжал спускаться.

Один шаг, второй, третий. Уши заложило.

Безнадежность.

Четвертый, пятый шаг. Темнота заполняла пустоты внутри.

Шестой шаг, восьмой. Он спустился в подвал.

3

– И что ты оттуда взял? – спросил Свиридов негромко.

Валерка, успевший за время рассказа, выпить четыре стопки и выкурить штук пять сигарет, пьяно кивнул головой в угол. На табурете лежал аккуратнo сложенный клетчатый плед.

– Ага, – сказал Свиридов. – Как понял, что именно он нужен?

– Как понял, как понял... Никак. Я от страха чуть с ума не сошел. Соображал плохо, знаешь. Схватил, что первое под руку попало, и обратно. Уже когда выскочил на улицу, разобрал, что плед. Ну, думаю, знак.

– Укрыл её, значит?

– Что ещё с пледом делать? Конечно.

* * *

...Под пледом мертвая Маша пролежала ночь, до утра. Валерка прикорнул рядышком, а когда проснулся, увидел, что вот она села – не моргает, почти не шевелится. Плед сполз ей на ноги.

Дотронулся. Ледяная. Дыхания нет. Сердцебиения тоже.

Как и души, наверное...

* * *

Свиридов снова посмотрел на Машу. Видно было, что Валерка пробовал её отмыть, а ещё замазал страшные шрамы, расчесал, приодел. Издалека Маша вполне могла бы сойти за живую.

– Что же ты такой... – Свиридов привстал. – Ни рыба, ни мясо. Впутался по самую маковку.

Валерка молча пожал плечами.

– Я не хотел, как ты.

Свиридов усмехнулся:

– А что «как я»?

– Ну, ты же это, – Валерка запнулся, сглотнул. – Бездушный, говорят. И с этими самыми способностями, как у мамки с папкой. – Нервно дёргая глазом, он продолжил. – Я ж не думал, что делаю, пока не спустился. Потом тоже не думал. Я тугодум, а тут еще нервы... Хорошо хоть свалил живым.

Он косился на Машу, потом поднялся, пошатываясь. Интересно, как часто он вот так бывал пьян по утрам?

Подошёл, сгрёб плед, поднёс к Свиридову и швырнул тому под ноги. Свиридов рефлекторно поднял стопы на перекладину табуретки. От пледа исходила потусторонняя энергетика, свойственная вывалившимся душам и смертельно больным людям. В больнице этой энергетике было столько,

что приходилось от неё отмываться. Липла, как намагниченные металлические опилки. Вот так за день примешь десятков пациентов, а потом соскребаешь под душем мочалкой остатки чужих налипших жизней.

– Мне это больше не нужно, – сказал Валерка. – Кажется, я больше не безнадёжен.

Свиридов вытер ладони о брюки. Соображал неторопливо, размеренно. Брат как будто до сих пор был в шоке, никак не очухается от произошедшего. Надо бы его вытащить.

Впрочем, разве не для этого Свиридов приехал?

Валерка внезапно обнял его, дыхнув ядрёной смесью перегара и сигаретного дыма. Кажется, это было первое искреннее объятие брата лет за десять. Они никогда особо не ладили, если честно. Свиридов был с родителями, а Валерка – обыкновенный.

– Спасибо, что приехал. Мне сегодня нужно, срочно, сам понимаешь.

Из-за Валеркиного плеча Свиридов поглядывал на Машу. Та не шевелилась. А вот душа елозила под её ногами. Она была связана с Машиным телом пуповиной.

У людей всегда две пуповины – одна удерживает при рождении, нужно обрезать, чтобы прийти в мир живых. Вторая наоборот, удерживает при смерти. Обычно, после смерти, душа вываливается из человека, как новорожденная сущность, грязная и липкая. Тут же и пуповина рвётся, и душа отправляется в свой потусторонний мир. Но бывают случаи,

когда людей никто не хоронит, не подвергает старым обрядам, не соблюдает все условия – и тогда вывалившаяся душа остаётся в мире живых, примотанная к мертвецу до тех пор, пока пуповина не разлагается самостоятельно, со временем. Это могло затянуться на десяток лет. Свиридов как-то встретил душу, сидящую возле тела в лесу. Душа не могла отойти от хозяина, пуповина не давала. Поэтому она просто тихо поскуливала от бессильной злобы да шептала проклятия, надеясь, что они долетят до свободного уха случайного прохожего.

Свиридов видел их. Пытался общаться. Вот и сейчас душа, разлепив черное отверстие вместо рта, зашипела, так, что брызнуло холодом Свиридову в уши:

– Забрал жизнь – верни на место! Оживил – неси ответственность! Или существуй с этим, как должно!

Души были неразумны. Они повторяли одно и то же, не реагировали на голоса или звуки. Бесполезно было с ними разговаривать.

– А у тебя был выбор, ну, тогда? – спросил Валерка, трясясь всем телом. Он не слышал и не видел Машину душу, но чувствовал на первобытном уровне животный дискомфорт. – Просто интересно, брат. Ты мог как-то определиться?

У Свиридова не было выбора. Ему никто не предлагал вернуться к обычной жизни, а поставили перед фактом и всё тут. Вывалившуюся душу обратно не вернуть.

Он молча выпустил брата из объятий, и тот вывалился через порог в сени.

– Перекурю. Душно как-то. Плохо. И вернусь.

Глухо заскрипели половицы, открылась и закрылась дверь. Свиридов же подошел к мёртвой Маше и присел около души. Та елозила, расчесывал место, где пуповина погружалась в вязкую плоть, пялилась на Свиридова белой мякотью глаз.

– Чего вылупилась? – спросил Свиридов, вытягивая ноги. – Решим сейчас вопрос, как обычно.

4

Ни один советский ребенок не боялся подвалов, пока не появились американские фильмы ужасов. Потому что в деревнях подвалы были везде, и были они унылыми влажными помещениями, где над потолком болталась тусклая лампа накаливания, вдоль стен торчали деревянные полки, забитые банками – с закрутками или без, а из зловещего там были разве что пауки. К тому же подвалы делали небольшими, и всякий хлам никто не складывал (для этого у нормального советского гражданина был гараж!). Ну какие призраки могут быть среди огурцов, арбузов и малинового варенья?

Леша тоже не боялся подвала родительского дома. Признаться, он даже не задумывался о подвале, не его это было дело туда соваться. Но как-то раз он посмотрел первый в

своей жизни фильм ужасов, в видеосалоне, который открыли неподалеку от школы. Леше было то ли девять, то ли десять лет. Он бы не пошел смотреть такое, но одноклассники сообщили, что учитель труда Виктор Палыч, соорудивший видеосалон в здании бывшей библиотеки, зовет первых зрителей бесплатно. Грех было не пойти. Ну вот Леша и пошёл. Фильм был про мертвецов, которые прятались в подвале дома и выбирались оттуда по ночам, чтобы сожрать наивных детей и подростков. Вот в этом фильме подвал был совсем не советский, а огромный, страшный, запутанный. Деревянных полок и тем более закаток с помидорами в нём не нашлось, зато мертвецов и призраков пряталось хоть отбавляй. Леша на сеансе перепугался страшно, прятался под стулом и закрывал лицо руками. Несколько дней ему снились мертвецы, выглядывающие сквозь щель между полом и деревянной крышкой подвала. А потом он сообразил, что подвал есть и у них дома. Бывают такие моменты в жизни, когда не замечаешь чего-то, не замечаешь, а потом – бац – и оказывается, что оно всегда под боком. Так и с подвалом. Вход в него был расположен на заднем дворе. Папа выложил кирпичный сарайчик, откуда вниз вела бетонная лестница.

Несколько дней Леша ходил вокруг этого сарайчика, постепенно заполняясь острой смесью страха, любопытства и стыдливости. Стыдился того, что испугался. Убеждал себя, что там были призраки американские, ненастоящие, а в его-то подвале ничего подобного и близко нет. Но сам же опро-

вергал себя другими мыслями: а зачем им в семье вообще такой подвал? Никаких закуток у них не водилось, огород мама вела через силу, засаживала мало, и уже к ноябрю всё посаженное съедалось. Папа вроде бы тоже ничем в подвале не увлекался, замечен не был. Тогда откуда подвал взялся? Зачем он здесь?

В конце концов Леша решился. В один из дней сразу после школы он запасся фонариком, обогнул дом, распахнул дверь в пристройку, сделал шаг и, поскользнувшись, полетел кувырком вниз. Фонарик исчез в темноте, а Леша несколько раз больно ударился то ли о ступеньки, то ли ещё обо что и тоже как будто исчез, растворился. Ему показалось, что тело его упало не на землю, а на мягкую перину. Причем, перина порвалась под весом, Леша провалился глубже, во что-то чёрное и вязкое, продолжил падать и вдруг вывалился куда-то наружу, словно пролетел сквозь землю и оказался в гипотетической Австралии. Только, конечно, не вверх тормашками.

Щекой прижался к дощатому полу. Кругом была пыль. Один глаз затёк от удара, а вот вторым глазом Леша разглядел кривые ножки кровати, стульев, вязанку дров у деревянной двери, замызганные половики. Ещё разглядел чьи-то ноги, которые не были похожи на человеческие, а как будто на звериные и лошадиные вместе. То есть вместо пятки были чёрные копыта, а от копыт тянулась стопа, покрытая грубой рыжей шерстью и заканчивающаяся четырьмя пальцами

с коготками.

Ноги эти находились очень близко. От лица ошалевшего Леша их отделяло несколько сантиметров.

Тут-то его и накрыло.

Он понял вдруг, что это не обморок, не сон, а реальность. Запах дыма, озноб, покалывание в затылке – всё настоящее. Скрип половиц, копытца вместо пяток, потертые джинсы на чужих ногах, чёрная вязкость, облепившая лицо и волосы – всё настоящее. И ещё настоящее, пронзительное ощущение, что родители где-то очень далеко. За сто тысяч километров отсюда. А, может, вообще их попросту нет. И вот лежит маленький одинокий Леша на грязном полу, елозит ногами, пытается не захныкать и не понимает, как отсюда выбраться обратно, что с этим делать.

Он всё же захныкал, не удержался, как девчонка какая-то.

Копытца застучали вокруг его головы. Оно нагнулось, существо, и Леша, увидев его, стошнил. Он не запомнил лица, но запомнил эмоции. Потом еще долго мочился в постель по ночам, просыпался и плакал от липкого ужаса, пахнувшего как тошнота и желудочный сок. Даже когда ему уже было восемнадцать и даже двадцать пять. Ничего не мог с собой поделаться, хотя знал правду.

Существо схватило его за штанину и, приподняв вниз головой, стало трясти. Вытряхивало душу, внутренности, сознание. Конечно, это был сон. Взаправдашний сон. Не могло столько всего вытряхнуться из Леша. А существо это, тварь,

оставшаяся в воспоминаниях где-то глубоко-глубоко, протянула руку, содрала с Леша рубашку и полоснула острым когтем от мягкого розового пупка до впадинки на груди. Леша почувствовал, как холод пронизывает его, как плоть раступается, кожа лопается и что-то вываливается из его нутра. Что-то тяжелое шмякается на пол. Он стал почти невесомым, будто сохранилось от маленького Сидорова только оболочка.

Он звал мамочку и папу. Плакал.

Существо же, словно наигравшись, швырнуло его в сторону кровати. Он упал на пол, зашелестел по деревянным половицам, пялясь глазами куда-то на яркий свет, покаты́й потолок. Кто-то схватил его снова, потащил под кровать, в пыль и темноту. Опять в темноту. Голос мамочки. Голос папы.

Ещё тянется из разреза в животе влажная, липкая пуповина, а за пуповиной этой – серая, пузырящаяся душа.

Леша больше ничего не помнил толком. Будто мчался в темном-темном вагоне поезда, где иногда торопливо мелькали в темноте пятна фонарей.

Вспышка: лица родителей, склонившиеся над ним.

Вспышка: соленые пальцы, лезущие ему между губ и зубов, проталкивающие что-то в горло.

Вспышка: чужие руки елозят в его животе, за грудной клеткой, добираются до позвоночника.

Вспышка: больничная койка, запах лекарств.

Мамин голос: «Упал в подвал, скатился со ступенек и головой прямо об... удачно, что не позвоночником... скажите, когда?..»

Вспышка: папа, сидящий у койки. Капельница. Папа осматривается, потом кладет на край кровати сложенный вчетверо носовой платок, разворачивает его, достает что-то аккуратно, двумя пальцами, и торопливо, ускорившись, запихивает Леше в рот. Влажное, ледяное, извивающееся.

Вспышка: он наполняется жизнью. Он больше не оболочка. Хочется дышать, двигаться. А за окном щебечут птицы. Весна. Прохладный воздух.

Вспышка: спрашивает, что это было за существо, что за место, почему пропал подвал и где он вообще оказался?

Мама и папа не ответили ему. В тот раз не ответили, а подождали, когда он выпишется. И уже тогда не оставили выбора.

* * *

Родительский дом построили давным-давно, лет триста назад. А до этого здесь был лес, а среди леса поляна. А на поляне, как в старой скороговорке, яма в никуда. Обычные люди эту яму никогда не видели, а если и натыкались, то по неосторожности – проваливались случайно, исчезали и никогда не возвращались.

Потом появился кто-то, кто яму разглядел, огородил, а за-

тем – вот уж сообразительнейший человек! – приладил лестницу, чтобы спускаться и подниматься. Он же, наверное, и был первым, кто посмотрел, что же там внизу, а потом вернулся живым. Правда, оказался он немного сумасшедшим, рассказывал про чудо-хижину, сказочную, как изба на курьих ножках, только ещё сказочнее. Вместо Бабы-Яги там обитало страшилище, которое жрёт людей, птиц и животных без разбору. Комнаты у чудовища заставлены сплошь сундуками, а в сундуках этих богатства несметные, но не золото или бриллианты, а разные мистические штуковины. Ковер-самолет, например. Скатерть-самобранка. А ещё лук, которые сам стрелы пускает точно в цель. Камешки разноцветные, что путь показывают. Картинкидвигающиеся. Много всякого, в общем. Страшилище это сидело на богатстве, как собака на сене.

Свихнувшийся мужичок ходил по деревням, да рассказывал про яму, лестницу, избу, сокровища. Про то, что страшилище крадёт людские души, оставляя человека ни с чем, то есть с пустотой. В доказательство показывал всем шрам на животе от пупка до впадинки на груди и говорил, что теперь уже точно после смерти угодит прямоком в Ад, потому что выбора-то у него больше нет.

Никто свихнувшемуся не верил, а чтобы не мозолил глаза, выпороли как-то с утра и отправили босым обратно в лес. Там он и остался, отстроил деревянный домик около ямы, оградил забором и сторожил, чтобы никто посторонний не

сунулся.

Постепенно цивилизация добралась до леса. Проще говоря, его вырубали, застроили, протянули дороги. А тот домик так и стоял. Кто-то видел мужичка время от времени. Он появлялся на местном базаре и, бродя от прилавка к прилавку, предлагал странные штуковины на продажу. Говорил, что страшилище теперь ему не страшно, потому что бездушных оно не трогает и не чует.

Многие его сторонились, но были и те, кто покупал всякое-разное. Слух о мужичке (которые к тому времени стал уже старичком) расползся по ближайшим городам и деревням. К домику приходили люди разного уклада, просили продать то-то и то-то. Старичок почти никому не отказывал, но всегда предупреждал: любая вещь из той ямы сама по себе бесполезна, если человек не знает, как её применить. Ну и не все люди знали. Кто-то разочаровывался и пускал слух, что старичок этот мошенник, но многие предпочитали помалкивать, потому что вещи действительно обладали непонятной силой. Нужно было только уметь ею пользоваться.

Потом старичок незаметно умер, а место его занял сын, а за сыном – его сын. И так далее на несколько поколений. Иногда к домику подъезжали сильные мира сего, требовали отдать им волшебные штуковины за так, угрожали выпороть, сослать на каторгу, заковать в кандалы, раскулачить, конфисковать, расстрелять, выбросить вон из страны, упечь в психушку, сжечь домик и окрестности, закопать живьем,

натравить братков, засудить, снести. Но никто, конечно, с домом и его хозяевами не справился. Та самая сила, которая наделяла обыкновенные вещи чем-то необыкновенным, с таким же успехом огораживала обитель от внешних сил.

* * *

В этом беге поколений оказался втиснут и Леша Свиридов, который, со слов родителей, должен был стать наследником и тоже жить в доме, тоже таскать штуковины, продавать их и так далее из года в год, из десятилетия в десятилетие.

Спустившийся в подвал неизменно терял душу, но приобретал свойство видеть души других умерших людей. Родители считали, что это дар. Им нравилось быть сторожами, нравилось спускаться в подвал и таскать у страшилища разные волшебные предметы. Видимо, чего-то не хватало в жизни родителям, они компенсировали неудачи в карьере, любви, мотивации таким вот способом.

Но проблема была в том, что Свиридов не захотел продолжать. Чем старше становился, чем хуже казалась перспектива застрять в деревне навсегда. Валерка больше подходил на роль сторожа, но его никто туда, разумеется, не подпускал. Даже не рассказывали, чтобы не искушать. Это позже, когда Валерке исполнилось пятнадцать, кто-то в школе стал дразнить его сыном колдунов, и он попытался разузнать правду, но всё равно натаскал отовсюду только слухов и догадок.

Сколько же сил стоило Свиридову, чтобы сдержаться и не выдать тайну. А уж родители были как два молчаливых камня, ни на один Валеркин вопрос прямо не ответили.

Валерка узнал всё после смерти родителей. Свиридов рассказал в ночь после похорон. И еще рассказал о том, что вообще придумал делать с родительским домом, ямой и волшебными штуковинами. Решение было простое, как любое, в общем-то, решение, которое продумывается годами. Свиридов собирался заколотить у дома окна и двери, закрыть подвал и никого никогда не пускать внутрь. А поскольку сам Свиридов уезжал из деревни, то следить за домом было велено Валерке. Бедному простоватому Валерке, который в жизни не видел ни магических штук, ни страшилища, ни тем более яму.

Но и тут Свиридов продумал, а, вернее, схитрил. В ту же ночь после похорон он повел Валерку в родительский дом. Подсвечивал фонариком дорогу. Распахнул дверь подвала и сказал:

– Пойдём, покажу, чтобы ты точно знал, что всё это правда.

Серые щербатые ступеньки убегали в черноту. Через два-три метра внизу даже свет фонарика бы не помог бороться с мраком. Валерка, пьяный и взволнованный, переминался с ноги на ногу.

– Что там? – спросил он.

– Дом страшилища. Это такая тварь с копытами и рогами.

Прячет в ящиках разные магические штуки.

– Это про них рассказывали мама и папа?

– Ага. Но забыли рассказать кое-что ещё. В обмен на спуск ты отдаешь душу. – Свиридов замолчал, давая Валерке привыкнуть, осознать. Конечно, он преувеличил. Душу тварь забирала сама, если ловила человека. Но ведь можно было и не попадаться... Продолжил. – Всё время будешь жить с ощущением пустоты. Как будто чего-то не хватает. Яма в сознании. А после смерти попадешь в Ад. Иного пути не будет. Хочешь стать сторожем, как я? По-настоящему, без прикрас.

– Я пожалуй... Оно точно мне надо? А если я и так верю?

Валерка морально сломался, закурил и заторопился прочь. Уже на следующее утро помог брату заколотить двери и окна, повесить новый замок на забор. Свиридов взял с Валерки обязательство раз в неделю приходить сюда и проверять, чтоб не сунулся никто, а сам через два дня собрал вещи и уехал в город.

С тех пор появлялся нечасто, больше созванивался, да кидал Валерке денег, в помощь.

Только пустота в душе напоминала время от времени, что нужно приехать к родному дому, вспомнить прошлое, навестить могилы. Да и только.

5

Пока Валерки не было, Свиридов закатал рукава, осмотр-

рел кухню: стаканы пустые на столе, старая, поблескивающая от жира скатерть, плакатик с красивой девушкой на стене, занавески, ещё родительские, диван, желтоватая штукатурка на потолке. Одинокий Валерка поддерживал порядок, как мог, но выходило не очень. Чувствовалось, что дом не ухожен.

Взял плед. Ткань на ощупь оказалась жесткой, грубой и холодной. Потусторонняя штукавина. Свиридов развернул её и небрежно набросил на Машину душу. Душа зашипела неразборчиво, скрючилась под пледом.

– Танцуй баба, танцуй дед, танцуй серенький медведь, – пробормотал Свиридов, вспомнив старый детский рассказ. – Ну что, теперь самое грязное, да?

Работая в морге, он каждую ночь проделывал одну и ту же процедуру: помогал неприкаянным душам отправляться в потустороннее. Вычислял бедолаг, пуповина которых не сгнивала. Орудовал быстро, профессионально. Капли чужих жизней падали на губы и лицо. Иногда он слизывал их, не чувствуя вкуса. Говорят, парикмахеры за свою жизнь вдыхают несколько килограммов мелких волос. Свиридов же, наверное, проглотил сотни минут жизней мертвецов.

Нож лег в руку неудобно, придется повозиться. Скальпелем в больнице Свиридов орудовал куда искуснее.

Он склонился между закрытой пледом душой и Машей. Склизкая полупрозрачная пуповина уходила Маше между ног. Она подрагивала. Свиридов взялся одной рукой, крепко

сжал и стал полосовать ножом, разрезая.

Тут уже Маша взвыла мертвецким воем. Колени ее резко стукнулись друг о дружку, зажимая пуповину. Холодные ладони принялись хлестать Свиридова по голове, по обнаженной шее. Но Свиридов не отвлекался, а продолжал полосовать, впиваясь лезвием глубже, еще глубже.

Душа тоже заволновалась под пледом, принялась поскуливать, как голодный щенок.

Раз. Раз. Раз. Пуповина лопнула, из обрубка хлынула чёрная вонючая жидкость, мертвячая кровь. Маша тут же перестала кричать и обмякла на диване, руки вниз, голова на бок, рот приоткрыт, глаза закатились до синеватых белков.

Свиридов направил подрагивающий обрубок пуповины на плед и оросил его мертвячей кровью. Плед намок быстро и ещё ярче очертил силуэт скукожившейся души. Кровь впитывалась, душа постанывала. В доме противно запахло гнилой плотью.

Распахнулась дверь, через порог перевалился Валерка. Ему было чуть больше тридцати, а выглядел как старик: веко дрожало, уголок губы дёргался, пальцы запустил в волосы и расчесывал их, расчесывал без остановки.

– Ты что делаешь? – спросил он, осматриваясь.

– Иди сюда, ближе, не бойся, – велел Свиридов, поворачиваясь к Валерке. – Теперь твоя очередь.

– Что? – Валерка не понимал.

– Чувствуешь пустоту? Ты же, дурачок, в подвале был, на

самом дне. Признайся, поймала тебя тварь копытная? Хотя, чего признаваться, я же и так вижу.

Валеркина душа была мертва, болталась на дрожащей пуповине, елозила по полу, оставляя влажные следы. Валерка, конечно, не видел и не чувствовал, но Свиридов понял сразу, едва оказался во дворе. Такое уже бывало, когда люди совалились в подвал, падали вниз и умудрялись выбраться наружу. Страшилище ловило их, вспарывало, вытаскивало души. Иногда – не успевало забрать себе, и люди так и ходили с пуповинами между ног, шлялись по миру, не понимая, почему вдруг так холодно и пусто в груди, так безразлично всё.

– Я... – Валерка шагнул к Свиридову, рухнул на диван, около Маши, закрыв глаза. Он догадывался. Душа Валеркина густо покрылась пылью, шерстью, грязью, от неё дурно пахло. – Это было очень страшно. Послушай, Лёх, когда тварь эта трясла меня, я всё понял. Понял, что хочу измениться, хочу жизнь изменить, пока не поздно.

– Куда уж позднее? – Свиридов управился быстро, разрезая вторую пуповину.

Брезгливо затолкал мёртвую душу под плед, потом сел, вытянув ноги, положил рядом нож.

– Значит, слушай, – сказал он. – Дальше нужно сделать так, чтобы Машу твою никто никогда не нашёл. Есть один путь – отправить её в подвал. Она бездушная, мёртвая. Её страшилище даже не заметит.

– Но она живая. Плед её оживил. – Голос Валерки пьяно

дрожал. – В этом же и сила вещей. Помнишь?

– Посмотри на любовь свою ненаглядную. Похожа на живую? Вот я – живой. Ты полуживой. А она мёртвая, окончательно и бесповоротно. Поверь, я таких навидался в морге.

– Выходит, я зря старался. – пробормотал Валерка, разглядывая Машу. – Зря позволил вытряхнуть себя наизнанку в подвале... Я не для этого тебя звал, брат.

– А для чего?

Свиридов поймал Валеркин взгляд и посмотрел на распахнутый плед, под которым уже почти ничего не шевелилось. Плед был покрыт подсохшими пятнами крови.

– Что ты ещё наделал?

– Я же говорю, – пробормотал Валерка, внезапно улыбнувшись. – Жизнь хочу изменить. Жениться, работу сменить. Укатим с Машкой куда-нибудь на Дальний Восток. Там сейчас землю раздают среди полей и гор. А что? Домик отгрохаем. А ты тут сам присматривай, как и положено. Ты же сторож, а не я.

– Жениться? – голова закружилась.

– Ага. Я тебя для этого и позвал. Мне важно. Только близкие родственники. Без ЗАГСа и вот этого вот всего. Мы с Машкой теперь навеки вместе.

Свиридов тряхнул головой, не понимая.

– Ты что, тоже умереть решил? – спросил он.

– Сразу, брат. Домой вернулся и вены себе резанул, как надо, таблеток напился, лёг под плед рядом с любимой. Ду-

мал, что если умру, то поделом. А если оживём оба, то точно изменюсь. Иначе никак. – Валерка показал шрамы на руках, тянущиеся от запястий к локтям. Они почти заросли, были похожи на две тонкие извилистые линии. – У меня закуска, салаты, водочка ещё стоит, холодная, в летней кухне. Пойдём, брат. Всех пригласил, всех привёз вчера ещё. Одного тебя ждали.

– Кого – всех?

В пустоте груди нарастало волнение. Свиридов поднялся, и Валерка вскочил тоже, ухватил за плечо, крепко и цепко, посмотрел взглядом не влюбленного, а одержимого.

Дверь из сеней в комнату скрипнула, через порог неторопливо переступил отец. За ним вошла мама. Оба – мёртвые, давно истлевшие, в лохмотьях вместо одежды. Кожа, там, где она осталась, пепельного цвета. Глаз давно не было, как и носа и ушей.

– Плед, короче, хорошая штука, – сообщил Валерка. – Оживляет влёт. Даже тех, кто давно мёртв. А я подумал, что на свадьбу надо позвать тех, кого люблю и любил. Семью свою. Куда я без неё?..

Он бубнил что-то ещё неразборчивое, а Свиридов понял, что ситуация вышла из-под контроля.

– Послушай, – повернулся к Валерке, заставив себя отвести взгляд от мертвецов-родителей, которые застыли на пороге. – Так нельзя. Мёртвые должны оставаться мёртвыми. Пуговины перерезаны, а, значит, вы все теперь не из этого

мира. Нужно вернуться обратно.

– Для чего? – улыбался Валерка. – У меня есть шанс что-то изменить. Ты ведь сам постоянно говорил, что я должен выбраться из этого захолустья, карьеру построить, семью завести. Вот и выбираюсь таким способом.

Свиридов схватился за голову, подошел к родителям. Непонятно было, видят ли они его, чувствуют что-либо вообще. Родители скалились редкими зубами и не шевелились. От них пахло сырой землей, червями, гнилью. Запах с лёгкостью гулял из мира мертвых в мир живых и обратно.

– Вся семья в сборе, – сказал из-за спины Валерка. – Осталась мелочь.

Он подошёл так близко, что Свиридов почувствовал запах алкоголя вперемешку с сигаретным дымом. И тоже – гниль, землю, червей.

Обернулся. Валерка ударил его ножом чуть выше ключицы и резко выдернул лезвие. Кровь брызнула Валерке на лицо, на растянутые в улыбке губы.

Боль пришла с опозданием, прыгнула по позвоночнику и затылку, ударила по вискам. Ноги подкосились, и Свиридов начал заваливаться вперед. Хотел вытянуть руки, но не успел и ударился лицом о доски пола.

– Мне кажется, ты забыл, что являешься частью семьи и традиций, – сказал Валерка, присаживаясь рядом на корточки. – Дар не делает тебя особенным. Он лишь накладывает ответственность. Вот я всю жизнь был безответственным, а

теперь...

Свиридов попытался встать, но брат ударил его ножом между позвонков. От боли Свиридов заскулил, заскреб пальцами по доскам.

– Зачем?

– Чтобы мы все были вместе. Пока есть плед... ну, почему бы не восстановить семейные отношения? Махнём все вместе на Восток, в домик. Счастливые. А родительский дом и подвал спалим к чёртовой матери. Не нужен нам дар, верно? Я же не только Машу люблю. Я вас всех.

Он вытащил нож и снова погрузил лезвие в спину Свиридова. Тот почувствовал, что проваливается в темноту, неконтролируемую и такую страшную.

Внутри натянулась пуповина, ожидая высвобождения. Душа заскреблась о внутренние стенки диафрагмы.

Свиридов дёрнулся несколько раз в конвульсиях и затих.

6

При солнечном свете дом не казался заброшенным. Скорее – неухоженным. Вокруг калитки и ворот разрослась крапива, через забор свисали ветки сирени. Тропинка тоже заросла, а краска на стареньком почтовом ящике слезла почти полностью.

Дверь в сарайчик, где шершавые ступеньки убегали в темноту, была приоткрыта, замок сорван. В прошлый раз Валер-

ка не озаботился приладить его на место.

Родители говорили: страшилищу нужны души, окропленные мертвячей кровью. Приносите, оставляйте, и всё. Делитесь, значит, вкуснотой. Мама и папа отдавали души раз в полгода. Свиридов – по мере возможности. Он как-то проговорился, что копит их в морге, потом складывает в старую клетчатую сумку, а потом – на поезде, к ночному родительскому дому, спускается в подвал, вытряхивает мёртвые ошметки, как мусор, как грязь, и быстро-быстро, по ступенькам скачет обратно, в мир живых.

Ещё тогда Валерка отметил про себя, что брат приезжает не ради него, а ради кормления страшилища. Не сторож, а кормчий.

Сейчас он стоял в предрассветной дымке, курил, наслаждаясь тишиной. У ног лежал плед с завернутыми внутри душами. Валерка их тоже стал видеть, с того момента, как выбрался из подвала. Просто не говорил брату, чтобы не напугать раньше времени.

После смерти Свиридова он смотрел, как вываливается душа на натянутой пуповине, потом оттёр нож от крови и перерезал, неумело, испачкавшись в чёрных вонючих испражнениях. Душа брата распахивала склизкий рот и выталкивала из себя проклятия. В этой душе и было дело. Старший брат забыл, что прежде всего он член семьи, а уже потом – кормчий. Валерка был рад, что избавил Свиридова от черноты в груди и от идиотской ответственности.

Он уложил брата на скамью, укрыл пледом и терпеливо ждал несколько часов, пока Свиридов не зашевелится. Потом провел его в баню, отмыл хорошенько, переделал в чистое, из своей одежды. Свиридов был тихий, как и Маша, неразговорчивый.

Всю семью Валерка усадил за длинным столом в летней кухне. Разложил по тарелкам салаты, горячее, налил стопочки. В груди у Валерки теплилось счастье. Наконец, он сделал что-то значимое, собрал всю семью, решился на перемены.

Выпил. Поцеловал Машу в холодные губы. Она отреагировала, обняла новоявленного мужа, прижала к себе. Наверное, из-за аварии она больше никогда не станет прежней. Но Валерка готов был любить её и такую.

Родители ничего не ели и не пили, пялились на молодожёнов чёрными глазницами, в которых остались комочки земли.

Валерка налил себе ещё водки. Сказал тост. Про хорошую жизнь.

Потом оставил всех веселиться, включил что-то из хитов восьмидесятых по радио, собрал души в плед и отправился к родительскому дому.

Валерка размышлял, что, должно быть, сошёл с ума. Ещё там, на поле, возле перевернутого «Урала», когда увидел мёртвую Машу. Может быть, он и сейчас всё себе навоображал. Брат к нему не приехал, родители не восстали из мёртвых, а в пледе лежат не души, а расчлененный Машин труп,

которой никто никогда не должен найти.

Всё бывает.

Валерка постоял еще с полминуты, докурил, и исчез вместе с тяжелым окровавленным пледом за скрипучей дверью сарайчика.

Екатерина Андреева.

«Чем ближе к лесу...»

I

Все случилось в воскресенье. В самый священный день недели, когда все, и девушки, и наставницы, и слуги собирались в нашей маленькой церквушке на границе леса и слушали проповеди святого отца. Сегодня мы тоже будем молиться. Вот только по печальному поводу.

Нас долго не выпускали из спальни. Мы испуганно перешептывались и поглядывали на пустующую кровать Мэй. Со смятыми простынями, отброшенным тонким одеялом и маленькой подушкой, повисшей на самом краю. Но никто не подошел ее поправить. Никто не хотел прикасаться к кровати мертвеца.

Несмотря на вечный холод, царивший во всем пансионе, комната казалась душной. Корсет больно впивался мне в ребра и мешал сделать полный вдох. Никогда еще он не казался мне таким душащим.

Никто не знает, что я все видела. Никто не знает, что я встаю раньше всех девушек и пробираюсь на леденящий утренний воздух. В такие часы все кажется тихим и серым,

тяжелый аромат леса становится сильнее, а по земле ползут призрачные щупальца тумана.

Сегодня я выбралась из кровати еще затемно. За окном густела ночь, откуда-то издалека доносился ровный перестук колес и низкий гудок поезда.

Я опустила босые ноги на каменный пол, и ступни тут же пронзила боль от холода. Я поморщилась, но все равно поднялась и прошла до окна, стараясь вынести это жжение. Боль и смирение – это путь к благодати.

Я осторожно выглянула в окно и пригляделась. Вокруг было тихо и пусто – ни в главном доме, ни в жилище священника не горело ни одного окошка. Чуть дальше белела в темноте одинокая церковь, тонущая во мраке, а за ней... чернела неподвижная полоса густого леса. Нам запрещалось приближаться к нему. Говорили, там живут монстры и темные духи, которые могут высосать твою душу.

Жуткий лес. Густой, плотный, темный, корни торчат из земли, словно чьи-то сплетенные пальцы. И только одна тропинка витиевато скользит от кромки леса в самую чащу. Не заросшая травой, не обхоженная, красная от глины и песка. Словно чей-то язык, высунутый из глубин леса. Мерзкий, зараженный, сплошь и рядом покрытый жирными от какой-то гнили ухабами.

Раньше, стоило наставницам отвернуться, мы частенько играли возле этой тропы. Становились по очереди на самый краешек, поворачивались спиной к лесу, раскинув руки, и

считали, сколько времени каждая из нас сможет так просто-
ять. Растили в себе смелость.

Пока стоишь там, прислушиваясь к несуществующим звукам за спиной, весь станешь мокрым от пота, руки и ноги похолодеют, а по затылку побегут мурашки. И клянусь, в такой момент кажется, что позади раздаются шаги, кто-то тяжело вздыхает и шепчет твое имя.

Мы с Мэй всегда держались дольше всех...

Я стояла у окна очень долго, разглядывая черный и неподвижный лес и красную, даже во мраке ночи, выщущую тропу. Как давно мы уже не играли... Мы повзрослели, и страх отчего-то стал сильнее.

Когда на мое лицо упали первые лучи света, я встрепенулась и тихонько выскользнула из комнаты. Босиком и в одной ночной рубашке. Я на цыпочках пробралась мимо спален наставниц и мимо храпящей в глубоком кресле старой няньки.

На первом этаже было еще холоднее. В дальних комнатах уже копошились слуги. Из парадного холла виднелась длинная зала и широкий камин, в котором слабо поблескивал огонь.

Я замерла в нерешительности. На этот раз я вышла слишком поздно и рисковала попасться на глаза. Слуги не пожалеют, все расскажут наставницам, и кто знает, какое наказание мне придумают на этот раз.

Я уже шагнула на ступеньку обратно, когда из кухни до-

неся истошный визг. Я застыла. Визг оборвался, и кто-то тяжело шлепнулся на пол, задев при этом дверь комнаты. В холл вывалилось бесчувственное тело кухарки, а в открывшемся проеме показалась Мэй. Она лежала на полу кухни, стеклянный взгляд смотрел в потолок, а ее белая ночная рубашка пропиталась кровью, растекшейся вокруг густой лужей.

В нос мне тут же ударил противный металлический запах, во рту собралась слюна, а в ушах болезненно зазвенело. Из дальних комнат слышался топот, и в коридоре стали появляться слуги. Громкие крики ужаса огласили весь дом, и я мигом понеслась наверх, перескакивая по несколько ступеней за раз. В висках стучало, а перед глазами стояло лицо Мэй.

II

Мы похоронили ее на старом кладбище, так близко к лесу, что теперь мне ни за что не превзойти Мэй в смелости. Отец Генри еще долго молился у могилы в одиночестве – я видела его из окна – и, кажется, все никак не мог поверить, что смерть существует на самом деле.

В этот день у нас не было никаких занятий. Нас заперли в комнате и вызывали по одному, спрашивая о том, что мы видели и что знали. Никто ничего не видел и ничего не знал, только...

– Простите, мадам, – тихо произнесла я. – Есть... одна вещь...

– Не бубни! – раздраженно воскликнула наставница Бернадин. Ее седой пучок на голове, как всегда, жутковато стягивал кожу. – Ты же знаешь, что все воспитанные леди говорят четко и ясно! Может, ты еще не прожевала свой завтрак и тебе лучше пропустить обед?! – ее густые темные брови взметнулись вверх, придавая лицу выражение почти нелепого удивления.

– Рассказывай! – басовитым голосом добавила вторая наставница, мадам Розмари. Пышная дама с кудрявой копной волос. Ее кожа была белоснежной, губы горели ярко, на лице всегда играла легкая усмешка, а груди были такими большими, что почти что вываливались из корсета. В своей спальне она тайно курила сигары и пила бренди, так что в ее комнате всегда стоял сладковатый душок. Конечно же, Бернадин ее недолюбливала, и, конечно же, отец Генри боялся ее похлеще темных бесов.

– Я слышала, у Мэй обнаружили монеты? – чуть дрожащим голосом спросила я и тут же добавила: – Я задаю вопрос не ради любопытства, мадам. Дело в том, что у Мэй своих денег не было. Ее это очень расстраивало, она мечтала о новом платье для зимнего бала. И меня беспокоило, что в почтовый день, когда Хелен получила от тетушки несколько монет, Мэй разозлилась и без всякого повода поссорилась с ней. Девушки потом шептались, что монеты Хелен пропали.

Розмари фыркнула, но, получив от первой наставницы недовольный взгляд, отвернулась.

– Деньги Хелен отдала нам, так как в пансионе все сбережения должны храниться у наставниц! – раздраженно отчеканила мадам Бернадин.

– Возможно, она отдала вам не все, – тихо возразила я, потупив взгляд. Сдавать девушек – бесчестно, мы всегда помогали друг другу. Но Мэй... Ее убийца может быть среди нас...

– Хорошо, Сара, можешь возвращаться в свою комнату, – с натянутой улыбкой произнесла Бернадин. – И не забудь, что разговор должен остаться между нами.

Я кивнула, поднялась с жесткого стула, присела в неглубоком реверансе и поспешила выйти из комнаты. Закрыв дверь, тяжело вздохнула и посмотрела в сторону нашей спальни. Кто бы ни был виновен, оставался один очень важный вопрос: зачем Мэй вообще понадобилось спускаться на первый этаж?

* * *

Огоньки свечей тревожно колыхались, по стенам расплзались бесформенные тени, тихо потрескивали в камине поленья, словно боясь разорвать повисшую в столовой тяжелую тишину. Белая скатерть на длинном деревянном столе напоминала всем нам похоронный саван, а пустой стул Мэй

казался самым ярким пятном в этой комнате.

Ужин проходил в угрюмом молчании, и никакие попытки наставниц заставить нас вести светскую беседу не помогали. Не помогала и наставница Доррис, которая весь день пролежала в своей комнате с сердечной болью и теперь без конца вздыхала и всхлипывала.

Не помогал и отец Генри, прочитавший молитву перед едой таким дрожащим голосом, что мы едва разобрали слова. Его ясные голубые глаза были полны слез, руки мелко подрагивали, а светлые волосы неряшливо топорщились. Я заметила, что Лорена – наша статная красавица – в этот вечер сидит к отцу Генри гораздо ближе и забрасывает его томными влюбленными взглядами. Которых он, впрочем, и не замечает. Я мысленно усмехнулась. Ничего у нее не получится. Его смелости хватает лишь на то, чтобы подглядывать за девушками в купальне, а потом долго и упорно молиться.

Румяная булочка была быстро съедена. Мне хотелось наклониться и слизать с тарелки каждую мелкую упавшую крошку, поэтому я тяжело сглотнула и отвернулась. Все девушки подняли головы и обменялись понимающими взглядами.

– Ну что ж, – произнесла наставница Бернадин, оглядев нас по кругу. – Раз вы закончили с ужином, можете возвращаться в свою комнату.

Раздался легкий шум отодвигаемых стульев, несколько девушек уже успели подняться, как вдруг малышка Дотти

пробормотала:

– А преступник... его нашли?

Все замерли и устремили глаза сначала на девушку, а потом и на наставниц. Сам факт того, что кто-то решился произнести это вслух, был ошеломляющим, но чтобы это сделала Дотти! Низенькая и пухленькая, она всегда смотрела вокруг испуганным взглядом и предпочитала, чтобы ее как можно реже вовлекали в разговор. Она пряталась по углам, читая недозволенные нам романы, и начинала неприлично икать всякий раз, стоило ее застать врасплох. А тут такое! Даже отец Генри поднял удивленный взгляд.

– Что за разговоры! – тут же вскинулась Бернадин. – Будешь спать сегодня без одеяла!

– Дайте мне нюхательную соль! – тут же простонала Доррис. – Мне нехорошо! – и, откинувшись на спинку стула, схватилась за сердце.

– Но мы боимся идти спать! – вдруг воскликнула Марлин, поднимаясь с места. – Вдруг преступник сейчас спрячется в доме?

– Что за тон?!

– А если к нам придет призрак Мэй? – испуганно ахнула Хезер и тут же опустилась на место, затравленно оглядываясь по сторонам.

– Точно-точно, – поддержала девушку Лорен. – Отец Генри должен сегодня ночевать с нами, чтобы отогнать злых духов! – В порыве она схватила его ладонь: – Вы же не бросите

нас, отец Генри? Не оставите одних?

Я закатила глаза, а мужчина отшатнулся от девушки так, словно она сама была злобным духом.

– Что за поведение, Лорен?! – наставница Бернадин даже встала от негодования.

– Мне нехорошо! – еще громче выкрикнула Доррис, понимая, что никто не обращает на нее внимания.

– А вдруг это монстры из леса? – крикнула Джейн, заставив всех испуганно ахнуть. – Вы всегда говорили нам, что они настоящие! Почему они пришли за нами?

Девушки заголосили, и комната наполнилась криками и судорожными всхлипами. Плакала, конечно, Грейс. Ей и повода никогда не требовалось. Все, что не вписывалось в привычный распорядок вещей, порождало у нее слезы. Остывший чай, дождь, громкий звук – все это могло стать причиной, чтобы Грейс отправили или на осмотр к лекарю, или в церковь.

– Девушки! – спокойный и раскатистый голос Розалин заставил всех замолчать. – Давайте не будем забывать о приличиях. Никаких духов или монстров здесь нет. Своими криками вы кого угодно распугаете, – она коротко хохотнула, но никто ее не поддержал. – Мы уже нашли преступника.

Мы все дружно ахнули. Те, кто еще стоял на ногах, обесилено опустились обратно на стулья.

– Кто это? – шепотом спросила Дотти.

– Мальчишка-поваренок, – ответила наставница. – Он

был... нездоров. Несколько лет назад его сбила телега в деревне, и он ударился головой. Очень жаль, что мы сразу не заметили его недуг. Бедняжка Мэй... Но так уж распорядилась судьба, верно, отец Генри? – Она бросила на него пыливый взгляд.

– В-верно, мадам, – дрогнувшим голосом отозвался священник. Затем поднялся, откашлялся и уже увереннее произнес: – Лишь Богу одному ведомо, что с нами произойдет и когда окончится наш земной путь. Мэй исправно молилась и всегда была вежливой и покорной, как и положено юной леди. Ее чистая душа несомненно попадет в рай, и никакие заблудшие души вас тут не побеспокоят, – он нервно улыбнулся нам, а я чуть заметно покачала головой. Знали бы вы, святой отец, какие истории о ней могли бы рассказать наши юные конюхи.

– Вот и я так говорю! – довольно заключила Розалин.

– А что случилось с мальчишкой? – спросила Джейн. – Мы не видели констеблей.

– А ваше дело слушаться и следовать правилам! – огрызнулась наставница Бернадин. – Сегодня вы все спите без одеял и без зажженного камина! И только попробуйте укрыться одеждой!

Мы понуро опустили головы и замолчали, боясь получить еще какое-нибудь наказание. Я содрогнулась, представляя, как ночной холод будет кусать сегодня все тело.

– Мальчишка сбежал, – ответила Розалин, игнорируя

взгляды других наставниц. – Помчался по тропе, так что пятки сверкали.

В окно ударил порыв ветра, и мы вздрогнули.

– И он не вернется? – едва слышно спросила Грейс.

– Милочка, – повернувшись к ней, ответила наставница, – из леса никто не возвращается. Может там и не живут монстры, но есть кое-что поинтереснее.

Мои ладони вспотели, и я сглотнула ком в горле.

– Что? – хриплым от ужаса голосом спросила Эмили.

– Сама смерть, – разведя руки в стороны, ответила Розалин.

Ни крика, ни визга не раздалось, даже дыхания не было слышно. И только тени все так же отплясывали на стенах.

– Ну хватит! – взорвалась Бернадин. – Марш в свою комнату! Что за темы?! Вы не мужчины, а леди! Завтра будете весь день молиться, стоя на коленях. Может быть, тогда ваши помыслы очистятся от всякой чепухи!

На лица девушек упала мрачная тень, и только Лорен радостно засветилась, бросая на отца Генри до ужаса неприличные взгляды.

III

Каменная плитка, устилавшая церковной пол, была вся испещрена мелкими белыми прожилками, словно молочными ручейками. Я старалась смотрела только на них, не под-

нимая глаз на тело перед нами. Тело Лорен.

Ее обнаружили утром, висевшей на дереве прямо около домика отца Генри. На шее у нее осталась глубокая красная отметина от веревки, а ночная рубашка была грязной от ее собственных испражнений. «Смерть бедняков!» – шептались наставницы, как будто это было самым важным в случившемся. «Так все слуги от нас разбегутся! – говорили они. – Позор!»

Отец Генри пел твердым решительным голосом, хотя и трясся все утро, как больной. Интересно, что Мэй делала рядом с его домом? Сомневаюсь, что он пустил бы ее внутрь.

В пансионе сегодня было оживленно, констебль и еще несколько молодых служащих осматривали дом и допрашивали слуг. Они приехали сегодня после полудня, преодолев несколько миль ухабистой и грязной дороги. Кованые тяжелые ворота сегодня впервые открылись для кого-то поинтереснее почтальона, но это не принесло нам никакой радости.

Все девушки сегодня без конца рыдали. Взгляни на них, и покажется, что все они души не чаяли в Лорен. Но я-то знала, что плачут они от страха за свои собственные жизни. Мне тоже было страшно, но я хотя бы не притворялась. И только Рина меня понимала. Она никогда не выказывала эмоций и смотрела на всех и вся с некой долей недоуменного презрения, будто не понимала, как мы можем жить так, как мы живем.

Мы сидели рядом, чинно склонив головы и бормоча мо-

литвы, и я была безмерно благодарна ей за эту холодность и молчаливую угрюмость, от которой почему-то становилось легче. Но потом она вдруг схватила меня за руку, заставив испуганно дернуться, приблизилась и зашептала:

– Ты же понимаешь, что это все неспроста? – Ее глаза странно блеснули. – Сара, ты же умная. Мы будем умирать одна за другой, пока... Тише! – вдруг цыкнула она, отпуская мою руку и бросая встревоженный взгляд на отца Генри.

Он хмуро поглядел в нашу сторону и жестом велел замолчать. Мы обе опустили головы, и, как я ни старалась выудить у Рины еще хоть слово, она продолжала молчать.

День был странный и мучительный. На улице пронзительно завывал ветер, разгоняя бурые листья по двору, накрапывал холодный дождик и небо было мрачным, хмурым и тяжелым.

* * *

В доме постоянно жужжали разговоры, раздавалась чужая поступь, кто-то беспрестанно всхлипывал. И только к вечеру нам удалось хоть немного выдохнуть. Прошли молчаливый ужин, вечерняя молитва, уехали констебль и его подопечные, так ничего нам и не сообщив. Они собрались так поспешно, словно их кто-то выгонял. И мы снова остались одни. Я проснулась от неожиданного прикосновения. Резко дернулась и глухо зарычала в чужую ладонь.

– Т-с-с, – зашипела Рина и осторожно убрала руку. – Идем!

Не дожидаясь моего ответа, она направилась напрямиком к двери. Я замешкалась и приподнялась на локтях. За окном еще было темно. Я встала и поплелась за девушкой, надеясь вернуть ее в постель.

Она была босой, ее белая ночная рубашка шелестела по полу, рыжие локоны рассыпались по плечам, лицо казалось бледным, а глаза лихорадочно горели и напряженно оглядывались по сторонам. Она приложила палец к губам и поманила меня за собой.

Тяжело вздохнув, я последовала за девушкой.

Мы прошли мимо няньки, спустились по лестнице и подошли к парадной двери.

– Хочешь выйти на улицу? – тихо спросила я.

– Но ты же ходишь, – она усмехнулась.

– Осень на дворе, а мы даже не обуты.

– Но ты же не одеваешься, – снова хмыкнула она.

– Не в такую погоду, – возразила я, с неудовольствием осознавая, что о моих утренних прогулках кому-то известно. –

К тому же сейчас ночь.

– Утром будет уже поздно.

– Для чего?

– Чтобы сыграть, конечно. Разве ты боишься? Ты же всегда была такой смелой!

– Рина, кажется, ты простудилась, и у тебя лихорадка, –

я поднесла руку к ее щекам, но девушка раздраженно отдернулась и сердито скомандовала:

– Пойдем! Не притворяйся, что не хочешь!

Она распахнула дверь и выбежала на улицу. Мне стоило бы разбудить наставниц или позвать слуг, но силуэт Рины удалялся так быстро, что я побоялась упустить ее из виду и бросилась следом.

Ледяной ветер пронзил меня до косточек, а ступни ожгла промерзлая земля и мокрые пожухлые листья.

– Подожди! – зашипела я ей вслед, но Рина неслась вперед, белым призрачным силуэтом направляясь напрямиком к лесу.

По моей коже пробежали мурашки, и ветер тут был совершенно ни при чем.

Она замерла у самой тропы, повернулась ко мне лицом и широко раскинула руки.

– Ну как? – крикнула девушка сквозь ветер, улыбаясь. – Я достаточно смелая?

Задыхаясь и содрогаясь от холода, я остановилась в нескольких метрах от Рины и посмотрела на нее в недоумении:

– Отойди оттуда, нужно возвращаться!

– Да брось, – усмехнулась она. – Не стоит страшиться леса, иначе мы проиграем. Разве правила были не такими?

– Рина, что с тобой случилось? – всхлипнула я. – Ты меня пугаешь!

– Я?! Ты должна бояться не меня. Иди, вставай сюда. Мы покажем духам, что ничего не боимся, и будем стоять тут до рассвета, тогда все плохое прекратится.

– Да мы замерзнем тут насмерть!

– Но так сказал отец Генри!

– От... Что? – У меня перехватило дыхание, и я обернулась, ожидая увидеть его за своей спиной. Но в ночной темноте никого и ничего не было видно.

– Он сказал, что храбрые девы всегда могут победить зло. А порочные лишь страдают.

– Это он про Лорен? – мой голос дрогнул, только на этот раз от злости.

– Нет, – покачала она головой. – Давай, Сара, встань рядом со мной. Разве мы не играли раньше лучше всех? Не считая бедняжку Мэй, конечно. Ты храбрее других девушек и... и чище, чем они. Несмотря на твой грех.

– О чем ты говоришь? – возмутилась я, оскорбленная такими словами. – Выходить по утрам, конечно...

– Перестань, Сара, – отмахнулась девушка. – Я говорю об отце Генри. Это тебя он назвал порочной, когда ты пришла к нему в дом и хотела... хотела сделать бесстыдную вещь.

Мое лицо залил жар, руки затряслись, даже жгучий холод на мгновение отступил.

– Клевета! Я и порога его дома не переступала!

– Вставай сюда, Сара! Нам нужно спасти наших сестер! Долго ты еще будешь пререкаться со мной?

– Я встану, только если ты признаешь, что меня оклеветали. Если я простою с тобой до рассвета, то это будет значить, что я невиновна!

– Хорошо, раз ты так искренне это говоришь... – отозвалась Рина, хотя в ее голосе слышалось недоверие.

Все еще пытаюсь совладать с остатками гнева, я встала рядом с девушкой и раскинула руки. Злость затмила страх, но несколько минут тишины вернули его снова.

Лес за нашими спинами гудел и скрипел. Ветер налетал порывами, сбивая дыхание. Мои зубы стучали друг о друга, и я слышала такой же дробный перестук рядом с собой. Все мое тело содрогалось от холода и страха. Позади ломались и падали ветки, что-то шебуршалось и двигалось сквозь темноту.

Справа от нас раздался громкий хруст, будто кто-то наступил на ветку... или на старую хрупкую косточку.

– Не по...вв...вора...чи...вай...ся, – стуча зубами, велела я.

Снова что-то хрустнуло и захлопало по грязи. От ужаса я не могла сглотнуть, и горячие слезинки скользили по моему лицу.

Хруст, вой, хлоп, стук. И все заново. Хруст, вой, хлоп, стук. Ноги онемели, мне казалось, что я стою на могильной земле. Листья скользили по ступням, мокрыми мазками касались кожи, словно чьи-то водянистые лапки. Я зажмурилась. Несмотря на холод, по вискам у меня заструился пот.

За спиной что-то мерзко хлопнуло, будто какая-то тварь вынырнула из-под раскисшей земли. А затем раздалось влажное чавканье. То ли чьи-то шаги на тропе, то ли чья-то пасть, причмокивающая в ожидании ужина.

– Там ч..что-то е..ест... – пробормотала Рина едва слышно.

– Н..несм..о..о..три... – шепотом ответила я. – Н..нель..зя...

Вновь позади что-то хлопнуло. Кто-то двигался. Неровно, шатко, будто с трудом удерживаясь на ногах. Все ближе... Я слегка приоткрыла глаза. Вокруг было темно. Даже слишком. Кто-то глубоко выдохнул. Слегка повернув голову в сторону, я бросила быстрый взгляд назад. Что-то ползло на нас. Огромное и темное.

Я резко отвернулась. Мое сердце колотилось о ребра, в горле застрял сухой комок. Мне хотелось разрыдаться и бежать отсюда со всех ног. Но они словно увязли в этой жиже.

Дробный стук сделался громче, и я плотнее сомкнула челюсти. Однако звук не утих. Рядом все так же громко стучали зубы Рины. Я приоткрыла глаза, чтобы отыскать ее руку, но когда повернула голову, увидела лишь пустоту. Ее не было! Но стук... все продолжался. Мой желудок скрутило, и я начала медленно оборачиваться.

За спиной густела тьма, а на ближайшем дереве развевалась белая ночная рубашка. Я вдруг поняла, что это все еще стучат мои собственные зубы. Я опустила взгляд на тропу.

На красной размягченной тропинке виднелись две пары следов, уходящих глубоко в лес.

Я в ужасе отшатнулась. Из леса на меня дохнуло гнилой вонью, и я бросилась бежать. Прочь от леса, мимо церкви и прямо к домику священника. Я барабанила в дверь так громко, что сама оглохла от собственного шума. А когда та распахнулась и на меня уставились испуганные глаза отца Генри, я смогла выдохнуть лишь:

– Там... Р-р-ина... в лес... – и упала без памяти.

IV

Ее так и не нашли. Вооружившись факелами и ружьями, слуги обследовали лес всю ночь и следующее утро, но не обнаружили даже виденных мною следов. Лишь белая рубашка так и колыхалась на ветру.

Я пролежала в лихорадке почти два дня, то погружаясь в тяжелый липкий кошмар, то снова выныривая из него. Мелькали встревоженные лица, слышалось мерное бормотание молитвы, пахло травами, а в горле было сухо и горько.

На третий день кошмары, наконец, отступили. Тело больше не горело от жара, хотя было еще раздражающе слабым и шатким. Когда я встала, ноги тряслись, а комната в глазах качалась и плыла, но я упорно заставляла себя двигаться.

Я помнила ту ночь четко и ясно. Каждый шорох, каждый стук, каждый порыв ветра. Они возвращались ко мне

во снах. Вот только в них я так и стояла на краю тропинки, ощущая скользящее движение за своей спиной, чье-то дыхание на затылке и неразборчивый шепот в ушах, напоминающий шуршание листвы. Я не могла повернуться или убежать. Мои ноги обвивали древесные корни, и стоило хоть немного пошевелиться, как они стискивали меня крепче.

Но был и еще один сон. Станный и уплывающий, как далекое воспоминание. Мне тоже виделся лес, вот только в лицо светило яркое солнце, тепло проливалось на плечи и шею, а рядом раздавался звонкий смех девушек. Я смотрела в гущу леса, в его сомкнутые ветви и затемненные уголки и... Сон обрывался, не давая ничего разглядеть. Но что-то было там, среди деревьев, но мне никак не удавалось его... вспомнить. Этот день мне был знаком. Такой же обычный и похожий на все дни в пансионе. Вот только... Что-то беспокоило меня в тот день, притянуло взгляд, но воспоминания разбегались, не давая ни одной подсказки.

И теперь, поднявшись с постели и вновь разглядывая из окна густеющий лес, я думала: «А что если Рина тоже заметила что-то в тот день? Что если ей удалось вспомнить? И что если она поплатилась за это?»

Меня не выпускали из комнаты до самого вечера. Мой рассказ о той ночи довел наставницу Доррис до глубокого обморока, а мадам Бернадин – до иступленной ярости. Она ни на грош не поверила моим словам и решила, что мы просто две маленькие дурочки, которые пытались сбежать из

пансиона. И как только уверилась, что я вполне могу держаться на ногах, то тут же отхлестала меня палкой.

После ужина она нарочно собрала всех в общей зале, пригласив туда и слуг, и отца Генри, и, прочитав длинную поучительную проповедь, принялась бить меня со всей силы. Никто и не подумал остановить ее. И я мрачно оглядывала всех собравшихся, крепко стискивая зубы и стараясь сдерживать стоны боли. Это нечестно! Я не заслужила такого наказания, почему никто не скажет ей об этом?

Она успокоилась, лишь когда на одежде показались алые пятна, довольно кивнула и велела мне стоять на месте до самого утра. Клянусь, в тот момент я жалела, что лесной дух не забрал ее вместо Рины.

Девушки расходились, некоторые даже осмелились бросить на меня сочувственные взгляды. Конечно же, они не могли мне помочь. Но я все равно горела от злости. Слуги тушили свечи, и темнота выползала из уголков комнаты и растекалась по стенам и полу, пробиралась к моим ступням и поднималась все выше и выше, до самого горла, словно хотела утопить.

Последним из комнаты выходил отец Генри, унося с собой одинокую горящую свечу. Я бросила на него обиженный взгляд и процедила сквозь зубы:

– Зачем вы оболгали и опозорили меня?

Он замер и медленно повернулся, округляя глаза:

– О чем ты говоришь, девушка? – он нахмурился. – Я слу-

жу Богу, а ложь – это путь к дьяволу.

Я раздраженно отмахнулась, вовсе не думая о приличиях.

– Вы сказали Рине, что я порочная... Что я приходила к вам однажды, чтобы...

Он скривился и взмахнул рукой, чтобы я остановилась.

– Я уже отпустил твой грех, незачем поминать его снова.

У меня аж рот приоткрылся от возмущения.

– Но... Но ничего подобного не было!

Его глаза округлились еще больше:

– Путь к искуплению лежит через осознание своих грехов.

Я думал, ты уже во всем раскаялась! Ты так усердно молилась и каялась. Что ты мне сейчас говоришь?

У меня затряслись руки. Но не от злости, а от нахлынувшего страха.

– И когда же это произошло, отец Генри? – выдавила я.

– Нужно раскаяться и...

– Пожалуйста! – воскликнула я. – Думается, лихорадка что-то сделала с моими воспоминаниями.

Он молча уставился на меня, глаза его сузились, губы крепко сжались. Он смотрел долго, ничего не говоря, а потом вдруг улыбнулся и мягко произнес:

– Вот видишь, Сара, твое раскаяние было таким глубоким, что Бог освободил тебя от воспоминаний о твоём позоре. Вот и я забуду. Благословляю тебя на новое испытание. Выдержи его как подобает. – И вышел, оставив меня в темноте и одиночестве.

Первый час пролетел быстро и незаметно. Я была так занята своими мыслями, что не замечала сковывающего холода, звонкой тишины в доме и густой темноты, обволакивающей все вокруг.

Я так и стояла посреди комнаты, слишком привыкшая к исполнению наказаний, чтобы послушаться и опуститься на стул. Мне казалось, что стоит сделать в его сторону лишь шаг, как мадам Бернадин выпрыгнет из-за угла и побьет меня до смерти. Поэтому я так и стояла, переступая с ноги на ногу, раздумывая о своем и прислушиваясь к спящему дому.

За окном снова выл ветер, швыряясь в окна мокрыми листьями и мелкими камешками. С дробным стуком они барабанили дом, напоминая мне мой собственный перестук зубов той самой ночи. Прокатился чуть слышный гудок поезда, скрипнула половица, зашуршала листва. Ближе. Вдоль наружной стены. Шурх. Шурх.

Тишина.

Медленные, тяжелые шаги, с трудом переставляемые ноги. Шурх. Шурх. Резкий влажный клеток. Словно у кого-то в горле собралась желчь. Давящий хрип.

И снова тишина.

А потом... Шурх...

Прямо под окнами.

Через окно прорвался слабый лунный свет, заливая комнату серым мертвым свечением. Я приподняла взгляд и вздрогнула. На стене передо мной отражались два изломанных силуэта. Один совсем худенький, плотно затянутый в корсет с нервно подрагивающими руками. А второй... Я ощутила, как по затылку побежали мурашки. Кто-то смотрел на меня через окно. Кто-то впился в меня взглядом, заставляя все мое тело дрожать от ужаса.

В горле пересохло, а желудок болезненно скрутило. Я с трудом сглотнула и начала медленно поворачивать голову к окну. Луна засветила ярче, окно посеребрилось, но, когда мой взгляд, наконец, упал на ту сторону, там никого не оказалось. Я тут же вновь посмотрела на тень на стене, но и она уже успела раствориться. Я была совершенно одна.

Лунный свет постепенно угасал, погружая комнату в темноту. Я не двигалась и старалась дышать как можно тише. Покой ко мне так и не вернулся, и мне казалось, что это бесформенное существо может оказаться рядом в любой момент.

Прошло еще немного времени. Тишина давила и обволакивала. Даже ветер ненадолго затих. А потом на верхнем этаже прямо надо мной раздался скрип. Дом был каменный, но наши кровати и дверцы шкафов всегда издавали неприятные скрипучие звуки. Вот только надо мной был учебный класс, а не спальни девушек. Кто-то не спеша прошелся туда-сюда. Скрипнул стул, и что-то глухо ударилось о пол. Я закусила

губу и впервые взмолилась, чтобы мадам Бернадин проснулась и пришла проверить меня.

В верхнем коридоре скрипнула дверь. Кто-то прошел вперед, остановился. Мне стало дурно, я огляделась в поисках чего-нибудь тяжелого и, заметив пустой подсвечник, стала медленно и тихо передвигаться к нему. Один шаг, другой...

Наверху кто-то побежал. Стремительно, резко. Кто-то ринулся вниз по лестнице, перескакивая ступени. Тяжелые шаги понеслись в мою сторону. Я бросилась к подсвечнику и замахнулась, не разглядев силуэта.

Все стихло. Никто не сбил меня с ног, не ударил. В комнате, кроме меня, никого не было. Я шумно выдохнула и, прижав руку к груди, медленно сползла вниз по стенке. Рука моя ослабла, и подсвечник с глухим стуком ударился о пол. Все мое тело мучила ужасающая дрожь. И вдруг я снова услышала скрип. Прямо здесь, в этой комнате. Я резко села и осмотрелась. Все было как прежде. Предметы стояли на своих местах, я была совершенно одна, вот только... В самом дальнем углу густела тьма. Нечто бесформенное собиралось там из черных сгустков. Я в ужасе отползла назад и закричала так, что на люстре задрожали маленькие хрусталики.

Весь дом проснулся мгновенно. Слуги и наставницы побежали из своих комнат. Вот только до меня они добрались совсем нескоро, потому что у подножия лестницы лежало бездыханное тело Марлен.

V

Ни один констебль до нас так и не доехал – слуги сказали, что ночью дорогу завалило деревьями. А пытаться свою удачу в лесу никто не собирался. Впрочем, это только пока. Страх охватил всех, и сами девушки поговаривали о том, что лучше уж попытаться сбежать, чем ждать здесь своей скорой смерти.

В эту ночь мы обнаружили не только Марлен. В учебном классе, там, где мне так явно мерещились скрипы и шаги, нашлась и малышка Дотти. Причем именно я увидела ее первой.

Когда все собрались у подножия лестницы, я ринулась наверх, в ту самую комнату, повинувшись немислимому порыву. Когда я открыла дверь, Дотти сидела ко мне спиной. Ее волосы были распущены и волнами спускались по всей спине, руки были сложены на столе. Она не повернулась на звук моих шагов и не вздрогнула, когда я позвала ее по имени.

Я медленно приблизилась к ней и обошла стороной. Но стоило мне бросить взгляд на ее лицо, как я пошатнулась и, судорожно отступив назад, опустилась на пол.

Лицо Дотти было искажено страшной гримасой. Глаза выпучены, брови подняты высоко, словно их натянули руками, а губы... Губы были растянуты в дикой нечеловеческой улыбке. Из рта вываливался почерневший язык, и она слов-

но дразнила сама себя в маленьком зеркальце. Ее взгляд так и застыл на своем отражении, а руки окостенели на его рукоятке. Сама не понимая зачем, я поднялась, обошла девушку со спины и заглянула из-за ее плеча в зеркало. Все та же ужасающая гримаса смотрела на меня с отражения, но вдруг ее взгляд дернулся и поднялся прямо на меня. Ухмылка расширилась, и в моих ушах раздался тихий скрипучий смех.

Я беззвучно закричала и вылетела из комнаты, не в силах сделать и вдоха. Этот смех и этот взгляд преследовали меня до первого этажа, пока я не увидела вошедшего в дом отца Генри и не повалилась со слезами в его объятия, моля избавить нас от происков зла.

Утром, когда тела девушек засыпали землей, мы принялись вытаскивать из дома все зеркала. Никто уже не сомневался, что нас преследуют темные духи, никто уже не насмеялся над историями о чудовищах и призраках.

Мы складывали зеркала в глубокую яму. Большие, с витиеватыми резными рамками, крохотные дамские с плоскими изрисованными рукоятками, старые поломанные с деревянной оправой и мелкими трещинками на грязной поверхности.

Когда мы вместе с Грейс тащили очередное зеркало по двору, я не удержалась и быстро глянула в его отражение. Ничего особенного. Обычная девушка, обычный дом, обычный слуга за спиной. Я резко обернулась. Позади меня никого не было.

– Давай скорее... – пробормотала я, утыкаясь взглядом в землю. – Нужно избавиться от него.

– Думаешь, это поможет? – пыхтя, отозвалась Грейс с другой стороны. – Вдруг мы только его разозлим? – я услышала, как она сглотнула.

– Мадам Розалин считает, что духи ходят через зеркала. Если мы зароем его в землю, может, он не отыщет к нам путь.

– Отцу Генри это не понравилось, – прошептала она, слегка кивая в его сторону.

Мужчина стоял на пороге своего домика и мрачно наблюдал за нашими действиями. За все это время он так к нам и не присоединился.

– Говорит, мы поддаемся суевериям, а это только отдаляет нас от Бога.

– И что же он тогда предлагает? – злобно выдавила я. – Чтобы мы смиренно ждали своей смерти?!

– Нет же... – удивленная моей резкостью, ответила Грейс. – Он просто... просто хочет помочь.

– Столько дней прошло, а он ничего не сделал, – продолжала я. – Только напраслину наводит на других!

– Что ты такое говоришь? – ахнула она, едва не уронив зеркало со своей стороны.

Я не ответила, покачав головой. В молчании мы донесли зеркало до ямы и аккуратно спустили его туда.

– Последнее? – строго спросила наставница Бернадин.

– Нет, мадам, еще одно несут Хезер и Джейн.

– Хорошо, ступайте. Отправляйтесь в свою комнату и не выходите, пока не будет велено.

– Да, мадам, – ответили мы хором, присели в небольшом поклоне и поспешили к дому.

– Не оборачивайся, – прошептала Грейс, когда мы немного отошли.

– Почему? – так же тихо спросила я.

– Лес смотрит, – едва слышно ответила она. – На... наблюдает.

– И чем нам поможет твое «не оборачивайся», если он и так за нами наблюдает? – грубо спросила я, и Грейс тут же обиженно надулась.

Ее губы мелко затряслись, а в глазах появились слезы.

– Не реви, – тут же произнесла я, но тона не сменила. Не хватало еще утешать всех вокруг. – Лучше посмотри на отца Генри. Он так и не сдвинулся с места! Жалкий индюк!

– Сара! – в небывалом ужасе воскликнула Грейс и отскочила от меня. – Как можно! Ты расстроена, я знаю. Но ты говоришь ужасные слова!

– Поверь мне, Грейс, ты еще не слышала от меня самых ужасных слов, – фыркнула я и быстро пошла вперед. Потом резко остановилась, обернулась и произнесла, и не думая понижать голоса: – Странно, ты не находишь, что умирают только девушки? Ни наставницы, ни слуги не пострадали, не считая того глупого мальчишку, только воспитанницы. Почему же демон приходит только за нами?

– Я... я... не знаю, – заливаясь слезами, отозвалась Грейс.

– Может, кто-то никак не получит желаемое, вот и насыщает на нас всякое зло!

Я резко развернулась, замечая на себе ужаснувшийся взгляд отца Генри, но только усмехнулась и как можно скорее отправилась в дом. Пусть знает, что я его не боюсь. Пусть поймет, что в тот день это его я видела в лесу. Я постепенно вспоминала. Солнечный день, теплые блики на лице, скрюченные ветви и темнота, собравшаяся между ними. И тропинка. Я сделала шаг на тропинку... А потом проснулась в чужой постели...

В доме стало тише, чем обычно. Несколько слуг собрали свои вещи и сбежали из пансиона, надеясь пробраться через завалы. Они решили, что уж лучше попытаться счастья там, чем оставаться на верную гибель.

Из воспитанниц осталось всего пять человек, если считать и меня. Но мы по неясной нам всем причине только теперь задумались о том, чтобы выйти за ворота. Стоило подобрать юбки и убираться прочь, пока не стало слишком поздно, но мы все ходили и ходили по дому, собирая никому не нужные вещи. А когда вытащили свои мешки на улицу, поняли, что уже опоздали.

На воротах висел огромный ржавый замок, повешенный со стороны дороги, а не двора, и вокруг него были обмотаны тяжелые грязные цепи. Черная жижа стекала с них по металлическим прутьям, и что-то бурое запекшимися пятнами

испещряло их крупные звенья.

– Теперь мы точно погибли! – истерично всхлипнула Грейс и повалилась наземь без чувств.

– Что за идиот решил насмехаться над нами! – зло воскликнула наставница Бернадин, но я услышала, как дрогнул ее голос.

– Мы же не пойдем через лес... – пробормотала Хелен.

– Надо выломать его! – заявила Джейн и, подойдя к воротам, начала яростно дергать цепи. – Открывайся же! – крикнула она.

Но цепи не двинулись даже на миллиметр, словно они пристыли к металлическим прутьям.

– Я больше не в силах, – бросила наставница Доррис и, как и Грейс, повалилась на землю.

И только спустя несколько минут, когда мы все же решили повернуть обратно, поняли, что она уже никогда не поднимется.

– Господи! – прошептала наставница Бернадин, склоняясь над женщиной. Вся ее суровость куда-то вмиг подевалась. – Господи! – повторила она.

– Вы верно взываете к Богу нашему, – произнес отец Генри, – но сейчас нам требуется иная Его помощь. Среди нас ходит демон, – он вдруг повернулся и посмотрел на меня: – В человечесьем обличье.

Все дружно повернули головы в мою сторону. Я невольно отшатнулась.

– Простите, что оскорбила вас сегодня днем, отец Генри, но зачем вы так пугаете меня?

Мужчина покачал головой, состроив на лице горестную гримасу.

– Мне очень жаль, Сара, но ты допустила к своей душе злого духа.

– Прошу вас, перестаньте! – на одном выдохе произнесла я, отступая еще на несколько шагов.

Его уверенный жалостливый взгляд пугал меня не меньше, чем молчаливость всех остальных.

– Я ничего не делала! – выкрикнула я в пустой попытке защититься.

– В твоих глазах теперь чужой взгляд, – сказал отец Генри, делая шаг ко мне.

– Потому что я видела отражение Дотти?

– Потому что ты видела свое отражение.

– Что за нелепость! – выкрикнула я, окидывая взглядом остальных. – Разве я сделала что-то бесчестное?!

Хелен пожалала плечами и опустила глаза. Грейс, которую уже успели привести в чувство, разрыдалась. Хезер нахмурилась, но промолчала. А Джейн... вдруг подняла на меня взгляд и воскликнула:

– Сегодня ты была такой грубой! Я тебя слышала. Не только... не только про индюка. Простите, отец Генри, но всякое... Бормотала сама с собой...

Этих слов оказалось достаточно. Наставница Бернадин

вскинула голову и крикнула:

– Хватайте ее!

Я бросила свой мешок на землю и помчалась в сторону леса. Куда угодно, лишь бы оказаться подальше от этих людей.

За моей спиной раздались крики, послышались топот бегущих ног, треск веточек и шепот обеспокоенной листвы. Я подняла платье повыше и понеслась еще быстрее, глотая холодный обжигающий воздух и выдыхая рваные клубы пара.

Несколько раз я поскальзывалась на мокрой земле и едва не падала. Крики становились ближе, но я не разбирала, что именно они кричат. На самом деле я почти ничего не слышала, кроме дробного клацанья за своей спиной. Как в ту ночь, когда пропала Рина.

Я не смела оборачиваться и молилась, чтобы толпа не побежала за мной вглубь леса. Деревья звали меня, манили, казалось, что там меня ото всех скроют тени.

Красная тропинка, вязкая жижа под ногами. Я замешкалась лишь на мгновение и тут же поплатилась за это.

Рванув вперед по тропе, я наступила на что-то твердое и тут же, запнувшись, полетела вниз. Грязь забилась в нос и в рот, лицо больно оцарапало о мелкий лесной мусор, и по носу побежали теплые струйки крови. Я попыталась встать, но что-то тяжелое в тот же миг придавило меня к земле. На меня пахнуло сладковатым запахом ладана, и ухо обдало горячим дыханием.

– Смирись, девушка, – прошептал отец Генри. – Я освобожу твою душу. Верь мне.

Я закричала и забрыкалась, но мужчина оказался слишком сильным. Он перехватил мои руки и крепко стиснул их, прижимая меня к земле.

– Прости, прости, – шептал он. – Я не хочу причинять тебе боль. Смирись и покорись. Мы избавим твою душу от мучений.

– Отпустите! – глухо зарычала я. – Вы потеряли разум!

– Мы нашли веревку! – раздалось со стороны.

– Давайте же, не стойте! – велел отец Генри. – Не думайте о глупых историях. Это просто лес. Настоящее зло в этой девушке!

Мои силы почти иссякли. Руки стянули веревкой так крепко, что я вскрикнула от боли. Меня перевернули на спину и обвязали ей вокруг талии и ног. Я закрутилась в разные стороны, попыталась кусаться, но ничего уже не могло помочь. Кто-то ударил меня в живот, от боли в глазах замелькали черные мушки, в ушах раздался странный перезвон. Я закашлялась и повалилась обратно на землю. Меня снова ударили. На этот раз грязный сапог пришелся куда-то в плечо. Из моих глаз хлынули слезы, и я застонала от боли.

– Прекратите! – закричал отец Генри.

– Но она их всех погубила! – раздался голос Грейс. Это Грейс?!

– Она невиновна. Ее душа заражена, – строгий голос муж-

чины доносился словно из-под воды.

– Тогда хоть рот ей закройте. Кусается, сука! – взвизгнула одна из кухарок.

Никто ее не одернул ни за такие слова, ни за такое предложение. Во рту вдруг возник мерзкий привкус грязной тряпки, я начала кашлять, но лишь получила удар по лицу.

– Куда тащить-то? – спросила одна из младших служанок.

– В церковь. Оставим ее там, а потом очистим ее душу, да поможет нам Бог!

Кто-то подхватил меня за ноги и потащил прямо по земле, даже не заботясь о том, как неприлично задирается платье, открывая всем на обозрение кружевные панталоны. Мое лицо заливали слезы, боль расплзалась по всему телу, но когда я повернула голову в сторону, то чуть не лишилась чувств от ужаса. Из земли торчала бледная девичья рука, и никто, кроме меня, ее не видел.

VI

Меня усадили на колени перед алтарем, перевязав руки перед собой и протянув концы веревки до скамьи. Там они накрутили такие плотные и замысловатые узлы, что наверняка и сами бы не смогли их распутать. Теперь я сидела как собака на цепи, склоняясь перед святыми изображениями и мучаясь от боли в животе и пробирающего холода.

Меня оставили в одиночестве, по всей видимости, решив,

что я могу зачаровать их или выпить их душу. Мерзкие тупицы! Ни от каких происков зла они не спасутся, заперев меня тут.

Перед уходом отец Генри осенил меня крестным знаменем и прочитал короткую молитву, а затем, состроив самое печальное на свете выражение лица, проникновенно молвил:

– Душа твоя освободится! Я позабочусь о том, чтобы все грехи твои были очищены, и ты ушла с благодарностью и легкостью в сердце.

На мгновение я испугалась, что он станет стягать меня своими плетями, желая очистить мою душу, но мужчина только осторожно погладил меня по голове, вынул изо рта кляп, призывая вознести молитвы Богу, и вышел.

Замок на двери оглушительно щелкнул, эхо разнеслось по всему нефу и поднялось дальше, к высокому потолку и старым колоколам на башне. Мне даже показалось, что я слышу их недовольную вибрацию. За окнами взвыл ветер, колыхнулись на алтаре бледные огоньки свечей, и стало тихо.

* * *

Сначала я пыталась выбраться. С трудом доползла до скамей и стала дергать за толстые жесткие веревки, взрезая свои запястья до крови и пытаюсь расплести узлы. Ничего не удалось. Я выбивалась из сил, иногда проваливаясь в тревожную дрему и резко просыпаясь. Мне все казалось, что рядом

раздаются шепотки и бормотанье. И каждый раз я ожидала увидеть рядом с собой или заглянувших в церковь девушек, или отца Генри, решившего не дожидаться вечера и покончить со мной сразу же. Но вокруг было пусто.

Я забралась на одну из скамей и свернулась на ней калачиком, пытаясь хоть как-то избавиться от холода. На полу остались следы крови, смазанной лентой тянувшиеся от самого алтаря. Может быть, так я умру гораздо раньше, – пронеслось в голове. – Засну и медленно выпущу свою душу вместе с кровью. Это будет не так страшно».

Но потом внутри меня что-то содрогнулось. Нет, мне нельзя умирать! Нужно бежать как можно дальше... Нужно... Нужно уби... Убежать...

Во сне меня мучили кошмары. Я видела искаженное лицо Дотти, а потом смотрела на себя в зеркало, и мое лицо приобретало такую же кошмарную ухмыляющуюся гримасу. Мне снился лес, растущая между деревьями тень. Она приближалась, и из ее черноты постепенно появлялась фигура отца Генри. Он тянул ко мне костлявые пальцы и что-то пронзительно кричал. А из земли под его ногами, раскидывая листья и комья в разные стороны, появлялись грязные девичьи руки. Они перебирали пальцами и пытались ухватить его за полы плаща. Отец Генри презрительно отпихивал их ногами и, склонив голову набок, уже не кричал, а весело улыбался мне. Я кричала и просыпалась в холодном лихорадочном поту, задыхаясь от собственного ужаса.

Вечерело. Багровые лучи постепенно гасли, оставляя последние кровавые следы на стенах. Церковь заполнялась тенями. Они пробирались по белым стенам, волнами накатывали на скамьи, тянулись к алтарю. Мрак исходил отовсюду, и только несколько свечек нервно колыхались впереди, окрашивая пространство огненно-рыжими красками. Было тихо и одиноко.

Когда стало понятно, что за окном опустилась глубокая ночь, я чуть было не поддалась глупой и нечестивой надежде. Может, их всех уже пожрало то самое зло, и меня теперь никто не тронет? Я тут же одернула себя за такие черные мысли, но не могла не признать, что на мгновение почувствовала облегчение. Но потом...

Потом я вдруг вообразила, каково это – остаться здесь совсем одной, связанной, истекающей кровью, один на один с неизвестным мне существом.

Дверь справа скрипнула и приоткрылась. Я вздрогнула и тут же развернулась в ту сторону. Там было темно. В проходе едва ли можно было различить лестницу, ведущую к звоннице. Было тихо. Дверь немного покачалась и замерла. Я судорожно выдохнула, присматриваясь.

За окном дунул ветер, и что-то влажно ударило в стекло. Я обернулась, но ничего не увидела. Я шурилась, пытаюсь взглянуть во тьму с той стороны, как ощутила на затылке чей-то пристальный взгляд. Он шел от открывшейся двери. Тяжелый и жуткий.

С трудом сглотнув сухую слюну, я медленно повернула голову. Пустота. А потом вдруг топот. Частый топот бегущих по лестнице ног. Я вжалась в спинку скамьи и открыла рот в безмолвном крике. Топот удалялся. Он летел все выше и выше, а потом оборвался грозным гулом большого колокола. Он завибрировал над моей головой, загудел, запел низким басом, раскатисто несущимся по всей церкви. Я задрожала ему в такт, слезы покатались по моим щекам. Динь-дон. Динь-дон.

В звоннице раздался залиvistый смех. Я закрыла руками уши и закричала. Мой собственный голос оглушил меня, но смех не прервался. Он спускался все ниже и ниже, под мерный топот и ровный гул. Топ-дон-топ-дон.

Я вскочила на ноги и принялась судорожно дергать веревку, падая, ударяясь о дерево скамьи, но продолжая неистовые попытки выбраться. Кто-то остановился у двери. Раздался медленный мучительный скрип. В глупой ничтожной попытке я нырнула под скамью и застыла, разглядывая появившиеся в проеме знакомые сапоги.

– Твои мучения терзают мое сердце, – произнес отец Генри, медленно подходя ближе. Услышав его голос, я отчего-то не испугалась, а наоборот, возблагодарила небеса. Ведь он не может быть тем злом, он ведь такой родной и знакомый. И это не его голос заливался хохотом.

Мужчина склонился и заглянул под скамью.

– Я знаю, что тебе страшно, но я помогу. Доверься мне.

Давай, я помогу тебе выбраться, – он протянул мне руку, и я ухватилась за нее так, словно это другой человек собирался изгонять из меня демонов.

– Ввы...ввы... слышали? – заикаясь, пробормотала я, пока он помогал мне выбраться. – Смех, – удивленно ответила я. – Такой... громкий...

– Ах это, – он помрачнел. – Да, я слышал, как ты смеялась.

– Я?! – У меня упало сердце. – Клянусь, отец Генри, это была не я. Смеялись там, в звоннице.

Он покачал головой.

– Я ударил в колокол, чтобы призвать всех к церкви, а потом спустился вниз, услышав твой голос.

– Клевета! – выкрикнула я, не в силах совладать с ужасом. – Вы нарочно меня оболгали! Вы все это нарочно! Это вы! Вы!..

Он тяжело вздохнул и неторопливо побрел к алтарю.

– Вы ничего мне не ответите? – всхлипнув, спросила я.

– Я уже сказал тебе, Сара, твои мучения скоро окончатся.

Меня захлестнула злость. Такая жгучая и бешеная, что мое дыхание сорвалось. Мерзавец! Он же убьет меня!

Я рванулась вперед и со всей возможной силы налетела на отца Генри. С криком мы полетели на пол. Раздался глухой удар, и из его рта вырвался болезненный стон. Я заметила капли крови на каменном полу, но не стала уповать на чудо. Мужчина захрипел подо мной и попытался скинуть меня наземь. Я зубами вцепилась ему в шею и сжала челюсти до

адской боли. Он орал и чертыхался, дергал руками и ногами, но при каждом его движении я старалась сделать укус глубже и болезненнее. В рот мне заливалась его горячая кровь. Меня замутило, в лицо ударил жар, и потом вдруг вытошнило прямо ему на плечо.

Он тут же сбросил меня на пол, но боль не дала ему сил подняться. Я оказалась быстрее. Тут же вскочив на ноги, я кинулась на него, обхватывая в кулаки свою собственную веревку. Накинув ее на его потную скользкую шею, я стала тянуть изо всех сил. Он трепыхался, как рыбешка. Такой беспомощный, такой напуганный, такой... жалкий.

Даже когда он замер и затих, я еще долго продолжала стягивать веревку. В висках у меня стучало, сердце бешено колотилось в груди, а руки тряслись от страха и напряжения. Когда я, наконец, его отпустила и тело со стуком повалилось на пол, на моих ладонях остались стертые кровавые следы.

Я осела наземь, прислонилась спиной к алтарю и посмотрела на мертвеца перед собой. Неужели я и впрямь это сделала? Неужели я... такое чудовище?! Меня захлестнули рыдания. Слезы лились по щекам, я икала, совсем как невоспитанная девка, и шмыгала носом. Из меня вылетали короткие несвязные извинения, и все казалось, что вот сейчас отец Генри поднимется и посмотрит на меня своими ясными голубыми глазами. Но он не поднимался.

Мой плач прервал шум. Над головой вновь загудели колокола, за дверью раздались шаги и приглушенные голоса лю-

дей, а за ними донеслось мерзкое ехидное хихиканье. Я в ужасе вскочила на ноги. Нужно бежать! Я огляделась, и мой взгляд вдруг упал на колыхающиеся огоньки свечей. Ну конечно! Я поднесла руки поближе, с трудом дотягиваясь до слабого огня. Он лишь слегка подпалил веревку и обдал мою кожу жаром, но его силы не хватало, чтобы сжечь ее совсем.

Моя рука дрогнула, и несколько свечей вдруг накренились. Одно мгновение, и вот они уже летят вниз, падают на отца Генри, и его одежда тут же занимается огнем. Я охнула и испуганно отступила. Пламя разгоралось быстро и жарко, с жадностью поглощая его тело. Воздух наполнился мерзким запахом, я стиснула зубы и, собрав всю свою смелость, шагнула вперед. Мои руки лизнуло пламя, болезненно обжигая руки и подпаливая мою веревку. Она почернела, ее толстые нити разошлись, и я рванула кулаки в стороны, разрывая пути. Меня опьянило безудержной радостью, и я захохотала от чувства долгожданной свободы. Смех подхватило эхо, понесло его ввысь и ответом принесло довольное хихиканье.

Мурашки побежали по моему телу, и я сначала было бросилась к центральному входу, но опомнилась. Меня заперли снаружи, а значит, выход только один – с другого хода, через темный проем, где вьется старая лестница. Я подошла к двери и замерла, прислушиваясь. За спиной у меня трещал огонь, а в звоннице стало тихо. Мне не хватало духу сделать шаг вперед. Оно же где-то там. Ждет. Наблюдает. Стоит ступить и...

Рядом заклацали чьи-то зубы, с громким криком ужаса я выбежала в коридор и понеслась к черному ходу. Дверь там была открыта, порог занесло мокрыми листьями, а пол стал скользким от льющего на улице проливного дождя. Потянуло свежестью, прелой листвой и резким холодом поздней осени.

Я выбежала наружу и тут же промокла до нитки. Дождь хлестал косыми струями, ветер выл и гудел, совсем как медный колокол. За мокрой пеленой темнел притихший дом, а около церкви маячили размытые силуэты. Они испуганно перекрикивались, слышался плач, и кто-то звал меня. Кто-то двигался в мою сторону, раскинув руки так, словно решил поиграть в игру и показать мне свою смелость. Но правила звучат иначе... Попробуй повернись ко мне спиной!

Я сделала шаг в сторону, попятилась и, подобрав потяжелевшие мокрые юбки, побежала к лесу. Скорее, пока они не нагнали меня!

Деревья стояли мрачные, куцые и казались сплетенными еще плотнее, чем прежде. Тропинку размыло, и по ней текли красноватые грязевые потоки. Стоило только ступить на нее, как ноги тут же погрузились в хлюпающую размокшую грязь. Перед моими глазами вдруг мелькнуло воспоминание. Солнечный день, смех девушек, тени за деревьями, а потом... Что же было?

Я медленно ступила на тропу и побрела вперед. Волосы мои неприятно липли к шее, ноги обхватило мокрой тканью,

а по рукам стекали грязные кровавые дорожки. Я прошла еще немного вперед. Все, что осталось за спиной, вдруг стало неважным. Важнее было вспомнить. Солнечный день, смех девушек, тени за деревьями... Солнечный день...

Я замерла и присела на корточки. Под лесным навесом дождь бил не так сильно, но мокрые струи все равно стекали за воротник и капали с подбородка. Я склонилась над землей, очищая от грязи ту белую девичью руку. Утром я решила, что это Рина, но теперь с точностью могла сказать, что это другая девушка. Пальцы Рины были толстыми, ладонь широкой, совсем неаристократичной.

У этой же было узкое запястье и тонкие длинные пальцы. Рука была белоснежной, словно фарфоровой, и непохожей на руку мертвеца. Я стала очищать дальше, вытягивать тело из-под земли. Что же случилось? Солнечный день, смех девушек, тени за деревьями...

Я схватилась за показавшееся плечо и с силой потянула его на себя. Показались грязные спутанные волосы, голова, шея и грудь. Лицо было отвернуто в другую сторону. На секунду моя рука застыла в воздухе, но потом я положила ладонь на ее затылок и повернула голову.

Я отшатнулась и упала на землю. На меня глядело собственное лицо. Я смотрела на него, ничего не понимая. Мои глаза были открыты, губы плотно сжаты. И оно... оно определенно не было живым. Как и не было мертвым.

– Боже... – выдохнула я, в ужасе отползая подальше.

Раздался тихий шелестящий смех. Я закурилась по сторонам, но никого не разглядела. Смех стал громче, и меня вдруг пробрала дрожь. Смех слетал с моих собственных губ! Не с тех, что белели сквозь земляную грязь. А с моих. Моих собственных. Я зажала губы руками. Я не плакала, но все мое тело колотилось от страха.

– Что происходит? – прошептала я.

– Кто-то очень хотел выиграть, – ответили с усмешкой моими губами.

– Я... я не понимаю... Кто ты?

– Вопрос в том, кто ты?

– Нет! – яростно трясая головой, закричала я. Догадка, появившаяся в голове, вызвала во мне холодный ужас.

– Ты же видела свое отражение, не правда ли?

– Нет! – снова повторила я.

– Ты же слышала свой смех? Это же ты стала убийцей...

– Я... я... Нет!

Я вскочила и бросилась бежать по тропинке, но мои ноги тут же заплелись, и я рухнула в грязь.

– Хочешь, расскажу, что произошло в тот солнечный день?

Меня пробрал ужас. Я была уверена, что не хочу знать. Но голос, мой собственный голос заговорил:

– Вы играли. Вы хотели узнать, кто смелее всех. Вы вставали к лесу спиной.

– Нет, нет, не надо!

Воспоминания потекли в меня вязкой жижой. Я будто воскрешала в голове давний кошмарный сон.

Мы играли. Мы громко выкрикивали правила и поворачивались к лесу спиной. Мы веселились. И лес веселился вместе с нами. Я вдруг почувствовала это. Его дикую, безудержную, охотничью радость. Я все стояла и стояла, и девушкам стало скучно. И когда они отвернулись, я посмотрела на лес. Я нарушила все правила и ступила на тропинку.

– Кто-то решил, что он смелее и умнее всех, – захихикал голос.

Я прошла далеко, следуя за теньями. Они вели меня вперед, сторожили и скрывали от других. Я ушла очень далеко. И там... что-то было... Оно напугало меня настолько, что я бросилась бежать со всех ног. Но оно шло за мной. Клацало зубами и дышало в уши. Оно было темным, и оно уже никогда меня не покидало.

Я вспоминала. Медленно кусочек за кусочком тот день возвращался ко мне. Вот только я так и не могла понять, что именно я обнаружила в лесу.

– Это неважно, – ласково ответил голос. – Оно поймало тебя. Оно убило тебя. Оно оделось тобой и заморозило душу. Оно хотело поиграть. Поэтому оно все еще здесь. Поэтому тело еще такое свеженькое. Оно очень хотело повеселиться... Оно очень ждало новых игр... Оно снова хотело, чтобы девушки вставали на тропу...

Я зажала уши руками и закричала. Я вопила что есть мо-

чи, но голос теперь шептал в моем сознании:

«Мы с тобой убили их всех, потому что они мухлевали. Потому что все они нарушали правила. К ЛЕСУ НУЖНО ВСТАВАТЬ СПИНОЙ! – изнутри меня захлестнуло яростью. Я взвыла, и мой жуткий голос разлетелся по всему лесу. – Мы наказали всех, – голос задумался. – Почти... Никто больше не будет нарушать правила не посмеет отказываться от игры. Ты же помнишь, как мы выманили Мэй на кухню?...»

– НЕТ! – закричала я, вдруг ясно вспоминая не только эту ночь, но и предыдущий вечер.

Я уговаривала ее поиграть, молила пойти со мной к лесу и проверить нашу смелость. Мы так давно не играли, говорила я, мы так давно не вставали на тропу. Но Мэй отказалась. Ее интересовал новый конюх и монеты, а не мои «детские» игры. Я вспомнила, как разозлилась. Вспомнила, как провожала взглядом ее гибкую узкую спину. Тогда я уже знала, что сделаю.

Я разбудила ее и сказала, что мне хочется пить, но одной спускаться слишком страшно. Я обещала ей монеты за молчание и вела ее за руку.

– Это была не я! – раздался мой рыдающий крик, а голову пронзило новое воспоминание.

Я обещала Лорене, что проведу ее к отцу Генри. Я обещала его любовь. Но когда мы подошли к лесу вместо домика священника, она испугалась и опрометью бросилась бежать. Я догнала ее. И вздернула на дереве. Не испытывая ничего,

кроме мстительной ярости.

Я позволила констеблям увидеть в зеркале мое новое лицо, и они решили больше никогда не возвращаться в этот проклятый дом.

Я напугала Рину так сильно, что она сама унеслась в лес, сломя голову. Я видела ее труп, и я позволила хлюпающей земле всосать его в себя.

Когда Дотти отказалась пройтись со мной к лесу, я заставила ее смотреть на свое измененное отражение, пока девушку не перекосило от страха. Я столкнула Марлен с лестницы. А себя уверила в том, что всю ночь стояла на месте. Я видела свою тень на стене. Я чувствовала свое отражение в окне. Это оно решило, что так будет лучше. Оно решило, что на время мне лучше обо всем забыть.

Я качалась из стороны в сторону, обхватив голову руками и отказываясь верить тому, что вспоминала.

– Ты не должна переживать, – сказала я. – Ты уже почти умерла.

– Отец Генри был прав! Он все это время был прав! – меня захлестнуло отчаянье.

Голос раздраженно фыркнул:

– Он нашел нас в лесу, когда мы бежали по тропинке. Он увидел на нас кровь и грязь и забрал к себе в дом. Он пытался расспросить нас. Он пытался узнать нас. Но он глупый, глупый, глупый святоша!! Мы пытались соблазнить его, однажды мы даже пытались отравить его, но он никак не хотел

играть с нами, – голос захохотал. – Но мы умнее и сильнее. Мы обыграли его!

– Зачем ты это делаешь? – всхлипнула я, чувствуя, что сил больше не осталось.

Меня потянуло в сон, конечности стали тяжелыми и какими-то чужими... Я с трудом поднялась и побрела обратно к своему телу. Дойдя до него, я остановилась. На нем появились мерзкие пятна, а воздухе запахло гнилью.

– Я умираю?

– Ты уже мертва. Твоя душа давала мне силы, пока тело умирало, а теперь этой силы нам достаточно.

– Что... что будет дальше? – Я удивилась, как спокойно прозвучал мой голос. Жутко хотелось спать.

– Лес будет искать самого смелого...

Мои глаза закрылись, я поняла, что падаю, но так и не коснулась земли. Я обернулась и посмотрела на себя. Платье облепляло мое худое тело, темные волосы лежали на спине тяжелыми мокрыми прядями. Я... Оно смотрело на меня в упор и мерзко улыбалось. Оно было совсем другим. Оно хихикало. И оно очень хотело продолжить игру.

Вокруг меня стали собираться тени. Существо передо мной отвернулось и направилось сквозь лес обратно к дому. Я засыпала. Становилось легко и спокойно. И воспоминания в моей голове вдруг снова начали меняться. Солнечный день, смех девушек, красная изъеденная нарывами тропа. Я делаю шаг вперед, но внутри вдруг поднимается дикий

страх, и я отступаю. Я возвращаюсь обратно к девушкам.

И прежде чем меня полностью обступила тьма, в голове промелькнула мысль: «Что же было на самом деле?..»

Макс Архандеев. «Сорок первый»

Автобус с длинными кривыми цифрами «сорок один» на желтой, испачканной грязью табличке медленно выплыл из-за угла, рассекая ночной морозный туман свечением оранжевых фар.

Встрепенувшись от приближающегося шума мотора, Егор Степанович обреченно посмотрел на номер автобуса, затем на табличку с расписанием маршрутов. Все так же бережно прижимая к себе небольшую розовую коробочку, перетянутую бирюзовой лентой, взглянул на наручные часы. Повращав рукой, поднес их к уху. Кажется, встали. Наверное, замерзли.

Сонные глаза снова побежали по табличке с номерами маршрутов и временем отправления. Номер сорок один не значился в расписании, судя по которому последний на сегодня привычный сто восемьдесят пятый уже ушел. Все потеряно! Теперь до полуночи домой никак не успеть!

Старый, покрывшийся ржавчиной ПАЗ с запотевшими стеклами медленно проплыл мимо, ломая покрывками корку снега, и скрылся за поворотом.

Снежинки снова начали медленно опускаться на опустевшую загородную дорогу.

Холод уже давно обосновался под легеньким осенним пальто, а розовая коробочка на коленях начинала вызывать

у Егора Степановича все больше тоски.

Автобус с длинными кривыми цифрами «сорок один» медленно выплыл из-за угла.

Егор Степанович нахмурился. Второй автобус подряд! Да еще и за такой короткий промежуток времени!

Это не мог быть тот же автобус. Дорога у нас тут одна, а реши над ним кто-то подшутить, так за такое малое время круг даже на внедорожнике не сделать. Только что проехал один, а следом за ним другой с таким же номером! Что за вздор! Лучше бы пустили больше таких нужных всем сто восемьдесят пятых!

Наверное, привычный транспорт задерживается из-за непогоды. Наверняка так и есть. Сорок первого нет в расписании, а значит, он идет в обход привычного маршрута. Дорогу замело? Или дерево обвалилось от снега? Но если сорок первый проходит здесь, то и другие должны пройти. Куда он, кстати, идет? Может, по пути.

Проплывая мимо Егора Степановича автобус замедлился и почти остановился. Кроме номера никакими опознавательными знаками старенький пазик не обладал. Водитель, почти старик, с усами, как у гусара, и в кепке, закрывающей уши, сквозь покрытое испариной стекло удивленно оглядел единственного человека на остановке. Не дождавшись хоть какого-либо знака, автобус проехал мимо и скрылся за поворотом.

Ну невозможно же сидеть здесь вечно! Так можно и со-

всем замерзнуть!

Егор Степанович встал.

Точнее, он попытался встать и тут же понял, насколько сильно промерзло тело под тонким пальто. Задубевшие мышцы отдались больными уколами. Нужно двигаться прямо сейчас. До ближайшего поселка несколько километров, но он ходил и больше.

Например, когда они только переехали сюда, им пришлось продать в том числе и машину, лекарства стоили очень дорого, поэтому Егор Степанович привык ходить пешком.

Да, это было уже три года назад.

Уже потом Люба с Юлей подарили ему велосипед на день рождения. Люба утверждала, что ей удалось сэкономить, хотя Егор Степанович так и не понял на чем, ведь они и так все время экономили, а Юля заработала свои первые деньги, собирая яблоки для колхоза, хотя никакого колхоза, конечно, уже давно не было. Егор Степанович знал, какой это труд, и когда узнал, что доставшиеся такой тяжелой работой средства ушли на него, расстроился.

Конечно, велосипед был не новый, но теперь Егор Степанович мог проводить больше времени с семьей: выезжая на работу на добрый час позже, да и возвращался он намного раньше.

Хорошее было время. Несмотря на все беды, свалившиеся на них тогда, сейчас, кажется, что счастье было там, в прошлом. Тогда он еще не брал вторых смен. Тогда в их доме

еще жила надежда. Тогда Люба еще была с ними.

Опустив свои промокшие ботинки в снежную колею, он уже собирался двинуться в путь, но его потревожил шум двигателя за спиной.

Сорок первый выплыл из тумана.

Егор Степанович выругался вслух. Автобус с запотевшими стеклами остановился прямо перед ним. Двери с лязгом распахнулись.

Поставив ногу на первую ступень, Егор Степанович заглянул в автобус, дав волю эмоциям:

– Ты тут уже третий проезжаешь! Другие закончились, что ли?

Увидев водителя, Егор осекся. Это был все тот же почти старик с усами, как у гусара. Он посмотрел на Егора Степановича грустными, почти слезливыми глазами и с насмешкой ответил.

– А мне почему знать? Может, и кончились. Залазь давай, да поехали.

Переключив рычаг, водитель протер лобовое стекло полотенцем и уставился перед собой, разглядывая все сгущающийся туман.

Простота ответа заставила Егора смутиться и пожалеть о том, что он вышел из себя. Посмотрев на часы, он вспомнил, что они не работают и растерянно уточнил:

– Вы через Александровку?

– Конечно, – легко ответил водитель. – И через нее тоже.

– Через Верхнюю или Нижнюю?

– А через любую.

Егор Степанович задумался на миг. Если сто восемьдесят пятый не смог где-то проехать, он все равно должен вернуться в конечную точку – поселок, где сейчас живет Егор, где его ждет Юля. Возможно, сто восемьдесят пятый, как и этот сорок первый, двинется в обход проблемного участка дороги и выйдет через Александровку на привычный маршрут. Даже если не удастся догнать сто восемьдесят пятый, в Александровке наверняка можно пересесть на какой-нибудь местный транспорт, идущий в сторону его поселка. Если такие еще ходят. Все ближе, чем идти пешком отсюда.

Егор Степанович поднялся в сорок первый. Бросил взгляд в салон. Помимо него еще двое пассажиров: скрюченная дремлющая старушка с лукошком и мужчина с бритой головой и в дорогом костюме.

– Ну и туманище! – возмутился водитель автобуса, переключив несколько рычагов. – В такой заблудиться – раз плюнуть.

Двери закрылись, автобус тронулся, озаряя туман перед собой теплым оранжевым светом фар.

– Сколько до Александровки? – спросил Егор, выживая замерзшими пальцами ледяную мелочь со дна кармана.

– Да садись уже, – тоскливо ответил водитель.

Монеты недолго звенели в дрожащей руке пассажира и вернулись в карман.

Пожав плечами, Егор прошел в салон. Скрюченная старушка, встрепенувшись, испуганным взглядом оглядела его и, не найдя никаких признаков опасности, поправив покрывало на своем лукошке, снова быстро задремала. Бритоголовый мужчина в дорогом костюме сидел, вытянувшись по струнке. Его не моргающие глаза навывкате смотрели ровно перед собой. Мужчина показался Егору Степановичу знакомым, но в этом не было ничего удивительного. Еще не так давно, до того, как Любе рекомендовали покой и отдых и они переехали сюда, он сам носил костюмы ничуть не хуже этого и за день встречался с десятками людей, одетых в такие же дорогие костюмы.

Интересно, что забыл в нашей глуши этот человек?

Проходя мимо, Егор ощутил слабое бормотание на кончиках его губ. Видимо, поездки на общественном транспорте для него сплошной стресс.

«Ну, не у всех есть свой собственный велосипед!» – обрадовался про себя Егор Степанович, располагаясь на последнем ряде сидений. Заветная розовая коробочка, перетянутая бирюзовой лентой, опустилась на его колени.

Несмотря на залитый желтым светом салон сорок первого автобуса, тепло никак не начинало расплываться по телу, и Егор Степанович, протерев окно рукавом пальто, начал растирать заочиненные руки, разглядывая проплывающие за окном елки.

Машинально посмотрев на неработающие часы, Егор

успокоил себя – время еще есть. Он успеет до полуночи. Он иногда опаздывал домой со смен, а потому надеялся, что Юля не станет сильно волноваться. К тому же снегопад, как-никак. Возможно, она задремала в ожидании. Наверное, это был бы лучший вариант.

Он вернется домой. Тихонько откроет входную дверь. Пройдет на кухню, прямо так, в ботинках, чтобы нечаянно не разбудить ее лишним шумом, и осторожно поставив на стол розовую коробочку, украшенную бирюзовым бантиком, поцелуем в макушку разбудит дочь. Проснувшись, она сначала, конечно, вздрогнет, затем увидит его и обрадуется, повиснет на шее, а после, открыв подарок, будет счастлива.

Автобус резко остановился. Егор чуть не выбросил руки вперед, но вместо этого плотным кольцом сомкнул их вокруг розовой коробочки. Съехав с сиденья, он сохранил нетронутым коробочку, но больно ударился головой о ручку сиденья перед собой.

– Осторожнее! – воскликнул Егор Степанович, потирая бровь. На замерзших пальцах осталась темная кровь. – Не дрова же везешь!

Тут он понял, что автобус остановился. Дверь с лязгом отворилась. Водитель обернулся к пассажирам.

– Агафья Никитична! Ваша!

Скрюченная бабушка встrepенулась.

Неловкими старческими движениями она второпях начала копошиться. Растирая влагу по запотевшему окну, Егор

Степанович смог различить лишь множество огней, словно они находились на хорошо освещенной улице. Сначала, что логично, подумалось: Александровка!

– Это какая? – прогремел на весь салон Егор Степанович, приобняв свою розовую коробочку и приготовившись бежать к выходу.

– Какая-никакая, – пробубнил водитель себе под нос и прокричал в ответ: – Не-ва-ша!

Количество света за окнами автобуса переходило все мыслимые размеры настолько, что казалось наступил день. Но благодаря плотному туману, разглядеть за окнами было ничего невозможно, словно они заехали прямо в светящееся облако.

– Будет ваша – сообщу! Ну, что вы там Агафья Никитична! Ноги не забыли?!

– Та иду, иду! Слав те хоспади, добралася!

Повязанная платком голова старушки резко нырнула под сиденье, и Егор Степанович услышал грохот, с которым тело упало на пол. Вскочив, он и бросился на помощь, но она уже выползала из пролета на руках.

– Скок лет мучалась! Таплетки пила!

Упираясь руками, старушка выползла на середину салона. Нижняя часть ее тела кончалась длинной окровавленной юбкой, волочашейся за ней по салону сорок первого автобуса. За собой старушка тянула лукошко, под покрывалом которого Егор Степанович разглядел две ноги.

– А тут КАМАЗ! Трах-бабах! И нет старой бабки!

Старушка рассмеялась, и грустный водитель, верно, из уважения подхватил ее смех.

– Ну какая же вы старая, Агафья Никитична! Вам еще жить да жить! Да внуков нянчить!

– Так зачем все эти таблетки пила? Мучалась токма, да пенсию фсю тратила!

– Ну, пути Господни, Агафья Никитична, – понимающе кивнул грустный водитель. – Пути Господни.

– Спасибо тебе, мил человек! – сказала старушка, ловко спускаясь по ступеням на руках. – Дай Бог те здоровья!

– Спасибо, и вам того же! – ответил водитель, махнув рукой на прощанье. – Ну, счастливо!

Двери с лязгом захлопнулись.

Егор Степанович стоял в пролете, одной рукой схватившись за поручень, а второй прижимая к себе розовую коробочку. Он крепко-накрепко зажмурился, но перед глазами стоял красный след, тянувшийся за старушкой. Егор досчитал до десяти, а когда открыл глаза, сорок первый как ни в чем не бывало снова мчался сквозь непогоду. Салон автобуса был чист.

Бритоголовый в дорогом костюме продолжал смотреть перед собой, покачиваясь вместе с автобусом, будто ничего особенного и не произошло. Осторожно придерживая розовую коробочку, Егор Степанович опустил на соседнее с мужчиной сиденье.

– Ты это видел? – шепотом спросил он.

Всем своим видом настойчиво показывая, что не замечает Егора, бритоголовый мужчина продолжал что-то шептать губами. Егор Степанович немного наклонился и прислушался.

– И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; и не введи нас во искушение, но избавь нас от лукавого...

Кончив молитву, мужчина остановился и, не шевелясь, одними лишь глазами, покосился на Егора.

– Эй? – спросил Егор. – Ты чего?

Егор было поднял руку, чтобы коснуться мужчины, но тот, вздрогнув, снова зататорил:

– Отче наш, да святится имя твое, да придет царствие твое, да будет воля твоя...

– Да не трогай ты его!

Обернувшись к водителю, Егор увидел грустные глаза в зеркале заднего вида.

– Он уж какой круг катается. Все едет и едет, а выйти не может.

Егор Степанович, подумав, что любой диалог лучше нелепого молчания, перебрался поближе к водителю. Он пристально осмотрел его: седина в волосах, морщинки вокруг глаз, нелепые гусарские усы и серая кепка с ушами – таких водителей в каждом поселке с десятков наберется. На приборной панели три иконки и накопитель для столовых приборов, лежащий на выцветшем полотенце, наполненный гремящи-

ми на кочках монетами.

– А старуха-то, – осторожно спросил Егор, – что, и вправду была?

– Какая старуха? – удивился водитель.

– Ну, эта. Что только с нами ехала. Как ее... Никитична.

– А, эта. Ну, была, конечно.

– И где она теперь?

– Да мне почему знать? Она ж вышла. Добралась, куда ей там нужно.

Егор оцепенел от ужаса.

– Ты что значит, – он сглотнул, решаясь озвучить безумное предположение, – мертвецов возишь?

– Ха! – довольно воскликнул водитель, улыбнувшись одной стороной лица и покачав головой.

Егор замер, ожидая продолжения, но водитель молчал. Тогда Егор наклонился к нему поближе и так по-свойски попростому предложил:

– Слушай, выпусти меня, а?

– Сдурел, что ли! Куда ж я тя пушу? Видал, что за окном творится?

– Мне к дочери надо. Очень надо. Обещал сегодня приехать, а значит, надо до полуночи. Вот!

И Егор вытянул перед собой бесценную розовую коробочку. Водитель не без сожаления покосился на коробку, затем на Егора.

– Н-нда. – грустно ответил он. – Ну и выбрал ты денек.

Ниче не поделаешь.

– Ты меня отпусти, а? А я что хочешь тебе отдам!

– И душу свою отдашь?! – резко, но не без иронии в голосе спросил водитель.

– Отдам! – без промедлений ответил Егор Степанович. –

Надо – забирай! Только к дочери пусти!

Водитель взорвался смехом, но его глаза продолжали сочиться печалью.

– На кой мне твоя душа? У меня своя есть.

– Выпусти говорю! – потребовал Егор и протянул руку чтобы схватить водителя, но рука прошла сквозь него.

Водитель рассмеялся.

– Вон того видишь? – кивнул водитель головой назад. – Я ж говорю тебе, какой круг уж катается, а все никак не примет ситуацию. Мильоны мне свои предлагает. Да на кой мне его мильоны, у меня работа есть! Полный соцпакет! О как! Представляешь? В нашей-то глуши! Даже стоматолог бесплатно! Вот смотри, – водитель открыл рот и наклонился. – Сматы. Виишь, а? Коонки потаили. Ак настоащие.

Егор осторожно взялся за поручень. Поерзал на сиденье. Несколько раз ткнул пальцем в розовую коробочку на коленях, потом в сами колени. Все вокруг казалось настоящим. Он даже немного прикусил свой собственный замерзший язык. Затем дрожащим пальцем попытался ткнуть плечо водителя. Как и ожидалось палец проходил насквозь, как через приведение.

«И зачем призрак коронки?» – вдруг подумалось Егору Степановичу.

– Я те это к чему. Ты чем раньше с мыслями соберешься, тем проще тебе сойти будет. Это вещь такая – раз, и все. Как отрезал. Так вот, отрежь. Отпусти. Не хочешь забывать, так тут тебе никто не указ. Храни тепло в сердце, а дурные мысли отрежь, словно и не было их вовсе. А то будешь вон как этот.

Егор невольно посмотрел на бритого мужчину в дорогом костюме, читающего молитву. Как пить дать – мертвец.

– А эти откуда?! – удивился водитель и резко дал по тормозам.

Егор успел схватиться за поручень. Розовая коробочка с бирюзовой лентой выскользнула у него из рук и, несколько раз ударившись об пол, остановилась у самого входа в сорок первый автобус. Егор бросился к ней. Упал перед ней на колени и поднял дрожащими руками. Коробочка была испачкана и помята.

Двери с лязгом отворились. Не раздумывая, Егор бросился вперед, держа перед собой помятую коробочку.

– Да не твоя еще! Рано! – кричал водитель, но было уже поздно.

Егор, чувствуя спасенье, так же отчетливо, как морозное покалывание в пальцах ног, оттолкнулся от второй ступени и бросился в раскрытые двери, заполненные непроглядным туманом. Но вместо того, чтобы пролететь сквозь ту-

ман, у Егора Степановича случилось с ним лобовое столкновение. Ударившись о него как об стену, он больно упал на ступени сорок первого автобуса, нечаянно придавив рукой и без того помятую розовую коробочку.

На ступенях из тумана проступал черный силуэт. Егор Степанович в обнимку с коробочкой поспешил на свое место в последнем ряду сидений. В сорок первый поднялся мужчина в черном костюме с таким же черным галстуком, а за ним вошла женщина в джинсовой куртке с красным капюшоном. Они показали водителю какие-то корочки, о чем-то недолго переговорили и разместились салоне: мужчина сел на сиденье впереди, лицом к водителю, а девушка разлеглась на двух передних у выхода.

«Неужели тоже мертвецы?» – подумал Егор Степанович. И только тут до него начала доходить суть происходящего кошмара. Только теперь Егор Степанович понял, почему не может согреться в этом нереальном сорок первом автобусе. Почему рука проходит сквозь водителя. И почему часы на его руке остановились. На самом деле он остался там на остановке. Спит непробудным сном в обнимку с подарком, а в автобусе едет его душа.

Если бы только выбраться из автобуса, наверняка еще можно как-то найти свое тело и вернуться в него. Вернуться к Юле.

Водитель автобуса тихо переговаривался о чем-то с женщиной в черном костюме. Тот мельком оглядел Егора, а за-

тем начал пристально разглядывать бритоголового мужчину в дорогом костюме. От взгляда этого нового пассажира на душе сразу становилось не по себе. Нет. Эти двое не похожи на пассажиров. Неужто какие-то контролеры?

Мужчина в черном костюме встал. Перехватывая поручни с суровым взглядом, прошел в глубь салона.

– А я без билета! – по-ребячески признаваясь в содеянном, решил испытать удачу Егор Степанович. Вдруг высадят.

– Поздравляю, – безразлично ответил мужчина в черном костюме. – Я тоже.

Он опустился на сиденье рядом с вытянутым в струнку бритоголовым. Зеленоглазая девушка сбросила красный капюшон и с интересом наблюдала за происходящим. Грустные глаза водителя никак не отлипали от зеркала заднего вида. Сейчас что-то будет. Внутри у Егора Степановича все сжалось.

– Долго едешь? – осторожно спросил мужчина в черном у бритоголового.

Тот, перейдя на тон выше, затараторил еще громче:

– Да будет воля твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный дай нам на сей день...

– А-а, понятно. Верующий. Это хорошо. Это очень хорошо.

Бритоголовый мужчина в дорогом костюме внезапно замолчал и насторожился.

– Это значит, воздадут тебе по делам твоим. Так же у вас

говорят?

Егор Степанович не видел лица бритоголового, поэтому мог догадываться о том, что с ним происходит лишь по его спине. Сначала спина вовсе остановилась, словно он перестал дышать (если он, конечно, дышал). Затем плечи начали медленно подниматься и опускаться. Частота нарастала, и в какой-то момент мужчина в черном костюме, предвосхищая беду, отпрянул он бритоголового в пролет между рядья сидений. Бритоголовый мужчина в дорогом костюме взорвался.

– Отченашдасвятитьсяимятвоедаприбудетцарствиетвое...

– Тяжелый случай, – сказал мужчина в черном и, обернувшись к своей спутнице, через весь салон спросил: – Ты в бога веришь?

– Ну, не особо, – растерянно ответила девушка, пожимая плечами. – Но в целом, наверное, да.

– У меня с ними всегда тяжело было. А этого так совсем заклинило. Как шестеренки в часах. Тут даже Фрейд не поможет!

– Век живи – век учись, Иван Иваныч!

– Так он же не слышит ничегошеньки.

– Хм... – задумалась девушка, глядя в потолок. – А ты спроси: крещеный?

– Точно! Слышь, мужик! А ты крещеный?

Бритоголовый мужчина в дорогом костюме оцепенел, преврав свою беспощадную молитву. Бледное лицо медленно

повернулось к стоящему в проходе мужчине в черном. Резко вскочив, он схватил себя за ворот дорогушей сорочки и рванул его так, что пуговицы разлетелись по всему салону. На груди красовался огромный золотой крест, на котором висел распятый Иисус.

– Крещеный! – заголосил на весь сорок первый бритоголовый. – Ей-Богу, крещеный!

Водитель тут же тоскливо съехидничал:

– У-ра-а! Заговори-ил!

– Да я! – продолжал очнувшийся от долго забвения мужчина. – Да я! Я храмы строил!

– Ха! – воскликнул водитель, глядя в зеркало заднего вида. – Че, прям своими руками?!

– Я деньги давал! – возмутился оскорбленный мужчина, выпучив свои глаза настолько, что они, казалось, вот-вот выпрыгнут из глазниц.

– А что, – спросил мужчина в черном, – такое тоже считается?

– Конечно!

– Ну так, а чего ты тогда мимо своей едешь?

Бритоголовый моментально сделался подавленным и опустился на кресло, закрыв лицо руками. Затем он так по-православному, принимая свою нелегкую долю, взвыл:

– Жил несправедно!

– Абсолютник, – проконстатировала зеленоглазая.

Он отчаянно, по-детски заревел. Огромные капли пока-

тились из глаз. Мужчина в черном сел рядом с ним и попростому, по-братски приобняв, похлопал по плечу.

– Да это разве проблема. Ты что, думаешь, на небе одни праведники сидят? Да ты представляешь тогда, что внизу бы творилось? Хуже, чем в Зябликово. Да, тогда б земля у нас под ногами лопнула бы от грешников. Ты же и крещен у нас, и храмы помогал строить. Чего не выходишь из автобуса?

Бритоголовый вдруг собрался с волей, остановив слезы, стиснул зубы, выставил перед собой кулак и, словно вколачивая невидимые гвозди, прокорил себя:

– Неправильно я жил, неправильно!

– Правильно, неправильно – это уже другое дело. Это пусть кто за это отвечает, тот и разбирается. А ты свою голову не забивай. Она у тебя и так чего-то не очень работает. Ты скажи мне: чего ты так мучаешься? И тело свое не отпускаешь, и душу свою такими тяжелыми мыслями изводишь. Дорога – она... – Мужчина в черном посмотрел вдаль и вытянул руку, прокладывая путь для метафоры, но осекся, не зная, что сказать. Бритоголовый мужчина в дорогом костюме, с серьезным лицом глядя на его руку, заморожено ожидал продолжения.

– Дорога́ дорбга, – мечтательно подхватила зеленоглазая, – а конец все слаще. Все разные. Все особенные. У каждого своя. Миллионы-миллионов дорог. И все пути лишь дважды проходят через наш мир: рождение, – она добродушно заглянула в глаза бритоголовому, – и смерть.

Губы мужчины в дорогом костюме задрожали, а глаза намокли.

– Но я не прожил жизнь... не так как хотел... не так, как надо...

– Ну что ж теперь, – пожалала она плечами, – Так, не так – уже все.

– И что мне теперь... в ад?

– Да что с тобой будешь делать?! – вспыхнул мужчина в черном. – Чего сразу в ад-то?! Ты ведь понятия не имеешь, что там! – Он вытянул руку, указывая на елки за окнами автобуса. – А сидишь тут и трясешься, как ягненок при виде леса. Там, может, и нет никаких волков, а ты трясешься.

– Нет?

– Есть. Наверняка есть. Где же ты лес без волков видел? И что теперь, в лес не ходить? И ездить, и ездить в этом автобусе, пока он не развалится? Тело-то твое уже на пределе, наверное.

– Так и есть, – подтвердил водитель. – Уж который год весь исколотый в трубках лежит. И не дышит уж сам. Че ждет – непонятно. И родственники смирились, почти не приходят, а он все ездит да ездит по кругу.

– Простите. – Все оглянулись на Егора Степановича, поднявшего руку, как школьник для вопроса. Глядя прямо в глаза бритоголовому, он спросил: – У вас есть дети?

– У меня? – удивился тот. – Две дочки.

– У меня одна. Раз мы с вами оба пассажиры: я могу дать

совет?

Бритоголовый задумался, посмотрев в пол, а затем кивнул.

– Не мучайте их. – Егор смотрел на розовую коробочку. – Моя жена умирала три года. Это было самое тяжелое... – Глаза Егора быстро намокали, а слова с трудом подбирались. – Три самых невыносимых, невозможных года. А моя жена – Люба, ее звали Любовь – она все равно умерла. Она тогда сразу... поняла. Говорит: не надо, не хочу, не запомните меня так... такой... А мы... Я не знаю, как мы с дочерью... Все сделали. Распугали все вокруг. Бросили все. Как собаки вцепились в нее и затащили в эту яму! На природу! На воздух...

Егор Степанович вдруг рассмеялся, вытирая слезу.

– Любе здесь сразу не понравилось.

Сорок первый резко остановился. Всех тряхнуло. Водитель, как сапер, ожидающий, сработает ли бомба, в ожидании смотрел в зеркало заднего вида.

Бритоголовый мужчина в дорогом костюме решительно кивнул и встал.

– Моя! – смело объявил он на весь салон и двинулся к выходу.

Все – мужчина в черном, зеленоглазая, водитель автобуса и даже Егора Степанович – аплодировали его смелости и решительности. Двери автобуса с лязгом отворились, и узник по своей воле покинул с таким трудом собственномысленно

воздвигнутую им тюрьму.

В отличие от остановки, на которой сошла старушка, за окнами, сквозь туман, Егору Степановичу, к своему изумлению, удалось обнаружить горизонт. В просветах между белыми облаками, напоминающими скорее дым, а не туман, он увидел тянущуюся до бесконечности бесплодную степь, в которой явно не было ни одного волка.

Сорок первый двинулся дальше, а внутри у Егора Степановича была страшная тоска. В отличие от бритоголового, он ни капли не переживал о себе. Все мысли крутились вокруг последнего данного дочери обещания – маленькой помятой розовой коробочке, перетянутой бирюзовой ленточкой.

Ощущая, как холод сковывает его плечи и шею, он до боли зажмурился. Глаза, оказавшись под замершими веками, отозвались больными уколами. Его лицо и душу перекосило от скорби, но заплакать он не смог.

– Далеко едешь?

Егор открыл глаза. Сложив голову на руки, скрещенные на спинке сиденья перед ним, на него смотрела зеленоглазая девушка.

– Да не знаю, – грустно усмехнулся Егор. – Как приедем, посмотрим.

– А что в коробке?

Ком в горле Егора мешал говорить.

– Подарок. Для дочери. У нее сегодня день рождения.

– Ого. Не повезло же вам.

– Представляете? Уходя на работу, обещал вернуться с подарком, а теперь, получается, вообще не вернусь.

– Представляю. Очень даже.

Они молчали какое-то время. Затем девушка хлопнула себя по лбу.

– Вот дура! Я же помочь могу!

– Что? – Егор почему-то сразу проникся доверием. – Как?

– Да как-как, подарок твой передать!

– Правда?

– Конечно! Давай сюда! – зеленоглазая протянула руки. –

Ну чего ты? Давай.

Егор снова посмотрел на бесценную помятую коробочку.

– А не обманете?

– Да на кой черт ты мне сдался! Я же даже не знаю, что в коробке.

Егор Степанович нерешительно протянул подарок. Девушка схватила его и радостно подняла над головой как трофеем.

– А адрес! – вдруг спохватился Егор Степанович.

– Ха-ха! Обманули дурачка! – радостно заявила зеленоглазая. – Зачем мне адрес? Коробочка-то теперь моя!

Мужчина в черном костюме, наблюдающей за всеми событиями со своего места с перекрещенными на груди руками, закатил глаза и осуждающе покачал головой.

– Но как же? – промолвил недоумевающий Егор Степанович.

Девушка наклонилась к нему и заговорщически шепнула.
– Ни звука.

Затем она высунула свой язык, провела по нему большим пальцем, а затем этим же самым пальцем – по разбитой брови Егора Степановича.

Сначала рану на брови защипало, но постепенно легкое покалывание переросло в жгучую боль. Дышать сделалось труднее, а легкие словно подожгли изнутри. Шею и плечи начало ломить еще сильнее, будто на него взвалили неподъемную ношу. Руки и ноги невыносимо крутило. Замерзшая кожа правой руки почувствовала ритмичные удары. Повращав рукой, Егор Степанович поднес часы к уху. Идут!

– Эй, дядь! – возмутилась зеленоглазая, обращаясь к водителю. – Ты чего живых на своем автобусе катаешь?!

Грустные глаза на секунду мелькнули в зеркале заднего вида, а затем, в следующее же мгновение, до краев наполнились паникой.

– Что?! Как живых?!

– Не-по-ря-док! – строго отчеканил мужчина в черном, явно переигрывая.

– Кто живых?! Нет живых!

– Ну бывает. – Милостиво развела руками зеленоглазая, подмигнув Егору. – Замаялся, поди, да не доглядел. С кем не бывает.

– Да я три раза мимо проехал! Мертвее мертвого!

– Ты не переживай, я никому не скажу. А ты скажешь ко-

му? – спросила она, кивнув в сторону Егора Степановича.

Тот, не понимая, что происходит и глядя на розовую коблочку в руках зеленоглазой, молча помотал головой.

– Ну а ты, Иван Иванович? – спросила девушка у мужчины в черном. – Чего людям статистику портить, да? И так вот нас согласился подбросить! Давай сделаем исключение да прикроем глаза?

Водитель уставился на суровое лицо мужчины в черном костюме, ожидая его решения.

– А ну раз-во-рачивай свою колымагу!

– Есть разворачивать! – рапортовал водитель, бросив руль, переключая передачу правой рукой и почему-то отдавая честь левой.

– Да газу не жалеи! Чтоб без опозданий! Да строго по графику!

– Да, какжешь я?

– Без о-поз-даний я сказал!

– Есть без опозданий! – вытянулся водитель.

За пару минут до полуночи густой туман накрыл поселок, где последние три года проживал Егор Степанович со своей дочерью. Двигаясь к выходу из сорок первого, Егор задержался у зеленоглазой, собираясь ее поблагодарить, но, увидев указательный палец у ее губ, улыбнулся и, благодарно поклонившись, направился дальше. Стоя на ступенях автобуса, он обернулся на водителя, гусарские усы которого за последние несколько минут сильно поседели, затем на муж-

чину в черном костюме, который, казалось, никогда не испытывает каких-либо эмоций, и в конце снова посмотрел на зеленоглазую. Улыбаясь, она подняла ладонь и помахала ему одними лишь пальцами, облаченными в темно-красные кожаные перчатки из маленькой помятой розовой коробочки, перетянутой бирюзовой лентой.

Когда автобус с длинными черными цифрами «сорок один» на грязно-желтой табличке медленно скрылся за углом, рассекая морозный туман свечением оранжевых фар, Иван пересел к Веронике.

– Ну и зачем? – устало спросил он.

– Все ради этих милашек! – Она вытянула руки в своих новых красных перчатках. – Ты только посмотри на них!

– Надеюсь, ты не будешь теперь на постоянной основе решать, кому жить, а кому – умереть?

– Что, испугался?

Иван усмехнулся.

– Да, однажды у тебя получилось, но все равно, помогай хоть каждому встречному, тебе не догнать меня даже и за сто лет.

– Главное – не навреди!

– Я думал, главное – баланс?

– И баланс, и не навреди – они оба главные.

– Может, что-то еще?

Вероника вдруг сделалась серьезной и сникла.

– А еще главное, чтобы отец возвращался домой. Поздно

или вовремя. Обычный сегодня день или праздничный. С подарком он или без. С улыбкой на лице или без нее. Это неважно. Любовь все равно не спрячешь.

Роман Голотвин. «Тыквенный Джек»

Джеку всегда казалось, что он обычный. Совсем не особенный, как писали в книжках, которые он иногда читал, не герой и не индивидуальность. Обычный, как все. Один из многих. Ещё Джеку казалось, что его зовут Джек, хотя на самом деле его звали Саша, Санёк, Санчо наконец, Александром, Сашенькой. Собственно, Джеком его звала только Эмма. Вот кто мог поверить, что он именно Джек и что он необычный. Тонкий, даже утончённый, рассеянно смотрящий поверх голов юноша с потерянным взглядом и тёплыми влажными ладонями.

Эмма. На самом деле в миру она звалась Татьяна, но Джеку это имя не нравилось. Чудилось в нём что-то простое и скучное, как мертвая литература отечественных классиков. Эмма звучала совсем иначе. Глаза и веснушки у неё были совершенно нездешние, а маленькие и чуть оттопыренные уши просвечивали на солнце. Эмме подходило её новое, придуманное имя. Да и придумали они его вместе, когда случайно познакомились на очередной ролевой.

Такая путаница из имён Джеку нужна была, чтобы понять – вообще не важно, как зовут человека, если путь его вычерчен в пустоте несмываемыми чернилами. Это тётка Сашки-

на, Янина Генриховна, так говорила. Странная была женщина. С тех пор, как Саша от неё съехал, решив быть самостоятельным, она здорово сдала. Стала жить замкнуто, общалась со своими кошками и радиоприёмником, телевизор не выносила, газет не читала, но всё так же любила порассуждать о жизненном пути и, по некоторым признакам, сёрфила в интернете. Саше очень нравилась эта фраза про путь в пустоте и несмываемые чернила. Она вообще много рассказывала, и в какой-то момент уронила в плодородную почву своего племянника зерно, которое дало неожиданные всходы.

Отголоски того, о чём она вполголоса вещала под чай и честное слово никому не говорить, Саша потом где только не находил. И у Сартра, и у Камю, и даже у Фрая, которого недолюбливал за инфантильность. Тётка говорила об экзистенциальном рубеже. Саша это понимал как этакий перекрёсток миров, такое место, где из этого мира легко соскользнуть в другой, совсем чужой, и где вещи несут иную суть. В глубине души ему очень верилось в это, хотя он каждый раз зубоскалил и спорил, чем вводил тётку в смятение.

– Ты бесишь меня своей упёртостью, Сандро, – говорила Янина, – мне необязательно видеть Париж, чтобы знать о его существовании. Скажи на милость, что невозможного в «Двери в лето» Хайнлайна?

В этом месте Саша поднимал брови и собирался было пошутить про то, «где Хайнлайн и где Париж?», но не успевал.

– Человечество веками пишет о граничности мира и непо-

знаваемом за этими границами. В конце концов, откуда-то лезет в нашу реальность всякая нечисть и куда-то потом девается? А мы всё списываем на то, что не можем померить её линейкой, и поэтому не верим. Милый, будь добр, не клади сахар в чай хотя бы у меня на глазах, это осквернение напитка...

Саша навещал тётку примерно пару раз в месяц, что-то всегда приносил с собой. Как и она когда-то в детстве приносила гостинцы. Теперь он словно чувствовал ответственность. Они пили чай, вкусный, зелёный, китайский, который тётке привозил один из её учеников. Чай был «реальный», как говорила тётка, и выдерживал пятнадцать заварок. Это внушало уважение.

– Но что там, за этим рубежом? – Саша разливал очередную заварку. – Мы же хотим похожей логики, но иной морали. Будто нам в этой реальности тесно. Никто же не возвращался оттуда.

– Если и возвращался, то никому об этом не рассказывал. – Тётка цедила чай из маленькой пиалы и закрывала глаза от удовольствия. – Подозреваю, там что-то сильно отличное от нашего. Это тебе не мухоморов нажраться и по лесу скакать, не думай, пожалуйста, что я не читала этого вашего Пелевина. Не-е-ет, здесь что-то иное. Мне нравится, как Сартр об этом говорит. «Человек не поддается определению, потому что первоначально ничего собой не представляет. Человеком он становится лишь впоследствии, причем

таким человеком, каким он делает себя сам». Ну а как себя сделать? Уйти и вернуться кем-то другим.

Это было страшно притягательно – думать так о путешествии за этот рубеж. Не так, как у Френка Баума, когда пришла толпа по дороге из жёлтого кирпича и потребовала исполнения заветных желаний, нет, это было очень наивно. Но найти там силу и вернуться другим – было бы круто. Саша закрывал глаза, но воображение буксовало, лезли только картинки из аниме.

Болтать с тёткой Саша любил, жалел её и поэтому заболтался. Приходил, спорил, рассказывал новости, общался. Выносил мусор, уходя. Тётка была странная, и забота выходила тоже странная, что удивляться?

Таньке-Эмме это не очень нравилось. В этот раз Саша пообещал, что они наконец снова уедут на выходные поиграть, и опять сбил настрой, вспомнив про тётку. Эмме стоило большого труда отговорить его от очередного спонтанно-заботливого визита. Она вообще часто его отговаривала, ей казалось, что Джек располвинивается, распадается на двух людей, когда собирается к этой экзистенциальной чаеманке. Это было плохо осознаваемое ощущение. Эмма смотрела на Джека, суетливо набирающего тёткин номер, и вся эта пыльца иностранности, нездешности, отчаянности их собственного свободного мира с окраины Парижа 1961 года начинала осыпаться. Джек становился Сашей: с тонкими пальцами, золотушными плечами и горбатым носом, студен-

том, вечно голодным и кривящим нервные губы в постоянной полуулыбке. Саша ей не нравился, хотя она частенько видела его за уверенным обликом Джека.

Когда они занимались сексом, она закрывала глаза, слышала его дыхание, чувствовала его влажные руки на своих бёдрах, но видела в своём воображении именно Джека, аристократичного высокомерного байстриюка, выгнанного благородными родителями из дома и лишённого наследства и средств к существованию. Джек был сзади, ускорялся, пытаюсь поймать убегающего внутрь нее белого кролика. В этот момент её накрывало мокрое и лиловое ощущение распускающегося цветка. Цветок распускался и тут же скручивался в сладко-тянущий узел. Рассмотреть что там дальше не получалось, потому что Джек отваливался, роняя капли на её икры и лодыжки, и когда она падала сама, то видела краем глаза только Сашу.

Вот и сейчас именно Сашенька суетливо натягивал джинсы и одновременно тыкал что-то в мобильнике. То есть совсем не забыл о своём намерении «не навещать» и даже торопился скорее закрепить его вроде бы необязательным звонком. Ему казалось, так правильнее, если он звонит тётке вроде бы случайно и как бы случайно заходит в гости.

Таня смотрела на него и чувствовала досаду и обиду тем местом, которое обычно чувствует другие вещи. Это было странно, но в этот момент она могла бы поклясться, что обижена на Джека именно та «она», всё ещё чуть зудящая и кра-

сиво вывернутая плоть между ног. Карман, так и не сумевший удержать торопливо вынутую руку. Вот как она ощущала себя в эту минуту. Её красоту предали, променяли на призрачный долг. Ещё она ощущала тепло на кисти руки от случайного солнечного зайца на покрывале и сквозняк из окна внешней стороной голого бедра.

Оставшись одна, она собиралась неспешно и рассеянно. Что взять – не особо выбирала, поездка – игра, сборы – тоже игра. Положила в рюкзак недочитанного Мисиму, скомкала ветровку. Словно проснувшись, вздрогнула и пошла на кухню делать бутерброды. Резала варёную колбасу и представляла поездку как путешествие, откуда она вернётся другой. Эта боязнь перемен томила её, мелькала то в оранжевой полоске отражённого зеркалом солнца на полу, то в пойманной краем уха мелодии из приёмника, то в отблеске ножа, разрезающего колбасную упругую плоть. Воздуха не хватало, хотелось дышать глубоко, и она задумчиво мастерила из хлеба и колбасы этажерки и дышала. Потом плотно завернула все небоскрёбики в бумагу, уложила в рюкзак сверху и побрела в душ.

Вода сбила сонный настрой. Страх, едва отражающийся в зеркале, пропал. А когда она, роняя капли на разохшийся паркет и оставляя на нём тёмные маленькие следы, прошла на балкон, угроза стать другой даже не ощущалась на краю сознания. Ветер охлаждал мокрые ноги, забирался под полотенце и словно нашёптывал что-то неразборчиво.

Сзади хлопнула входная дверь. Сквозняк приподнял край неплотно завязанного полотенца, погладил её поджавшийся живот и сбежал.

Джек, а это уже точно был Джек, крикнул из комнаты:

– Погнали, по дороге высохнешь.

И они погнали. И были наспех натянутые джинсы, и дурацкий смех, и мокрые короткие волосы, и даже необязательный трёп быстро смешался сначала с духотой автобуса, а потом с грязным шумом вокзала. Игра началась, и Эмма была благодарна ей за эту необязательность, спонтанность и отсутствие цели.

Рамка металлофиксатора мигала красным огоньком неисправности, охранник болтал с подружкой в такой же черной форме, и они быстро пробежали в зал ожидания. Каждому хотелось быть первым.

– Пять! – крикнула она, подбегая к табло.

– Семь, – Джек догнал её сразу и, запыхавшись, встал сзади, дыша в затылок. Ему часто хотелось, чтобы от дыхания её волосы приподнимались и танцевали, но она коротко стриглась и лишь проводила ладонью, когда он так дышал. Давала понять, что ей нравится и она это чувствует.

Они отсчитали двенадцать строчек вниз, и Эмма радостно выдохнула. Название станции ей понравилось. Она отдала рюкзак Джеку и помчалась покупать билеты. В общем-то в этом и был смысл. Неподдельность, никаких планов, только слепой случай. И дальше, дальше, чувствуя, как пульси-

рующая нить судьбы тащит их тела и души неизвестно куда. Эмме это виделось хаосом, но Саша знал, куда хочет. Вернее, надеялся, что знает. Мечтал, что однажды сработает и это произойдёт. «На границу миров не приехать по билету. Прямой путь не самый короткий. Смотри краем глаза, лови знаки, меняй планы. Случайный выбор может стать нужным. Только не собираясь в путь, можно начать двигаться». Фраза, запомненная в каком-то из их с тёткой споров, звучала офигенно. Наравне с той, про несмыслимые чернила.

А ещё было совершенно не важно, как они будут возвращаться.

«Тот, кто бережёт силы на обратный путь, никогда не вырвется за грань», – повторяла Эмма цитату из какого-то фильма. Джеку нравилась эта её надрывность, готовность к поступку и то, с каким безусловным самоотречением она делала что-то для него. Просто брала и делала. Не подстраивалась, не пыталась угодить. Никто и никогда не делал для него такого раньше, и это рождало где-то внутри горячую и до дрожи пробивающую благодарность.

Сейчас Саша нелепо топтался в центре зала и виделся себе чужим и дурацким даже в этой суеде приезжающих и уезжающих людей. В желудке тлела тёткина шарлотка, залитая чаем, в голове звенело слово «Цугцванг», услышанное в каком-то подкасте. Как удар алебардой в щит, лязгающе-безнадёжное. Цуг-цванг! Рюкзак Эммы был легким, она явно следовала своей идее «не беречь силы на обратный путь», и

он с неудовольствием поправил на плече свой рюкзак. Тот был явно тяжелее, и Саша не вдруг вспомнил, что не выложил зеркалку, пустой металлический термос и два ролевых пистолета-муляжа.

«Да ну и черт с ними, – подумал он, – сделаю пару смешных фоток на натуре. Но хорош бы я был сейчас». Он запоздало представил, как охранники на входе сначала изумленно пялятся в экран этого своего просвечивающего аппарата, а потом ставят его к стенке и обыскивают, вызывая поспешно наряд из ближайшего ЛОВД. «То-то шуму было бы, – продолжал весело думать он, увлекаемый Эммой на платформу, – террорист-ролевик! Да не тащи ты меня...»

Старая электричка пахла как обычно, грязью, чуть-чуть дымом и креозотом. Джеку не хотелось прикасаться здесь ни к чему, но Саша был более покладист. Стараясь не глубоко дышать, он плёлся за Эммой по вагонам, ловя съезжающиеся со скоростью гильотины двери, и постепенно перестал морщиться. Пистолеты давили в спину в рюкзаке.

Тяжёлые, максимально похожие на настоящие. Они и были почти настоящими. Заботливо отлитыми, выточенными, отшкуренными, собранными из частей и смотрящими в руке невероятно реалистично. Да, не было затворных рам, была только видимость. Но оучш-ш-ш-ш, как это круто смотрелось!

Эмма, оказывается, отсчитывала сначала пятый вагон, потом седьмую лавку, которая не была занята, потом упала на

неё, задрав длинные ноги на скамейку напротив. Никто не возразил. Вагон оказался почти пустой. Громыхал на стыках, потряхивал и раскачивался. В белёсом свете из окон он казался скорлупой, пустотелым раздутым плодом с высохшими семенами, перекатывающимися внутри. Семенами, одним из которых чувствовал себя Джек. Тыквенный Джек, семечко в высохшей тыкве...

Сашин билет, который Эмма сразу вручила ему, оказался счастливым. 717717. Тётка научила определять это ещё когда он был маленьким и ездил с ней в сад. Показывала, как сложить цифры, какие варианты бывают и как вычислить счастливый билет даже тогда, когда цифры все разные. Заметить, так сказать, счастье даже тогда, когда его не видно на первый взгляд. Уловить на границе зрения.

Глядя в окно электрички и чувствуя ухом щекотные волоски Эммы, по-хозяйски устроившейся на его плече, Саша думал о том, что ехать можно бесконечно. В идеале под какой-нибудь хороший трек в ушах, чтобы мелькали эти деревья, перелески, одинокие избушки, словно солдаты на расстрел из строя, шагавшие вперед, как только лес расступался. Бесконечность не плескала болью в зрачки, притягивала взгляд, словно холодила его... Он всегда замирал, когда сталкивался с волнующим простором. В этих слоистых туманах, бахrome кустов, проколотой телеграфными столбами и в мелькающих осколках неба озерах Саше чудилось время, запертое на огромной виниловой пластинке. И он все-

гда радовался, что можно иногда эту пластинку достать из-за шкафа, вытянуть из дырявого чехла, держа аккуратно четырьмя пальцами за края, поставить на диск и опустить иглу, готовясь услышать сначала шорох, а потом...

Что было не так с миром? Саша не знал. Не то чтобы чувствовал себя чужим, скорее – нежеланным. И это было не странно, тётка однажды проговорила, что родители сдали его когда-то в интернат, но ведь забрали потом и по-своему любили. Правда, не так, как он хотел, но он не винил их. Родители оказались такие же как все. Мир вообще кололся и отталкивал, и стоило большого труда к нему притереться. Помогала, как ни странно, тётка. Он долго размышлял – что его к ней тянуло? А потом не вдруг понял, что выходил от неё словно примирившись со всеми иголками и шероховатостями мира. Наждачка слов, взглядов однокурсников, родителей словно не действовала какое-то время. Потом кожа снова начинала словно болеть, и его брезгливый и казавшийся Эмме высокомерным взгляд был как раз из-за этой неявной, тянущей, саднящей боли. Проклятый мир, с которым опять нужно было мириться, выстраивать натужные связи, снова наращивать новую толстую оранжевую кожу. Почему «оранжевую»? Боль всегда была красного цвета, удовольствие золотого, тётка была подсвечена зелёным. Эмма была тёпло-персикового цвета с золотистыми крапинками. Мир в основном был серым, иногда чёрным или синим. И только кожу, толстую защитную кожу он представлял

оранжевой, плотной, способной выдержать прямое попадание фугасного снаряда.

Эмма никогда не жалела его, хоть и видела в нём слишком много для долговязого студента. Весь его спрятанный в глазах трагизм, внутренняя боль и ощеренность на мир не сильно интересовали её. Экзистенциальные поиски тоже были на любителя. Такого было полно в парнях и посимпатичней, но с ним она словно просыпалась, какая-то острота жизни, стальная и опасная, словно чуть прикасалась к её шее и становилось так хорошо, так невыносимо остро-болезненно, когда удовольствие и боль сплетались в клубок и отделить их было нельзя. Уходя от него, она словно засыпала снова. Бодрствовать было приятнее. Ну и потом была игра.

Игра в спонтанность появилась до неё, но ей понравилась. Она пропускала мимо ушей Сашины рассуждения о поисках нового себя. Но иллюзия свободы затапливала всё. Попытка бегства из реальности, которую раз за разом с настырностью идиота Джек пытался выполнить несмотря ни на что. «Почему?» – допытывалась она неоднократно. Наугад выбирать день, автобус, поезд, станцию и уходить, убежать, убраться из города так, словно никто и нигде не ждёт. Наступать на дорогу из жёлтого кирпича, которая сама выстилается прямо у тебя из под ног. «Однажды ты поймёшь, – говорил он. – Хочу найти место, где этот мир кончится и начнётся другой». Ей страшно нравилось. Как отказаться от нити судьбы, ведущей прихотливо и внезапно? Она воспринимала это как

вызов. Придумать свой мир самим, насмотревшись Годара и Трюффо, вплести его в провода и асфальт, подложив незаметной тыковкой в кучу огурцов, капусты и моркови.

Двери вагона лязгнули, отрезая кого-то от тамбура. Шаткие шаги, шорох, шевеление сзади и катящийся на метр впереди смрадный дух хлестнули по обонянию. Саша вздрогнул, но напротив уже упал на сиденье, хрипло дыша и едва не задев ноги задремавшей Эммы, старик с белёсыми бровями. Они бросались в глаза, так что сначала Саша не успел ничего рассмотреть толком, ни рваную одежду из лоскутов, едва держащихся друг за друга, ни женских сапог с разорванными голенищами... Только жуткие пороссячи белёсые брови на красном обветренном лице и запах тухлятины, заполнивший пространство.

– Едешь? – старик осклабился, демонстрируя пару гнилых клыков, и потёр обросшую седой щетиной щёку. Тут же начал чесаться, и делал это с таким остервенением, что даже забыл, что рядом кто-то есть. Внезапно замер и снова посмотрел на Сашу ясными, почти голубыми глазами. – Не смотри на одежду, то не моя. Хорошо, что едешь. Надо ехать. Давно надо.

Дальше он забормотал что-то неразборчиво. Будто молитву какую-то скороговоркой читал, но молитва и божество сочтались в голове у Саши плохо, зато старик бормотал, закатывая глаза, прищёпывал, помогая себе подёргивающимися руками.

Саша уже оглядывался в поисках другого места, куда можно отступить, когда старик вдруг замер, краем глаза искоса глянул на Джека и опять криво заулыбался.

– Девочку красивую взял, кожа белая, башка тёмная... Молодец, Джеки-бой, польза будет, вреда не будет... руку подержит, быстро всё забудет... – он снова забормотал, расфокусировав взгляд и помахивая рукой возле виска, словно показывал, что у него не все дома, или передавал привет кому-то под потолком вагона.

С разгона электричка влетела на мост, стыки загрохотали сильнее, замелькали железные фермы в лишаях ржавчины, смазываясь в чёрно-рыжие лохмотья за стеклом. Старик покачнулся и стал крошиться, словно глиняный. В пустое и тёмное его нутро, поднимая пыль, повалились осколки головы, всё трескалось и разлеталось кусочками, рассыпалось по лавке и на пол, стекало грязно-рыжим песком. В этот момент вздрогнула и проснулась Эмма. Непонятно, что она успела увидеть, но Саша расширенными глазами смотрел на отлетевший в угол скамьи кусок лица с белёсой бровью и моргающим голубым глазом. Глаз моргнул ещё раз, мост кончился, и свет снова затопил овощную бежевую внутренность вагона. Ни песка, ни рваного тряпья, ничего, кроме запаха, плавающего волнами, тошнотворными спазмами привидевшегося морока.

– Ну и вонь, – потянула Эмма носом, оглядывая вагон. – Кто тут нам так помог?

– Нет никого, – прошептал Саша и прочистив горло, повторил: – Нет никого, говорю, нанесло с реки.

В этот момент он и сам уже сомневался, видел ли что-то или ему померещилось, когда задремал. Реальность проступала пятнами, и хотелось зажмурить глаза, дожидаться, когда резь и мелькание утихнут.

Эмма уже вскочила, рывком приоткрыла верхнюю створку окна, и прохладный и влажный воздух наотмашь хлестнул по лицу. «Давай, – блаженно подумал Саша, прикрывая глаза и чувствуя, как гниль и вонь отступают, уносятся и сквозняк забирается за шиворот, леденит шею. – Забери этот бред».

Но бред не забрался совсем, а как-то незаметно распределился по почти пустому салону вагона электрички. Запутался в наушниках Эммы, осел на окне грязными потёками, которых раньше Саша не замечал, застрял в подозрительных взглядах попутчиков. Женщина в соседнем ряду что-то шептала дочери на ухо, а девочка ёрзала и иногда взглядывала на Джека и Эмму. Небритый садовод в кепке, который угрюмо покачивался через три сиденья от них, опираясь на черенок то ли грабель, то ли лопаты, то ли вообще косы, был мрачен и смотрел недобро.

«Было бы прикольно, – лениво думал Саша, – если бы он встал, коса сверкнула бы, раскладываясь, как в аниме, и крылья за спиной порвали застиранную штормовку...».

И всё же тревогу постепенно выдуло, и он задремал на неудобном сиденье, стараясь не потревожить прижавшуюся

сбоку Таню. От неё плечу было тепло, и липкий сон склеил ресницы быстро. Колёса постукивали где-то далеко, а Саша уже летел над полем, раскинув руки и почему-то чувствуя, что не может их ни опустить, ни прижать к телу.

Проснулся он, когда Эмма завозилась, и начала его тормошить. Они чуть не прозевали свою станцию, а когда вывалились на перрон, заспанные, мало что понимающие, то не сразу поняли, что вышли одни. В этот момент Саша сразу проснулся окончательно и насторожился. Электричка резво унеслась дальше, и сразу подступила звенящая цикадами жара и тишина, будто и не было рядом рельсов, гранитной щебёнки, убогой коробки станции, обшитой «для красоты» вагонкой, но не ставшей от этого красивее. Пахло травой, старыми досками (скорее всего, вот этими, щелястыми, составлявшими условную платформу), немного шпалами, как в метро, и самую малость тухлятиной. Рыбкой мелькнула мысль, что это бредовое видение из вагона опять цепляется за него своими рассыпающимися в прах руками, но в следующую секунду Саша увидел мёртвую и наполовину съеденную кем-то собаку под кустом у столба ЛЭП и, поймав за руку Эмму, поспешно потащил её к станции и видневшимся за ней серым постройкам.

С чего он взял, что это случится? Каждый раз сталкиваясь нос к носу с реальностью, Саша забывал, что он Джек, и чувствовал слабость и желание убежать и не искать никакого экзистенциального рубежа. Наверное, и ролевые писто-

леты-муляжи он сделал только для того, чтобы хоть немного чувствовать себя увереннее. Прочитал в книжке, что оружие одним своим наличием делает мужчину сильнее и увереннее в себе, и помчался искать чертежи. Книжка не наврала. Когда он брался за тяжёлые рукоятки своих муляжей, сила и смелость словно вливались в грудь через руки, заполняли ребра тяжёлыми холодящими волнами. Даже сейчас он чувствовал их тяжесть в рюкзаке, и это добавляло уверенности, что в этой игре он выиграет, а в другом мире не пропадёт. Если, конечно, сможет найти туда дорогу.

Сразу за станцией, словно со старой фотографии, придвинулся поселок. Будто когда-то крутанулся на пятке асфальтированной в прошлом веке стоянки, оттолкнулся от железнодорожной кассы и упал, рассыпав по сторонам домики, домишки и сараи. Время прокатало через него единственную улицу и засадило зеленью, которую некому было контролировать, а потом и замерло, словно поняв всю тщетность своих усилий.

Пuls жизни иногда оживал и, как весенние ручьи, захватывал какие-то отдельные участки. Как лишайники на разросшемся стволе поселка, проступали сквозь вечное какие-то современные штуки. Афиши, объявления о ремонте бытовой техники, спутниковая тарелка на кирпичном домике почты, да и сама вывеска «Почта России» была новой, ещё не успевшей полинять или выгореть под солнцем. Облупившаяся краска на телефонной будке и новые мусорные

контейнеры, выглядывающие из разросшегося боярышника. Село без полей, деревня, прикинувшаяся посёлком, потому что это престижнее и звучит иначе.

Джек с Эммой шли по этой главной и явно единственной улице, оглядываясь. На мистику пока не тянуло, но не было ни одного человека, ни даже кошки или захудалой вороны. Шорохи и ветер в пустом пространстве над потрескавшимся асфальтом, пыльные деревья и тишина. Даже цикады остались в траве у станции.

«Разве не класс?» – спросил Джек взглядом, и Эмма восхищённо кивнула. Это не было похоже на Францию, но разве до Франции, когда ты в посёлке без времени и жителей? Эмма чувствовала, как мурашки поползли вверх по рукам и все волоски напряжённо приподнялись над кожей, наэлектризованные предчувствием. Хотелось вдохнуть, но воздух, твёрдый и угловатый, не хотел лезть в круглое отверстие рта. Она раскрыла рот шире, пытаясь закричать или хоть как-то впихнуть туда вздох, и тут всё кончилось.

Словно лопнул пузырь, и звуки хлынули со всех сторон. Шаги, голоса, какая-то музыка, стуки. Издалека ветер принёс звук мотора. Посёлок был самым обычным, и даже Пазик, и в самом деле выруливший откуда-то сбоку через пару минут, оказался рейсовым.

– Нам на него, – сказал Саша, растроенно провожая его взглядом, – только рано он что-то...

– Успеете, – хрипло сказал кто-то сзади и высморкался.

Джек и Эмма обернулись, и у Джека чуть ослабли коленки. На большом облупленном крыльце сидели странные типы. То ли колымщики после утренней смены, то ли бомжи после попойки. Заплывшие лица, бороды и белоснежные коробки с кефиром в коричневых пальцах. Рваные кеды и засаленные штаны. Джек вспомнил словечко «пария» которым называли Гекльберри Финна, но не знал, как оно пишется во множественном числе. А их было неожиданно много, человек восемь или десять, и тот, что говорил, сидел на перилах в самом центре компании. Был он в немыслимых шортах, кудлатый и несуразный, и в то же время чем-то опасный, словно бродячий пёс. Болтал худыми, волосатыми и до коричневызны загорелыми ногами и смотрел внимательно. Неопрятная борода не скрывала проходящего от виска по скуле к подбородку шрама, стянувшего кожу и сделавшего выражение лица недовольным и угрожающим. Выше голов справа от двери алела большая табличка «Краеведческий музей. Министерство культуры...»

– Почему успеем? – спросил Саша.

– Потому что он у железки сейчас встанет и обедать пойдёт, – мужик сделал рваной кроссовкой непонятное движение и неприятно посмотрел на Эмму, – и поедет только в три.

В музее было тихо и пахло пылью и бумагой. Саша пошёл по комнатам, не читая надписей и просто разглядывая фотографии, которые в большинстве и составляли экспозицию музея. Первопоселенцы смотрели с пересвеченных коричне-

ватых снимков белёсыми глазами. Странные причёски, бороды, сарафаны были словно саваны, да и лица, как говорила Сашина тётка, «краше в гроб кладут», – тоже не внушали оптимизма. «И этот, лицо со шрамом, – думал Саша, – тоже мне предводитель команчей. Заправляет здесь всем, что ли?»

Впрочем, всё это прекрасно ложилось в игру: и пришившийся старик в электричке, и эти жутковатые типы на крыльце, от которых волосы вставали дыбом на шее и продергивало холодом по спине. «Рубеж?» – думал Саша опасно. От всего этого была страшноватая пустота в груди, острие жизни ходило где-то рядом, едва не царапая кожу, и это чувство было потрясающим. Страх, смешанный с ожиданием непонятно чего и перевязанный ленточкой почти животного удовольствия. В отдельные такие моменты Саша чувствовал тесноту в джинсах, и то, что это не было связано с Таней, его немного беспокоило.

– Джеки-бой, смотри, что здесь! – голос Эммы прозвучал будто издалека, и Джек пошёл искать её в одинаковых коридорах музея и нашёл не сразу. Она стояла в углу одной из комнат с фотографиями по стенам и, наклонив голову, разглядывала что-то на одной из них.

– Н-ну что тут ещё? Граф Дракула Мценского уезда?

Эмма досадливо поморщилась, не оборачиваясь и не отрывая взгляда от фотки. На ней поле простиралось куда-то в недодержанную бежевую даль отпечатка, и прямо в коло-

снях стояли пугала. Были они жутковатые и совсем не похожие на то, что она видела в детских книжках или в деревне у бабки. Не горшки и рубахи, надетые на скрещенные колья, а вполне себе похожие на людей. Головы только странные. Тыквы – не наша культура. В голове промелькнуло всё, что она помнила про хэллоуины и самайны, но это явно было что-то другое. Пересвеченный коричневый снимок был тем не менее очень детальным, она разглядела даже дырки-глаза, грубо вырезанные на непривычной вытянутой тыквине. «Найти бы его, – скользнула мысль с оттенком сожаления. Скорее всего, фотографии лет сто и нет уж давно никакого поля. Вот где побродить да пофоткаться».

– Чего тебе? – сказала, наконец, Эмма, когда почувствовала, что Джек стоит за спиной, не уходит и словно мешает ей одним своим присутствием.

– Звала же... – сказал Саша.

– Ещё чего! И не думала. – Она резко обернулась, чтобы сказать что-то дерзкое или как-то пошутить, и увидела, что Джек уже не слышит её.

– Кооперативъ «Свободный труд» тысяча девятьсот двадцать третий год, – прочитал он, озадаченно глядя выше её головы. – Смотри, как на этого со шрамом похож! Ну, который на улице... Только шрам с другой стороны.

Бородатые крестьяне на снимке омертвело пялились в никуда. Было их здесь (Эмма пересчитала) двенадцать человек. Кто-то сидел, кто-то стоял, и у всех лица были суровые, слов-

но с похмелья.

– Негатив же, всё правильно, – беззаботно сказала Эмма, – а мужик, скорее всего, тот самый, пьёт кровь деревенских девственниц и живёт третью сотню лет. Когда то его пытались убить испуганные крестьяне, но только распахали лицо. Теперь он хозяин здешних мест, и я, хоть и не девственница, но чувствую, что нам бы с тобой как-то надо свалить отсюда незаметно. Пока он не натравил на нас своих приспешников!

Сказано это было со всей серьёзностью, но на последних словах Эмма слажала и чуть не засмеялась. И Саша, всё ещё оторопело вглядывающийся в бородатое лицо и стягивающий щёку шрам, почувствовал, что очередное прохладное лезвие снова прошло недалеко от горла, но не задело. «А вот попадёшь ты на эту свою границу, и что делать будешь?» – спросил себя он. Адреналин выплеснулся в кровь, но Джек увидел, что Эмма уже давится смехом, и с облегчением засмеялся сам, и она обняла его, прижалась мягкой грудью. Они стояли, истерично давясь смехом и обнимаясь посреди комнаты с фотографиями.

На улице уже никого не было, на облупленном крыльце музея осталась стоять одинокая белая коробка из-под кефира. Саша задержался на секунду, спихнул её ногой в урну, которая стояла точно внизу, и, облегченно вздохнув, побежал догонять Эмму, которая уже вышагивала по тротуару в сторону станции. «Тонкие щиколотки, – внезапно понял он, разглядывая её сзади, – какие тонкие у неё щиколотки!».

Она шла легко и была в этот момент ровно такой, какую он и хотел бы видеть возле себя. Странные мысли, если учесть, что до этого дня Саша вообще не рассматривал Эмму как кого-то большего, чем просто девочка рядом. Что такое любовь, он представлял плохо. Иногда думал, что любовь – это когда умираешь за кого-то. Умирать ему не очень хотелось, и тогда любовь представлялась мрачным самопожертвовани-ем. Он отодвигал от себя такие мысли. Убегал от них, как и от Эммы, когда она пыталась задержать его всеми возмож-ными способами. Он задерживался, позволял ей то, что она хотела, иногда это было очень-очень приятно, и тогда Джек включался и мелькала мысль, что это тоже, наверное, лю-бовь.

Эмма обернулась, увидела, что он смотрит, и играючи по-вилаяла задницей. Саша рванулся вперед, она взвизгнула и помчалась со всех ног, и так они и прибежали к парковке перед станцией, где наискосок, вальяжно стоял Пазик с обо-дранным боком. Водителя не было, двери оказались откры-ты, в салоне пахло дизелем и пылью и было жарко.

Эмме пока всё нравилось. Игра в этот раз вышла сумбур-ная, но пока что веселая. Она забралась в автобус, достала из рюкзака бутерброды, помахала рукой Джеку, чтобы он при-соединился, и принялась жевать и смотреть в окно. Местечко здесь было таинственное и явно непростое, будило какие-то желания, которые заставляли глубоко дышать и чувствовать край бездны. «Какой бездны? – сказала Эмма сама себе ещё

в музее. – Разве ты не эту бездну всю жизнь искала, чтобы сесть на край и ноги свесить? Чтобы дыхание сбивалось при взгляде вниз? Чтобы было ожидание, что сейчас оттуда высунется что-то и утащит?» Сейчас, глядя на пустую улицу через пыльное стекло, она думала про бездну иначе, приземлённее. Страх остался, но еле чувствовался в кончиках пальцев. Ещё и взгляд Джека через дверь (он остался стоять на улице и теперь смотрел на неё и думал о чем-то своём) заставил выпрямить спину. Она проглотила всё, что жевала, и облизала губы. Джек засмеялся и отвернулся.

По внезапно возникшему плану поселок этот был не конечной остановкой, а только промежуточной. Дальше надо ехать на автобусе в неизвестный населенный пункт, пятый по счету, там переночевать и на следующий день попробовать неспешно добраться назад. То, что это может быть глухая деревня – Эмму не волновало. «Дальше, ещё дальше, – билось в голове молоточками, когда она думала об игре, – ещё непонятнее и случайнее! Если чернила и правда несмываемые, то путь будет четким!». О доме Эмма не думала, о родителях, оставшихся где-то в Сибири, тоже. «Дом там, где хорошо, – однажды сказала она Джеку, – сейчас мне хорошо здесь». Он покивал, и они больше не говорили о её семье. Она снова покосилась на Джека и взяла ещё один бутерброд. Хотелось есть и секса.

Открылась водительская дверь, и в кабину запрыгнул мужичок, небритый и в клетчатой рубашке с закатанными ру-

кавами. Застиранные джинсы с рваными коленками Эмма разглядела в большом салонном зеркале. Заглянул в салон.

– Ты одна, красавица, со мной поедешь?

Она заулыбалась и, поспешно проглатывая колбасу, сказала:

– Кавалер у меня есть. Вон снаружи ждёт.

Дядька покосился через дверь на Сашу.

– Сухой и не наваристый, – поскреб он подбородок, – зови давай кавалера да поедем.

– А чего, не будет больше никого? – удивилась Эмма и помахала Саше, чтобы заходил.

– Ну раз нет, значит, не будет, – засмеялся водитель и завёл двигатель. – вам куда?

– Пятая остановка, – сказал за Эмму Саша, останавливаясь возле кабины.

– Пятая? Эт какая выходит?

– Ну посмотрите по маршруту...

Мужичок пересчитал в уме, загибая при этом пальцы.

– Пятое будет Фильцово, но там остановка по требованию. До деревни топать придётся километра три. Точно туда вам надо? Жилых там три с половиной избы да сарай...

– Нормально, – покивал Саша, – сколько с нас за два билета?

– Ну давай сто рублёв, всё равно в тот конец еду, Обрат-но-то уж завтра.

Саша достал сторублёвку и положил на одеяло, которым

был прикрыт моторный отсек рядом с водилой и на котором лежала касса с мелочью и связка билетов. Притопал к Эмме. Та уже сидела, уткнувшись в своего Мисиму, волосы светились в солнечном луче из окна. Автобус вырулил на главную улицу и, взрывая, начал набирать скорость.

Пока Джек ел, она молчала и только косилась иногда из-за книжки. Лес мелькал за окнами, солнце опускалось. То ли от тряски, то ли от чтения ей захотелось ещё сильнее. Горячая рука Эммы легла Джеку на ширинку. Он поморщился, но не убрал. Девочка любила удивлять, и ему нравилось это. Сквозняк гулял по салону, Пазик трясся и подпрыгивал. Эмма расстегнула его джинсы и выпустила на волю свой любимый джойстик управления, как говорила она пару раз раньше. «Неужели управления? – спросил он тогда». «Ага, ты такой сразу послушный становишься...» Подтянула к подбородку ноги и быстро и ловко стянула джинсы. Сдвинула в сторону тонкую полоску трусиков и уселась на него, повернувшись спиной к водителю и дороге. Наделась. Саша сразу вспотел, хотя и вначале понимал, к чему всё идёт. Панически глянул в салонное зеркало. Водитель что-то напевал и крутил рулём. Эмма оперлась о спинку сиденья и задвигалась. Было горячо и тянуще, Джек сжимал её бёдра, танцующие не в такт всему автобусу и мысленно благодарил её за то, что она всё сделала сама. Он бы не смог попросить. Смотрел, как бьётся под рубашкой её грудь и чувствовал, что вот-вот...

Водитель врезал по тормозам так резко, что не держи

Джек Эмму за задницу, лететь бы им через весь салон вперёд. Эмма вывернулась, плюхнулась на сиденье рядом и зашарила в поисках джинсов. Шли какие-то секунды, когда водитель заорал куда-то, видимо, в окно:

– Да вы охерели, что ли? А ну проваливайте!

Саша застёгивал джинсы трясущимися руками. Эмма, сверкнув белой задницей, влезла в свои денимы едва ли не быстрее, чем снимала. Взвизгнула, когда по стеклу прямо на уровне её лица хлопнула пятерня снаружи. Забухали удары в двери. Саша видел, что поперёк дороги стоят несколько человек, кто-то ломится в двери, остальные колотят по стеклам. Перед лобовым мелькнуло бородатое лицо со шрамом, и пустота внутри сделала скачок и расширилась до размера лёгких. По автобусу колотили со всех сторон.

– Я не понимаю, Джеки, что это?

– Отойди, сука, отойди говорю... – водитель дрался с кем-то, кто пытался вытащить его из кабины. Дверь, в которую ломились, начала отходить, в несколько рук её отжимали, рывками, медленно, но верно. Джек бросил рюкзак Эмме и бросился к потолочному люку. Сколько раз он видел эту дурацкую надпись «Запасный выход» и каждый раз думал: «А кто-то хоть раз открывал его вот так, чтобы надо было быстро?» Сейчас времени почти не было, он дёрнул какие-то рычаги, которые сразу отвалились, схватился за трубу длинной ручки и со всей силы толкнул её вверх. Наверное, люк ни разу не открывали. Хрустнуло, и посыпалось что-то в гла-

за, крышка, сорванная со ржавых креплений, откинулась на крышу. В дверях заорали. Джек подставил сцепленные руки и посадил Эмму. Она ловко выбралась наверх, втащила рюкзаки и протянула ему руку. Он встал на сиденье, схватился за край дыры в крыше и каким-то немислимым рывком подтянулся.

Отжав дверь, давешние бомжеватые бородачи ворвались в салон, полезли и через кабину, выкинув водителя, и через заднюю дверь. Саша стоял на крышке второго люка, прижав рюкзак к груди, за ним Эмма. Он слышал и подошвами ощущал удары в потолок и крышку, понимал, что выиграл всего несколько секунд. Судорожным движением прижал рюкзак сильнее и вдруг почувствовал стволы пистолетов.

Какую там уверенность должны были вселить в него бутфорские Desert Eagle, Джек не думал. Рывок молнии, и он замер в стойке с двумя стволами, направленными на люк, в который уже лезли косматые головы аборигенов. Метнулась крохотный рыбкой мысль, что «не испугаются, полезут», но они замерли, обалдело уставившись прямо в зрачки дульных отверстий. По лобовому лезли ещё двое, цепляясь за дворники, карабкались и сзади, Джек развернулся, как парус, раскинув руки с пистолетами в разные стороны. Эмма прижалась к его спине. Все замерли. Тяжело дышали и перестали лезть в люке, повисли обезьянами снаружи. Джек мельком видел, что по полю к ним бегут ещё и ещё. Закатное солнце тяжким багровым золотом пробивалось сквозь тоненький

ряд сосновой лесополосы и выбивало резкие длинные тени.

На что он надеялся? Он и сам не мог ответить, но тяжёлые рукоятки в пальцах на какую-то долю секунды показались ему самым смертельным оружием в мире. Пугливая пауза кончилась, нападающие, казалось, сообразили, что всех он не убьёт, и разом пришли в движение.

Джек моргнул и вдавил скобки спусковых крючков. Зачем? Там не было даже возвратных пружин, чтобы сымитировать щелчок курка... Как в замедленном голливудском боевике, Джек увидел, как ствол дёрнулся и затворная рама отскочила назад, выбросив гильзу. Грохот выстрела пришёл в уши чуть позже. Один из бородачей, карабкавшихся спереди, дёрнулся и полетел вниз. Бахнул и второй пистолет, почти в лицо подбегавшему сзади. Обалдевший Джек крутанулся на пятке и снова надавил на спусковые крючки.

Это было похоже на бойню. Нет, на игру. Рамы лязгали, тяжело вздрагивали треугольные стволы, посылая пулю за пулей. Зажмурившаяся Эмма вцепилась Джеку в спину мёртвой хваткой. Бах! Полетел на асфальт дороги ещё один бородатый бомж. Бах! Провалился в люк пытавшийся из него вылезти. Бах! Ба-бах! Звенело в ушах от грохота, кисло воняло порохом, а он всё стрелял и стрелял. Пока было в кого.

Когда кончились нападавшие, он остановился. Дым сносило в сторону поля, по бокам от автобуса валялись тела. Брызги чужой крови были и у Джека, и у Эммы на лице, и

совершенно непонятно было, кто и как их успел обрызгать. И тут силы внезапно кончились, и пистолеты оказались настолько тяжелы, что руки упали, бессильно повисли их вдоль тела. Тихо-тихо было вокруг. Пустой автобус посреди дороги и куча окровавленных тел.

С крыши слезали долго, прикасаться не хотелось ни к чему. Внизу, у кромки поля, Саша ещё раз попробовал вытереть вымазанное кровью лицо и вдруг замер. Оглянулся на автобус. «Получилось? Ну конечно! Они проскочили границу, и началась вся эта чертовщина! Пистолеты, ставшие боевыми, бомжи, обступившие автобус...» Вслед за осознанием пришёл страх. Бомжи были уже в посёлке, ждали на крыльце, значит, границу они с Эммой пересекли раньше, когда сошли с электрички. Руки задрожали. Не было радости найти то, что искал Саша оказался не готов и не понимал, что нужно делать. «Ладно, – отчаянно решил он, – где тут ваш волшебник из страны Оз? Я пришёл за новым собой. Гоните мне и мудрость, и смелость. Сердце можете оставить старое».

Они уходили прочь от дороги полем и не сразу поняли, что забрели непонятно куда. Солнце почти село, далёкий лес придвинулся, но словно прикрылся туманной дымкой. На фоне этой дымки во ржи, или в пшенице, или в овсе, Саша ни черта не понимал в культурных злаках, в общем, вдали темнели какие-то пятна. Туман потихоньку заволакивал поле, и пятна не становились яснее, наоборот, расплывались.

Эмма шла молча, только сопела громко. Джек шуршал сзади и иногда оглядывался. Их никто не преследовал.

На пугало наткнулась Эмма. Фигура на кресте стояла в тумане и смотрела прорезями глаз на тыкве куда-то вдаль. И ещё была нехорошо похожа на человека. Эмма вспомнила фотографию в музее и закусила губу. Сфоткаться хотела?

Саша подошёл ближе и брезгливо потрогал.

– Вроде травой набито, – сказал он вполголоса, и Эмма мысленно согласилась: говорить громко не хотелось. – Тыквенный Джек...

– Это который дьявола обманул дважды?

– Нет, который тыквоголовый. Ну помнишь, в «Волшебнике из страны Оз»? Там пацан оживил пугало...

– Надеюсь, этого никто не оживит? – Эмма смотрела на тыкву, и ей показалось, что она ухмыляется. – А вон еще... И там... Сколько их тут?

Джек заозирался. Стоять в поле среди этих чучел было жутковато, и он машинально нащупал в рюкзаке оружие. Сумерки напоздали вместе с туманом, и оставаться на этом поле на ночь совсем не хотелось. Поэтому когда Саша увидел далеко возле кромки леса свет, то облегчённо выдохнул и потащил Эмму через поле.

Эмма устала. Шла наугад, ставила ноги туда, куда не видела, смотрела только туда, где горел огонёк. Он то расплывался, то становился острым и царапал глаза. Пугала кончились, а потом закончилось и поле. Под ногами обнаружи-

лась дорога, пыльная и езженная. Саша немного отошёл и начал что-то объяснять про границу и про то, что они сейчас в особом месте, и что с пистолетами это чудо какое-то, и она может сама посмотреть... Она кивала, шла рядом и думала только о том, что это конец. Устала. Страх толкался где-то внутри, в районе желудка. Ей предстояло ещё очень многое себе как-то впихнуть в голову. Пока что она отключилась, почти «заснула», как она сама это называла. Игра вдруг стала острой и опасной настолько, что не «бездна, и она на краешке болтает ногами»... Она чувствовала полёт. Что она уже упала и продолжает падать. Низ живота скручивало холодным узлом. Саша болтал, нервное напряжение всегда выходило у него через потоки бессмысленно повторяемых подробностей.

Дорогу обступили деревья, свет стал ярче и превратился в фонарь. Самый обычный деревянный фонарный столб с пристроенной ногой, железная крышка над патроном, стосвечовая лампочка. В пятне света, которое он отрезал от темноты, кто-то сидел.

– Ну вот и вы.

Женщина встала. Только что она была под фонарём – и вот уже стояла рядом, улыбалась, наклонив голову набок. Простое лицо, кого-то смутно напоминающее, одета в какой-то балахон, ну да что теперь только не носят в деревнях вдали от цивилизации. Сразу она оказалась перед Сашей, и смотрела на него почти влюблённо.

– Мама?

Эмма видела, что Саша в шоке и не знает, что сказать, хотела вмешаться и тут почувствовала, что не может сказать ни слова. Губы словно срослись, горло стиснула судорога. Эта женщина глянула на неё мельком, отрицательно качнув головой и снова повернулась, подошла к Саше вплотную, прижала ладони к его щекам.

– Мальчик мой, какой ты взрослый уже. Не бойся, Джек, здесь все ждут только тебя.

* * *

Когда Эмма очнулась, почувствовала, что лежать неудобно, что-то впивалось в спину. Пахло костром, травками и какой-то ещё запах примешивался к воздуху в доме, не очень приятный. Она осторожно подвигалась и тут же замерла. Услышала голос Джека.

– Ты не понимаешь, как мне тяжело было. Я метался, всё пытался понять себя, а теперь ты говоришь, что так надо было. Зачем?

– Надо было, чтобы ты вырос, малыш. Чтобы врос в мир, почувствовал его, – говорила женщина ласково, – почувствовал его жестокость и боль. Теперь ты готов, иначе бы не нашёл дороги сюда.

– Я совсем другое искал, всё случайно вышло. Янина мне говорила... – начал было Саша, но она его перебила.

– Милый, всё, что вело тебя сюда – это ступеньки, кровь и сила. Моя сестра не имела права всё тебе объяснять. Должна была только подсказать путь. Ты же знаешь – он не пропадет, если вычерчен в пустоте несмываемыми чернилами.

Эмма услышала, как Саша вздохнул и вдруг тихонько засмеялся.

– А кривой этот в городе и на автобусе, и остальные? Я ж убил их всех, а они вон во дворе бродят...

– Ты был совершенно прекрасен, малыш. Это кормильцы, наша внешняя стража. Они не люди, не в этом смысле. Помогают, защищают и не умирают. Наверное, было не очень правильно всех их насыпать на тебя, но как иначе пройти инициацию? Кровь, боль, страх, смерть. Ты бы не справился, не будь Джеком. Не заставил бы холодное железо измениться. Так что всё прошло отлично, осталось завершить переход.

– Очень много всего, – Эмма слышала, как Джек растерян. – Ты говоришь, и я что-то вспоминаю, понимаю, но каша такая в голове. Выходит, я, ты, мы не совсем люди?

– Мы люди, но не только. Ты родился в грубом мире слабым, чтобы понять, как все устроено. Теперь ты пришёл в наш тонкий мир забрать силу и вернёшься другим. Совсем другим. Ты перевертыш, так они называют моих детей. Но на самом деле ты воин.

Джек помолчал.

– Но со мной же девушка моя...

– Конечно, – спокойно ответила женщина, – переход без энергии никак, а в ней её с избытком. Она нашла тебя и будет рядом и после.

– Но погоди, что ты хочешь сказать? Эмма знает, кто я на самом деле?

Женщина засмеялась.

– Нет, конечно. Но давай ты спросишь её сам, она давно не спит и нас слушает, правда Танюша?

Эмма вздрогнула.

– Правда, – пробурчала она, слезая с печи, на которой лежала, и доставая кочергу, которая впивалась в спину и мешала, а теперь была очень кстати, если придётся защищаться, – вы уж давайте, объясните мне, что здесь творится.

К тому моменту, когда Саша сбивчиво объяснил ей, как он представляет и что происходит, она уже поняла, что бездна почти поглотила её, и ветер в ушах от падения всё сильнее. Саша говорил про «жить» и «нежить», про своих братьев Джеков, про то, что он «жить», первая сущность, и переход соединит его с «нежитью», второй сущностью, с которой он станет сильнее. А перевертыш это не страшно, это просто дурацкая кличка...

Всё это было похоже на какую-то фэнтезийную ахинею, она прямо чувствовала, как дрожит и пульсирует его разум, пытаюсь во всем разобраться. Попробовала успокоить его, но Джек был слишком взбудоражен. От него разило страхом, и страх этот плескался и в зрачках, и в дрожащих пальцах, и

в том, как он стоял и говорил.

– Всё хорошо, – повторял он, – всё хорошо. Я перевёртыш, Танька, я воин, ты не представляешь...

Конечно, она не представляла. Апатия и безразличие навалились на неё. Хотелось, чтобы всё это закончилось. Она тёрла ладонями виски, но зыбкое тягостное отупение не проходило.

Джека вывели в ночь, влажную и терпко пахнущую травой. Круг факелов освещал деревянный помост с ремнями-петлями в четырёх концах. Вокруг стояли «бомжи-кормильцы», живые и здоровые. Вожак со шрамом стоял слева, ближе всех, и ухмылялся.

– Мальчик мой, ты сомневаешься? – мама подошла и снова погладила Джека по щеке. Она совсем не изменилась с тех пор, как он видел её последний раз. Ему было шесть лет, в интернате всё время стоял запах сгоревшей каши, а эта женщина пахла иначе. Ему говорили, что она хочет забрать его, но потом никто не пришел, а спустя год появились «родители», они были ничего, и он почти забыл эту женщину.

– Я не знаю. Я думал, ты научишь меня чему-то, – забормotal он, – мне казалось, я жду чего-то важного... Ждал всё время, а сейчас страшно...

– Да, Джеки-бой. Это важное происходит сейчас. Все мои дети однажды возвращаются, чтобы стать другими. Ты не первый и не последний. Нас так много по миру, ты даже не представляешь. Ритуал освободит тебя. Сделает сильнее. И

то важное, зачем ты родился, станет твоим. Не бойся. Будет больно, но так надо!

Сашу трясло. Все эти люди вокруг, ритуал, смысла которого он всё равно не понимал... «Кормильцы» распластали Джека на помосте и пристегнули руки и ноги ременными петлями. Распятый, как кукла, Джек тяжело дышал и дикими глазами наблюдал, как заостренный шест берут несколько человек в цепочку, и самый острый край кладут на доски помоста ему между ног. Все внутри Джека заходило от мелкой противной дрожи.

Мама махнула рукой Эмме.

– Хочешь помочь ему? Тогда держи голову ему, вот так, крепко держи!

Джек дико вращал глазами, но не мог ничего сказать. Мама говорила какие-то слова, что-то нараспев читала, а ему все хотелось проснуться. Дурной сон, как вырваться из него? Зачем так сложно всё устроено? Где Эмма?

Голова Эммы склонилась над ним, горячие ладони стиснули виски.

Он ещё пытался что-то ей сказать, предупредить, спасти, избавить, не понимая, что уже не может ничего и даже слова не выговаривает. Что-то твёрдое толкнулось между ног, надавило, полоснуло дикой болью по заднице и всё продолжало давить. Он чувствовал, как внутри всё двигается, разрывается, смещается куда-то. Пытался вздохнуть поглубже, справиться с этой волной боли, когда шест, который толкали

шесть здоровых мужиков, прорвал наконец лёгкие и с хрустом вошёл в голову через шею.

Из глаз Джека на Эмму брызнуло что-то бурое, тёплое и липкое, с медным запахом крови. Теряя сознание второй раз за вечер, Эмма уже не помнила ничего.

Джек пришёл в себя странно. Руки, разведенные в стороны, не двигались. Ноги были стиснуты. Мир в багровой дымке остановился рамками одного кадра. Он увидел Эмму, которую несли двое «кормильцев», увидел маму, смотрящую на него снизу вверх, приставив ладонь к глазам козырьком. И какой-то долговязый парень стоял с мамой и улыбался. Он. Сам. Стоял рядом с мамой. Такой же, как он. Потом повернулся, подошёл ближе, почти вплотную, посмотрел чёрными, без белков, глазами и, ухмыльнувшись, надел на голову Джеку пустую тыкву. «Поднимайте», – сказал он кому-то, и Джек закачался и почувствовал, что земля стала дальше.

* * *

«Было мне его жалко? Наверное, да. Такое несчастное было у него лицо, такое непонимающее. И весь он был жалкий, слабый, как кролик, судьба которого убегать, путая следы, таиться, ускользать... Чтобы управлять этим миром и драться с ним на равных, нужно было попрощаться с этими эмоциями, полутонами, случайностями и дурацкими свободами. Прощаться с играми, сочувствием и слабостью. Наде-

вая ему тыкву на голову, я поймал этот взгляд. Он продолжал бояться и хотел спрятаться. Значит, всё правильно. Теперь он здесь, где безопасно, и убежать больше не надо. Всё, что он мог – это стоять и смотреть, не вмешиваясь. Теперь он может это делать сколько угодно»...

* * *

Таня собирала футболки и джинсы по всей квартире. Саша вечно их разбрасывал, да ещё и прятал периодически то в шкаф, то под кровать. Переезжая в Москву, они многое ещё не успели разобрать, и она делала это постепенно, доставая, стирая, вешая в шкаф. Сегодня в кладовке она обнаружила тяжёлый пакет, из которого вытряхнула свои грязные джинсы, которые пропали ещё полгода назад, перепачканную бурым рубашку и два Сашкиных ролевых пистолета. Пистолеты взвесила в руках, прицелилась в зеркало. Нажала собачку. Железка нажалась мягко и не отщёлкнулась обратно. Ну такое... Хотя смотрелись они достоверно и страшно-вато. «Убрать надо куда-то, не ровён час напугает он ими кого-нибудь до усрачки», – подумала Таня, машинально проверяя карманы джинсов, прежде чем бросить их в корзину для стирки.

В левом кармане обнаружился мятый билет на электричку. «Надо же, когда это я ездила куда? – Таня машинально сложила цифры. До счастливого номера не хватило едини-

цы. – Значит, встреча».

Она посмотрела на дату. «Была, – добавила про себя, – и давненько. Вообще не помню, чтобы на электричках ездила». В ванной машина загудела, начала выжимать. Таня сложила джинсы, а билет сунула в карман. «Надо у Сашки спросить, может, он помнит что?..»

Павел Рязанцев. «Конечная»

Дурное предчувствие давило похлеще тишины. Предчувствие, которое Глеб не мог объяснить или отогнать. Да, с бандой мародёров: четырьмя крепкими мужиками с огнестрельным оружием – путешествуют дети, но пухленький Максим и маленькая Настенька давно в команде, и проблем с ними никогда не было. Тихо ждут в фургоне, не скандалят, чистят оружие. Дети полка, как их называли бы в Старом Мире.

«Старый Мир. В то время я спал на кровати, а не на чём придётся, – думал Глеб, смотря сквозь кузов фургона в прошлое, – копался в компьютерах, а не в карманах трупов и комодах».

– Чему улыбаешься?

Хриплый голос развеял ностальгию. Напротив Глеба сидел Михаил – небритый лысый сантехник, примерный семьянин и просто хороший человек. Даже сейчас, с охотничьим дробовиком в руках, он не переставал быть таковым. Просто его семьёй стала эта маленькая компания, а основной формой хороших дел – убийство всех, кто ей угрожает.

«Спрашивает, а у самого глаза смеются».

– Заразиться боишься? Не бойся, это не заразно.

Михаил хохотнул в ответ. Хмыкнул сидевший рядом Сергей: страйкболист, стрелок по бутылочкам и командир отряда по совместительству. Остальные за глаза называли его

Мамкой – за склонность блуждать по магазинам и теряться в них. И из-за фамилии: Мамкин.

Сергей криво улыбнулся и хотел что-то сказать, но фургон резко затормозил.

– Приехали, на! – рывкнул водитель, хотя смешной акцент не позволил испугаться. Из всей команды Аслан единственный, чья жизнь не слишком изменилась после наступления апокалипсиса: как крутил баранку, так и крутит. – Конечная!

– Чего такой злой? – Мамка мрачно покосился на шумного горца, пока Михаил открывал двери. – Пробки, что ли?

Глеб не стал ждать, пока Аслан сунет голову в пассажирский отсек высказать всё, что думает об этом рейде и о Сергее в частности. Хотелось выпрыгнуть из белого «кадди», этого гроба на колёсах, и размять затёкшие ноги. Максим с Настенькой, наверное, тоже рады бы прогуляться, но никогда не рисковали. Гигантские тараканы, грязные порождения канализационных вод, не были единственной напастью этого мира. И даже не самой страшной.

Мир встретил вооружённую троицу привычными картинами и красками. В прошлом оживлённая улица, примыкавшая к автовокзалу, напоминала беспорядочную свалку автомобилей. Из трещин в асфальте высовывались сорняки и соцветия одуванчиков, что не желали умирать. Возможно, сил им придавали бурые пятна крови, оставшиеся от тел, давно разорванных на куски. Кое-где ещё лежали обглоданные останки; в разбитом черепе копошились то ли муравьи, то ли

черви. Кроме собственных шагов, Глеб слышал лишь свист ветра. Михаил вертел головой, высматривая угрозу. Сергей старался не наступать на опавшие листья – привычка, всплывавшая в моменты беспокойства. Похоже, мрачное предчувствие, тревожившее бывшего программиста, оказалось за разнее улыбки и теперь довлело над остальными.

– Ты так и не сказал, зачем мы здесь, – прошептал Глеб и вздрогнул, когда Сергей резко вышел вперёд него.

– Метро видишь? – Сергей указал на наземный вестибюль. – За полгода до Большого Трындеца в шахте начали строить бункер. Ну, типа бункер. Заныкаться туда никто не успел, а вот припасов понатащить – успели. Так что... – Сергей многозначительно улыбнулся. Глеб тоже улыбнулся, но в душе сомневался: столько времени прошло, кто-то мог опередить их.

«Да и откуда Мамка, блин, узнал о каком-то там бункере? Это же государственная фигня, секретная...»

– А откуда ты... – начал было Глеб, но осёкся, испугавшись эха собственного голоса. Мародёры уже достигли вестибюля. «Станция метро Котельники» – гласили красные буквы над головами, а ступени уходили в темноту. Приглядевшись, можно было увидеть узкую полосу плитки. Хмурое осеннее небо не позволяло рассчитывать на большее. Сергей дал Михаилу сигнал идти впереди. По выражениям лиц обоих было видно, что никто не горел желанием спускаться первым – даже с дробовиком наперевес. Однако про-

цесс «слаживания», после которого банда сократилась чуть ли не вдвое, а освободившиеся места в фургоне заняли дети, остался позади. Препираться и спорить никто не стал.

Михаил включил подствольный фонарик и начал спускаться, больше глядя под ноги, чем перед собой. Сергей поспешил высветить теряющуюся во мраке спину нагрудным фонариком и, как командир, пошёл в середине, а Глеб замкнул колонну.

Ближе к низине, где гул ветра слаб, раздавался звук капающей воды; свет от фонариков отражался в мутноватых лужицах. Из тьмы доносились лёгкие шаги, словно кто-то очень маленький убегал от спящих по полу и стенам лучей. Ступени кончились. Тьма окружила команду плотной завесой; вопреки опыту и верному оружию в руках, в глубине души люди чувствовали себя маленькими и беззащитными. Это был не первый спуск Глеба и остальных в подземку. Однажды они сунулись на Кропоткинскую, но вместо чего-либо ценного нашли лишь неприятности: им на голову посыпались тараканы-переростки. Буквально.

«Может, поэтому у меня дурное предчувствие? Жаль, без огнемёта идём. У тараканов панцирь что броня. Аслан, чумазая ты скотина! «Э-э, слышишь, да! Мне бензин тут нужен, слушай!» Сдался бензин мёртвым и обглоданным...»

Привычный в прошлом коридор с типовой облицовкой без освещения казался локацией из фильма ужасов. Фонарик Михаила высвечивал куски сброшенного хитина, разво-

ды коричневой слизи и обрывки ткани. И снующих между ними тараканов. По крайней мере, маленьких. Под ногами то и дело хрустело. Лицо Глеба скривилось. К некоторым вещам тяжело привыкнуть.

Туннель за поворотом стал шире и выше. Заблестело битое стекло. В углу развалился скелет, облачённый в деловой костюм, белую рубашку и галстук. Рядом лежал саквояж. Едва ли в нём могло быть что-то ценное в новом мире, но руки Глеба зудели от желания порыться внутри. И, похоже, не только у него.

– Не трать время, – шепнул Мамка, касаясь спины Михаила, – там мусор, а у нас здесь дела поважнее.

– Где он, твой бункер? – Михаил через плечо посмотрел на командира, но всё ещё держал ружьё наизготовку. У семьянинов сильные руки.

– В шахте. Вход через техническое помещение на краю платформы.

Они дошли до касс. Под ногами лежали кости не одного десятка человек. Они были не просто обглоданы, их буквально разорвали на куски, а остатки растащили в разные стороны. Сергей сплюнул и матюгнулся, досадуя, что у него сейчас не было огнемёта.

– Думаешь, эти твари где-то здесь? Жрать-то им больше нечего.

– Без понятия. Смотри под ноги!

На их шёпот гулко ответило эхо. Направленные в одну

сторону фонари не могли показать, сколь обширна платформа, но уходящая далеко за пределы полосы света тьма не позволяла усомниться в её длине. Берцы по-прежнему приглушённо стучали по плитке, но хруст хитина, костей и прочего мусора под ногами как будто прекратился. Это странно: не могло же случиться, что кроме бедняг в вестибюле и на лестнице больше никто не погиб.

Глеб хорошо помнил, как всё завертелось, когда по всему миру грянули взрывы. Люди в эпицентрах падали замертво от адского излучения, а потом всё ушло вниз: в канализацию, захоронения, в самые тёмные уголки тоннелей метро – и спустя несколько невероятно коротких циклов из личинок начали вырастать настоящие монстры.

«Стою я в гараже, пока Саид ковырялся в движке моей ласточки, – Глеб вспомнил рассказ Аслана, – ем чебурек: жирный, пахучий, просто «м-ма» – причмокнул тогда водитель. – Вдруг гляжу: из сортира выползает таракан размером с... хрен его знает, с мышь! С крысу! С собаку, слушай! Ещё скрипит своим проклятым панцирем, ходулями своими! У меня глаза чуть на лоб не полезли, а Саид не слышит. Он, брат, когда работает, вообще ничего не слышит. И вот эта гадость коричневая встала как оглушённая, значит, повернулась в мою сторону, крикнула, что твой гусь... Я не шучу! Не смейся, слушай...»

– Глеб, блин, не спи! – Мамкино шипение выдернуло из воспоминаний в реальность, словно на мороз из тёплой при-

хожей. – Ты тут чуть себе ногу не сломал, лунатик!

Глеб посветил фонариком под ноги: он действительно стоял на краю платформы, рискуя провалиться в щель между полом и вагоном. Похоже, что так называемый Большой Трындец накрыл станцию посреди ночи перед техническим перерывом. Иначе как объяснить отсутствие трупов или их останков?

– Почему здесь так чисто? – прошептал Михаил, приближаясь вместе с Сергеем к Глебу. – Словно уборщицы полы надраили.

– Похоже, здесь никого нет, – Сергей опустил оружие. – Теперь надо найти проход к бункеру.

– Ты говорил, это техническое помещение.

– Да. Дверь должна быть где-то в стене, – Сергей указал лучом света в сторону рельс. – Надо искать, он на той или на другой стороне.

– Остальных позовём? – Глеб покосился на вагон, невольно представляя свои ощущения, если бы его не остановили, и он сломал ногу. Поморщился. – Здесь вроде чисто. Да и быстрее будет.

– Не-а, пусть сидят. Сначала проверим одну стену, потом вторую. Я с Глебом пойду внутри вагона, а ты, Миша, идёшь снаружи. Прикроешь, если что.

Так и сделали.

Глеб проследовал за Мамкой в вагон, благо двери – как минимум, ближайšie – оказались открыты. Мёртвая тиши-

на, прерываемая шагами и короткими фразами, давила на мозг, но пронзить её выстрелом или ударом о стекло оказалось... страшно. словно обглоданные трупы, что должны были валяться у троицы под ногами, вместе с падальщиками вернуться на шум.

Пока Сергей методично, вагон за вагоном, искал на стене нечто, что приблизит его к цели, Глеб не находил себе места. Крошечные детали, бросавшиеся ему в глаза со всех сторон и совершенно ничего не значившие для остальных, роились в мозгу. Что-то важное и зловещее складывалось из отсутствия осколков на сиденьях и полу под выбитыми стёклами; из блестящего, будто вылизанного пола; из неестественной пустоты станции метро – места, где за считанные мгновения погибли сотни, а то и тысячи людей.

За спиной Глеба раздался писк – как от смятой резиновой куклы. Стрелок дёрнулся и едва не высадил половину обоймы в темноту, а то и в спину командира. Мамка оглянулся на товарища, но тут же вернулся к поискам. Михаил снаружи поравнялся с остальными. «Что случилось?» – читалось в его глазах. Глеб отмахнулся, понурился взгляд: «Ничего. Все в порядке».

Снова писк и возня. Глеб устало навёл фонарь на источник звука. Всего лишь крыса. Нервный смешок заставил Сергея еще раз отвлечься от поисков. Он видел лишь спину Глеба и высвечиваемые фонарём куски реальности. Маленький мусорщик, похоже, не пытался убежать ни от человека,

ни от света, что ослепительно отражался от поручней.

Глеб нагнулся, а затем раздался хруст. Бывший программист развернулся и, посеревший, отшатнулся в сторону Сергея.

Крыса распласталась под сиденьем. Её голова была свёрнута набок. Взгляд маленьких глаз сновал из стороны в сторону, а пасть смыкалась и размыкалась в писке. Сергей невольно представил, что у крысы его лицо, и это он, сломанный и беспомощный, с бешено вращающимися глазами кричит от боли и бессилия. Ни пошевелиться, ни быстро умереть.

«Капец... Псих отбитый!»

Сергей приблизился к изувеченному полутрупю. Теперь крыса смотрела на него; морда подёргивалась, зрачки как будто норовили обратиться внутрь черепа, но зверёк из последних сил старался глядеть на двуногого гиганта.

Взгляд, похожий на человеческий.

Сглотнув, Сергей занёс ногу.

За мгновение до того, как пол забрызгало кровью и потрохами, губы крысы сложились в подобие улыбки.

Хруст черепа смолк в ушах и моментально сменился нетвёрдой поступью Глеба. Он ушёл вперёд, но выискивать вход в бункер не продолжил. То и дело он цеплялся за поручни – случайно или намеренно. Сергей с брезгливым прищуром попытался оттереть прилипшую к подошве мерзкую кашу о сиденье. Та отпускала с неохотой; от липкого звука,

словно холодец по тарелке размазывали, пробивало на стон.

Вдруг сверху занялось гудение. Все встрепенулись и вскинули оружие. На стенах и полу вспыхнули расплывчатые полосы белого света; посередине зала возникли колонны, скамейки, напоминавшие помесь решета со столом для пикников, кадки с высохшими растениями. Михаил и Глеб вопросительно взглянули на Сергея. Тот лишь напряжённо потряс головой. В других обстоятельствах его нервная улыбка развеселила бы, но сейчас она вызывала лишь дрожь в коленях.

Глеб заметил ближайшую открытую дверь и выскользнул наружу, глядя под ноги. Боковым зрением он заметил движение: Михаил подал Сергею сигнал, чтобы тот вышел и посмотрел. Сам же Михаил стоял, не спуская глаз с конца перрона – и не опуская дробовик.

То, чего компания ожидала найти меньше всего, нашло их само.

– Ух ты, чёрт... – прошептал Сергей и вздохнул как от усталости. – Ладно, пошли. – Командир перехватил автомат и двинулся вперёд. Остальные – следом, готовые взять цели на прицел.

В конце вестибюля, у самого туннеля стояли люди. Пятеро: двое мужчин и три женщины – молча и неподвижно ждали, пока команда с оружием наготове приблизится к ним. По бокам стояли мужчины. Если бы не висевшие на груди пистолеты-пулемёты, их можно было бы принять за актёров, снимающихся в кино: гладко выбритые, причёсанные (да-

же вылизанные), в наглаженных белых рубашках, жилетках и брюках и в лакированных туфлях. Бледные, одинаковые, словно восковые лица, казалось, вовсе не шевелились, как и их обладатели. Лишь нетерпеливое переминание с ноги на ногу и покачивание женщин снимало жутковатую иллюзию, что перед мародёрами лишь статуи или манекены, невесть как оказавшиеся под землёй.

Хозяйки станции, как и их защитники, на вид принадлежали не этому миру, а старому. Старшая – седая, горбатая, с испещрённым морщинами лицом с острыми чертами, в синем фартуке поверх тёмной водолазки – стояла впереди группы, держа в руках швабру. Невысокая и потрёпанная временем, она глядела на вторженцев широко распахнутыми глазами с такой неприязнью, на какую способны лишь старухи при встрече с молодыми. По левую руку от неё стояла полная – быть может, беременная – женщина на две головы выше, с гладким округлым лицом, короткими чёрными волосами, одетая в бежевую мешковатую одежду. Её маленькие сощуренные глазки сверкали недоверием, а нижняя губа застыла выпяченной, словно в ироничной усмешке. Позади, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, ожидала высокая девочка-подросток, телосложением напоминавшая вешалку с платьем. Огромные, как у куклы, глаза искрились причудливой смесью восторга и страха – то ли перед мародёрами, то ли перед старшими.

«Наверняка они из бункера!»

Чем ближе Сергей, Михаил и Глеб подбирались к подземным жителям, тем большее беспокойство их охватывало: шаги замедлялись, пульс учащался, а руки так и норовили поднять оружие.

«Что-то не так с этими людьми...»

Глеб не выдержал и поднял автомат. Сергей с Михаилом, заметив это, также взяли всех на мушку, на всякий случай. Мамка хотел было что-то приказать, например: «Никому не двигаться», – но этого не потребовалось. Мужчины в костюмах так и не шелохнулись. Женщины, казалось, тоже. Лишь выражения лиц переменились, теперь в изгибах рта и бровей читались порицание и возмущение.

Девочка-подросток смотрела на Глеба, её взгляд перебегал с оружия на лицо, на руки, снова на оружие. Тонкие губы изгибались, словно девочка мыслила вслух и в последний момент одёргивалась, сдерживала поток слов. Она не смотрела на других, а ведь Михаилу с Сергеем, как и самому Глебу, ничего не стоило нажать на спусковой крючок и отправить её к праотцам. Но они не интересовали девочку от слова совсем. От этого Глебу становилось не по себе.

«Что же с тобой, кикимора, не так?!»

Во рту пересохло. Палец чесался на курке. Глеб бросил взгляд на Мамку, ища поддержки или предостережения, но с командиром тоже творилось что-то неладное. Он лихорадочно обводил взглядом конкурентов (а кем ещё они могли быть в этом мире?!), и с каждой секундой его лицо всё

сильнее выражало отвращение. При взгляде на мешковатую одежду он скривил рот, словно видел не складки цвета чищеного банана, а выглядывающий между свитером и джинсами целлюлит.

Девочка сделала робкий шаг.

Глеб вздрогнул.

Раздался выстрел. Пуля угодила девочке в плечо, тело развернулось по инерции. «Старшая» и «средняя» нахмурились.

– Твою мать! – обречённо прошипел Сергей, и открыл огонь. Михаил поддержал. Трясемуся от прилива адреналина Глебу ничего не осталось, кроме как присоединиться к обстрелу.

Град пуль слепо обрушился на безоружных женщин и их вылизанных «защитников». На белоснежных рубашках выступили многочисленные красные, почти чёрные пятна, а их обладатели опрокинулись на пол, не успев даже поднять автоматы.

«Они словно и не собирались их поднимать, – промелькнуло в мозгу горе-налётчика, пока тот разряжал остатки обоймы в старуху. – Они вообще не шевелились. Что за долбаные манекены?!»

Стрельба оборвалась столь же резко, как началась: в магазинах автоматов и в помпе дробовика закончились патроны. Но мародёры не торопились перезаряжать оружие. Что-то пошло не так. Ещё когда звучали взрывы пороха и лязг

затворов, за вспышками и дымом виднелось нечто, вытеснявшее кураж и замещавшее его чем-то холодным и липким. Чем-то похожим на страх.

Пальцы Михаила разжались, лишь ремень не дал его рукой выпасть из рук. У всех троих слова застряли в горле.

Женщины всё ещё стояли.

У ног старухи лежали пули. Некоторые из них были деформированы, сплющены как после столкновения с камнем или танковой бронёй. Упитанная женщина шаталась на месте, словно вытряхивала воду из ушей после купания. И на пол действительно падали... пули. Они сыпались из складок, из разрывов в ткани, будто толстый слой жира остановил свинец, не дав ему добраться до костей и органов, а теперь выдавливал его из ран. Лишь ручейки пузырящейся жидкости, похожей на банановый молочный коктейль, да гримаса боли на лице «живой губки» свидетельствовали о том, что пули действительно достигли своей цели, а не были рассыпаны под ногами просто так.

Девочка-подросток, шатаясь, заковыляла к обидчикам. Теперь уже Глеб выпустил оружие из рук. Платье под шквалом огня превратилось в лохмотья, в прорехах виднелись обрывки блеклой, почти серой кожи, а из многочисленных царапин сочилась светло-зелёная жидкость. Оголённая плоть не была розовой и не казалась мягкой. Глеб не обладал стопроцентным зрением – мало кто им обладал – но того, что удалось сбересть, хватило бы, что различить пучки красных

волокон. Но их не было. Глаза различили лишь однотонные полосы чего-то плотного и неестественного по цвету: смесь зелёного, жёлтого и светло-серого.

Лицо девочки исказилось гримасой гнева на грани с помешательством, когда она вышла вперёд своих товарок.

– Вы всё испортили! – провизжала она ломающимся голосом, после чего её, к ужасу мародёров и неудовольствию выживших после обстрела, вырвало чем-то белым и пенистым. – Я... – хрипела она, подхватываемая двумя парами женских рук, – это всё из-за вас... как больно...ломит...

– Ну вот, вы её спровоцировали! – громко и с укором проворчала «губка для свинца», бросая взгляд на растерявшихся стрелков. – Бегите теперь! А то она за себя не отвечает!

– Убирайтесь! – процедила старуха, и, словно подкрепляя её слова, раздался треск хитина. Ему вторило сверлящее уши жужжание. Жужжание тучи незримых насекомых медленно надвигалось на мародёров со стороны женщин.

– Да блин! – вырвалось у Сергея, и он попятился. Остальные стрелки в недоумении обернулись на командира. – Уходим! – крикнул Сергей, бросаясь наутёк к выходу, что десять минут назад был для команды входом.

Михаил плюнул – то ли от досады, то ли от осознания собственной беспомощности, главный-то не он, – и побежал вслед за Мамкой.

Гул и жужжание нарастали, у Глеба не оставалось иного выхода, кроме бегства. Стук сапог и бряцанье пластика и

металла заглушали нараставшую какофонию за спиной, но полностью вытеснить её не могли. Перед глазами всё ещё стояла сцена с девочкой, блюющей чем-то нечеловеческим. Оглянувшись на бегу, Глеб увидел, что первая жертва натянутых нервов стояла на четвереньках; её руки казались неестественно выгнутыми, словно к локтевым суставам вместо кистей крепились костяные ледорубы. Подросток тряс головой, словно припадочный, выпученные глаза косили в разные стороны и лезли из орбит. К уже довлеющему над мародёрами шуму добавился рёв от мучительной боли и треск ткани и кожи. Со старухой тоже что-то происходило: она скрючилась в три погибели, а горб её чернел, рос в высоту и в ширину.

Глеб не собирался наблюдать за тем, что случится дальше, или что происходит с третьей женщиной. Любопытство полностью уступило инстинкту самосохранения, и теперь взгляд следил только за спинами товарищей и за тем, чтобы ноги не запнулись о ступени и мусор.

Перрон остался позади. Мародёры уже взбирались по лестнице, покидая злополучный вестибюль, когда крик и гул, затихшие было в отдалении, начали стремительно приближаться и нарастать.

– Быстрее, быстрее, чтоб вас! – цедил Сергей, оглядываясь на товарищей. Едва ли они могли его услышать, сопя и шаркая по асфальту, но промолчать командир не мог. Сколько бы рейдов не было у мародёра за плечами, он не станет во-

енным. И нынешнее отступление – далеко не тактическое, а обыкновенное бегство. Но не беспорядочное.

Фургон ждал там же, где его и оставили. В окне кузова маячило лицо Настеньки; видимо, Максим подсаживал девочку. Если бы не необходимость смотреть под ноги, Глеб, как и остальные мародёры, заметил бы, что «дочь полка» с ужасом следила за чем-то за их спинами.

За чем-то, что вышло из метро вслед за мужчинами и стремительно приближалось.

Когда бежавшему впереди Сергею осталось не более десятка метров до фургона, дети распахнули двери в салон. Из кабины высунулся Аслан.

– Скорее! Залезай скорее! – крикнул он почти без акцента. Затем перевёл взгляд на что-то позади Сергея. И это точно были не Михаил с Глебом – они едва ли могли напугать Аслана своим видом, даже если бы ползли к точке эвакуации на четвереньках. Но глаза горца говорили обратное: нечто жуткое, мерзкое и противоестественное приближалось к передвижной крепости. Аслан, недолго думая, вернулся за руль и вдавил педаль газа в пол.

Завизжали шины; взмокший Сергей едва успел запрыгнуть в салон прежде, чем фургон сорвался с места.

– А-а-а! Чтоб тебя! – вскрикнул Сергей, ища, за что зацепиться.

– Дядя Аслан, а остальные?! – подала голос Настенька.

Водитель, пересиливая себя, удерживал низкую скорость:

стрелка спидометра застыла на отметке двадцать километров в час.

Мужчины с трудом добежали до машины. Глеб едва не промахнулся, ныряя в кузов, что могло стоить ему жизни, но его спасла пара детских рук, вцепившаяся в разгрузочный жилет.

Михаила от кузова отделяли жалкие полметра, когда его красное от натуги лицо озарилось отчаянием: он понял, что ещё немного, и его ноги подкосятся. А бежать ещё быстрее он просто не мог...

Ситуацию спас пришедший в себя Сергей. Он, страхуемый детьми и хрипящим Глебом, высунулся из кузова и практически затащил задыхавшегося семьянина внутрь. Шустрые дети захлопнули двери.

– Гони, гони! – крикнул Аслану Сергей. Повторять не пришлось.

Все спешно расселись по местам. Тяжёлое дыхание поначалу перебивало шум мотора, а в кузове стало невыносимо жарко; пот стекал с лица и капал с кончиков пальцев. Затем в воздухе повисло молчание, и полминуты никто не мог проронить ни слова. Даже водитель, казалось, пытался переварить нечто, что он не должен был увидеть, но увидел.

Наконец, когда мир перед глазами перестал плыть, лёгкие – гореть, а в голове поутихла барабанная дробь, Глеб прошептал:

– От чего же мы бежали? – и взгляд его поднялся на

Сергея-Мамку. Тот ответил не сразу, словно раздумывал. Вдруг его лицо затряслось и исказилось мерзкой ухмылкой. Взгляд, поначалу обращённый куда-то в пол, медленно поднялся вверх – прямо на сидящую напротив него Настеньку – и командир рассмеялся. Поначалу беззлобно, но затем от всё более каркающего смеха и выпученных глаз по коже всех присутствующих прошёл холодок.

Наконец, Мамка выдавил из себя:

– От баб, мужики! Смех и грех! ОТ БАБ!!!

Не зная, как реагировать, Максим усмехнулся, а Настенька вопросительно посмотрела на Михаила. Тот глупо улыбался...

Вдруг машину тряхнуло, словно в бок на всей скорости въехал велосипедист.

– Вай, мама! – вскрикнул Аслан, выкручивая руль в противоположную от толчка сторону.

Снаружи кузова послышалась возня, словно кто-то карабкался по крыше и стенам. Дети испуганно вертели головами. Михаил торопливо, но без суеты перезаряжал дробовик. Сергей отдал свой автомат Максиму, а сам выхватил из кобуры пистолет. Ребёнок, получив в руки оружие, успокоился и принялся искать взглядом снаряженный магазин или короб с патронами.

Глеб не мог пошевелиться. Ему казалось, что он слышит крики. Те же крики, что слышал в метро.

Удар. В стене над головой Сергея образовалась узкая вмя-

тина, как от удара киркой или кувалдой. Настенька пронзительно завизжала. От неожиданности командир выронил пистолет и, недолго думая, бросился за ним на трясущийся пол. Михаил как раз закончил перезаряжать ружьё. Глеб, наконец, пришёл в себя и отстегнул пустой магазин.

Ещё один удар. И ещё. Ещё!

– Обшивку попортил, гад! – выдохнул Михаил и выстрелил.

– Ай, чтоб тебя! – верещал Аслан, выпуская руль из-за неожиданно громкого выстрела. Остальные также схватились за уши и повалились под сидения. Только сам стрелок, морщась, собрался передёрнуть помпу для следующего выстрела. Но не успел: фургон занесло так, что Михаил потерял равновесие и едва не выронил ружьё.

В обшивке образовалась дыра. Естественный свет разлился по противоположной стене, но ненадолго: в пробоину вклинилось нечто мерзкое и странное. Оно походило на шипастый ледоруб, сделанный из кости или иного природного материала. В длинных шипах, зацепившихся за край пробоины, угадывались пальцы, вывернутые и лишённые кожи и плоти; твёрдые, но подвижные.

В уши ударил отвратительный скрежет. Костяное орудие расширило рану автомобиля и принялось разрывать стену, планомерно продвигаясь вбок.

– Стреляй, Глеб! – Сергей подобрал пистолет и уже разрядил половину обоймы в металл. – Стреляй!

Глеб уже перезарядил автомат, но вместо того, чтобы выпустить очередь в потолок, он затаил дыхание. Что-то внутри подсказывало: даже если опустошить весь рожок, ничего хорошего не случится. Единственное, что оставалось – это увидеть тварь воочию.

Долго ждать нее пришлось. Существо подползло к краю крыши и свесило голову. На Глеба уставились два огромных жёлто-зелёных глаза с крошечными зрачками. Глазные яблоки выпирали из глазниц. Стучащие зубами челюсти выглядели как человеческие, но располагались горизонтально, будто жвала насекомого. Пробоина была слишком узка, чтобы увидеть целиком, но от макушки монстра шли отростки толщиной с палец, утончавшиеся по мере отдаления от головы.

Оно не выглядело как обычное мутировавшее насекомое, но и абсолютно точно не являлось человеком.

– Что за хрень?! – взвизгнул Сергей, отчаянно щёлкая пустым пистолетом в лицо (?) существа.

– А-а-а-а!!!

Глеб оглянулся. Кричали из водительской кабины.

«Ну всё, конец!» – успел он подумать, прежде чем фургон подскочил и завалился на бок, а сам бывший программист лишился чувств от удара головой.

В лобовое стекло влетело гигантское чёрное насекомое со старушечьим лицом.

– ...опять стирать эти рубашки. Ещё и штопать! Нет, было бы здорово и растенья в кадках удобрять-поливать, но воду лишний раз потратить страшно.

– И не говори. Мыла-мыла весь пол, аж поясницу замкнуло – еле встала утром, так эти приехали и насвинячили! Козьим горошком своим насвинячили, Петрушу с Витей угробили, прости Господи!..

Обрывки фраз долетали до Глеба и постепенно вытаскивали его сознание из пучин забвения. Голоса, шаги, возня – всё приближалось и приближалось, пока не достигло предела громкости. Тело болело от неудобной позы. Единственное, что оставалось – это разлепить веки.

Серый бетонный пол. Блестящие коричневые стены. Искусственный свет не раздражал глаза, но от знакомого гудения мутило. Глеб попробовал пошевелиться; самое большое, что ему, привязанному к вертикально стоящему хирургическому столу, удалось – это повернуть голову.

Немигающий взгляд Аслана. Кровь, капающая из пробитого виска. Глеб в ужасе отвернулся...

– Не бойся, солнышко! С нами ты в безопасности, здесь тебя никто не обидит.

...но это не спасло. Старуха с горбом стояла спиной к нему и держала в морщинистых ладонях ручку перемазан-

ной зелёной Настеньки. Заметив, что экс-программист очнулся, девочка заволновалась, но горбатая не дала ей даже пикнуть.

– Пойдём, моя хорошая, поищем тебе новое платьице, – и увела не особо упиравшегося ребёнка из комнаты. Глеб не рискнул крикнуть вслед, и они исчезли из виду. Лишь после этого страх уколоч разум, и парень попытался. Но не смог.

– Очнулся, доходяга.

Голос принадлежал «губке для пуль», но в поле зрения влезла первая жертва расстроенных мужских нервов. Под-ростковых черт в её облике стало меньше, и девочка-кошмар выглядела вполне себе девушкой. Бегающий взгляд и непо-стоянная мимика не исчезли, но обрели новые смыслы. Сму-щение, обида, затаённая радость, стеснение – всё мелькало на лице, пока девичий взгляд сновал по телу Глеба, словно муха по свежевывытому зеркалу.

– Что, Манюша, в сердце запал?

Позади Манюши у стены располагался кухонный остров с плитой, а на ней стояла огромная кипящая кастрюля. «Губ-ка для пуль» помешивала воду, бросая взгляд куда-то мимо Глеба.

«Вот блин...»

Рядом были привязаны Сергей с Михаилом. Рты у обоих также залепили скотчем. Мародёры находились в сознании и извивались так, словно что-то копошилось во внутренно-стях. От вида агонизирующих товарищей Глеба пробило на

дрожь.

«Что же будет со мной?»

– Ну что ты, тётя Лен, – покраснела Манюша. – Скажешь ещё!

– Да ладно заливать! Вижу же, что запал. Я такие вещи всегда замечаю, можешь даже не шифроваться. Или, думаешь, я просто так в него ещё не подселила?

«Подселила?! Что эта клуша несёт?..»

Вдруг Сергей забился затылком о стол. Скотч запер крики в горле, но и то мычание, что пробилося, пополам со стуком наводило на жутчайшие подозрения.

«Подселила...»

Вдруг его живот с треском лопнул. Из-под одежды на пол хлынула содрогающаяся кровавая масса, кишевшая опарышами.

Сергей Мамкин затих. Навсегда затих.

– Ха! Ишь ты, неживчивый какой, – усмехнулась тётя Лена, на всякий случай отходя от кровавого месива. Под трупом стремительно разрасталась лужа.

Михаил тоже затих, но не умер. Теперь он не дёргался, а лишь смотрел перед собой пустым, ничего не выражающим взглядом.

– Вот мужчина! – одобрительно качала головой тётя Лена, пока Манюша отвязывала «мужчину» от стола. – Уживчивый, неболтливый, мужественный. Прямо как Петруша. Будешь у меня Василием! Подожди, вот причешу тебя, по-

брею...

Новоиспечённый Василий нечленораздельно промычал.

В дверях снова появилась горбатая старуха.

– Ну, как там наш мальчик?

– Нормально, Ирина Фёдоровна, – весело ответила тётя Лена, – почти доварился, скоро будем ужинать.

– Нет, Леночка, я про *этого* бедокура. – Костлявый палец ткнулся Глебу в бок.

– А, этого...

– Ну что, мил-человек, – обратилась к нему старуха. – Думал, покуролесил, вскружил девушке голову, пролил её кровь – и наутёк? Непорядочно, непорядочно так поступать! Верно говорю?

Тётя Лена хохотнула. Манюша отвернулась.

– Смотри, как зардела, красавица моя! – продолжала горбатая. – Чистое сердце, неиспорченная душа. А ты! Эх-х... Ну, ладно. Вижу я, что глубоко внутри ты юноша порядочный. А раз так, то должен, как порядочный юноша, на девушке жениться! А не так: поматросил и умер.

Тётя Лена подтащила слабо упирающуюся девушку к хирургическому столу с Глебом.

– Ну-ну, Маша, не скромничай!

– У меня к тебе, мил-человек, один лишь вопрос остался...

Перед едва сдерживающим слёзы Глебом встала вся троица, все внимательно смотрели ему в глаза. Манюша улыб-

нулась: сперва мелко, нерешительно, одними губами, а затем и по-настоящему.

– Ты кивни только – и начнёшь новую жизнь! – с улыбкой подбадривала тётя Лена.

Манюша сложила руки на груди в ожидании.

Глеб понимал, что у него нет выхода.

– Новую и счастливую... – восторженно прошептала девушка. Её глаза выпучились, а руки изогнулись в богомольи лапки.

– ...хоть и не очень долгую.

Олег Гаврюшов. «Случай на озере»

– Про это озеро мало кто знает, – рассказывал Сашка двум своим приятелям, Григорию и Петру, когда они сидели за кружкой пива после тяжёлого трудового дня. – Мой тесть в тех краях лес валил по молодости. Место глухое, рыбалка отменная. Там в нескольких километрах проходит узкоколейка, и дрезина ездит из района на побережье. Машинист – мужик покладистый. Можно договориться не за дорого.

Гриша и Пётр были заядлыми рыбаками. Любителями забраться подальше от цивилизации и отдохнуть с удочкой в руках на берегу водоёма, вдали от суеты и толпы снующих под ногами людей.

Дождавшись выходных, они собрали снасти, продукты, палатку и, прихватив лыжи (поскольку дело было зимой), отправились к незнакомому озеру, где их «кореш», такой же «рыбанутый», как и они сами, «стабильно вытаскивал по ведру окуней».

В районном городке местные жители подсказали им, где найти машиниста дрезины, который действительно оказался покладистым мужиком и, немного поторговавшись, согласился за пару тысяч довезти до нужного места.

– Знаю я это озеро, – провожая их на свой транспорт, рассказывал железнодорожник. – Там недалеко деревня была когда-то. Лесорубы жили. Да только разъехались все, после

того как леспромхоз закрыли.

Они залезли в дрезину, машинист показал, куда можно сесть, и помог погрузить багаж.

– Я когда помоложе был, частенько в тех местах охотился. Все тамошние леса с ружбайкой исходил вдоль и поперёк. Каждый кустик знал, – приговаривал он, запуская дизель и ловко управляя дрезиной.

Узкоколейка шла сквозь лес. Когда-то по ней возили брёвна из леспромхоза до лесопилки, а сейчас это была единственная связь между районным центром и селом, где доживали свой век несколько старых поморов.

– Давненько я рыбаков в эти места не возил. Одни старухи ездят с побережья в город, по магазинам да в поликлинику. А вы что это, – он указал на палатку, – с ночёвкой, что ли?

– Может, и с ночёвкой, пока ещё не решили. Посмотрим, какая погода будет да как рыбалка пойдёт.

Ехали недолго, около часа. Машинист остановил дрезину посреди леса и показал рукой в сторону:

– Отсюда километров десять будет. Вон на ту сопку держите, не заблудитесь.

Он подал им рюкзаки и, трогаясь с места, добавил:

– Возвращаюсь я обычно около семи вечера. Так что будьте в это время здесь. Не опаздывайте... Ну, удачи, – он улыбнулся напоследок, – окуньком угостите?

– Угостим. – Они помахали руками вслед дрезине, надели лыжи, сложили рюкзаки в сани и не торопясь побрели в

сторону озера.

Было раннее утро, поднималось над лесом солнце. Стоял небольшой мороз, просыпались птицы, несколько раз попадались заячьи следы. Снег был неглубокий, шагалось не тяжело, сани тащили по очереди, время от времени меняясь, чтобы не уставать сильно. Пару раз останавливались: перекусить да попить чаю из термоса.

На озеро добрались через два часа. Петька расчехлил бур и принялся сверлить лунки, Григорий раскидывал прикормку, расставлял «экраны» и «донки», помогал другу. Потом вскипятили чайник на плитке, перекусили бутербродами и немного посидели у лунок. Клёв был отменный, Сашка не обманул. За час с небольшим наловили штук двадцать больших окуней. Не зря, значит, тащились в такую даль.

– Слушай, – Пётр поглядел на небо, – погода вроде неплохая, может, поставим палатку прямо на озере?

Действительно: ветра не было, небо чистое, да и прогноз был хорошим.

Но Григорий сомневался:

– Да хрен его знает. Погода – вещь ненадёжная. Лучше найти подходящее место в лесу.

– Да, сейчас в лесу место искать... Потеряем часа два. Давай на озере поставим, первый раз, что ли?

Грише и самому не хотелось уходить от лунок. После некоторых сомнений решили рискнуть. Они установили палатку входом на юг, вбили крючья поглубже, закидали края

снегом, проверили застёжки, крепления и остались довольны. Ближе к ночи усталость дала о себе знать, они забрались в палатку и попытались заснуть. Небо было звёздное, на озере стояла тишина, по берегам шевелили ветками сосны да кричали лесные птицы. Приятели задремали.

Ближе к полуночи задул ветер, набежали тучи и повалил мокрый снег. С палаткой они не угадали. Ветер ударял как раз во входной полог. Переставлять её было уже поздно. Сохранялась надежда, что всё обойдётся, но ветер только усиливался. Первый же сильный порыв снёс их простенькое укрытие, оторвал растяжки от крючьев и погнал бесформенную кучу брезента в сторону леса. Григорий и Пётр бросились вдогонку. Вещи остались на льду, но они решили, что вернуться за ними позже. Сейчас главное было поймать палатку. Они забежали в лес и догнали там своё жилище.

– Пойдём за вещами? – спросил Пётр.

– Давай сначала палатку поставим, – Григорий часто дышал после сильного бега.

Они взялись за тент. На озере порыв ветра оторвал некоторые растяжки и спутал полотно. Крючья остались на льду, поэтому они решили растянуть палатку между деревьев. Рыбаки освободили один целый угол, у которого сохранилась растяжка, и привязали её к дереву, после чего стали растягивать в разные стороны брезент. В спокойную погоду и на открытом пространстве это была простая задача. Но здесь мешали сугробы, в которых приходилось барахтаться, чтобы

устоять на ногах. Коченели пальцы. Снежные заряды били в лицо. Холодный ветер рвал палатку из рук. В какой-то момент Григорий оступился и, пытаясь сохранить равновесие, выпустил край, который он удерживал. Метель тут же надула тент, как парус рванула палатку и оторвала единственную привязанную верёвку. Замёрзшие пальцы Петра не справились, ветер выхватил брезент, наполнил воздухом материю и унёс её выше деревьев.

Вьюга кружила снег, свистел ветер в сосновых кронах. Неистово махали ветки. Обречённо они прислонились к дереву с подветренной стороны.

– Нужно было сразу в лесу поставить, – Григорий дышал на согнутые пальцы, пытаясь согреть их.

– Сейчас-то уж чего вспоминать? Поздно, – Пётр повернулся к Григорию. – Что делать-то будем?

– Надо костёр развести. Спички у тебя есть?

Пётр достал коробок и, рассмотрев его, произнёс:

– Немного влажные.

Пётр стал ломать сучья. Он сложил их в кучу, встал на колени и закрыл будущий костёр от ветра. Григорий разбирал спички, выскивая сухие, но таковых оказалось немного. Он выбрал несколько и стал чиркать ими по очереди. Ему удалось разжечь их, но огонь получался слабым, его было недостаточно, чтобы поджечь ветки. Тогда Гриша взял оставшиеся, собрал их в пучок и чиркнул. Спички вспыхнули, он поднёс пламя к сучьям, и хвоя начала заниматься, послышался

даже негромкий треск пламени, друзья уже было обрадовались и вздохнули облегчённо, но ударил порыв ветра, качнул ближние деревья, и крупный ком снега сошёл прямо на занимающийся огонь. Пламя потухло. Спичек больше не было. Они сели друг возле друга, сомкнувшись боками и поставив спины ветру.

Григорий взглянул на друга. Тот сидел, опустив голову вниз, вложив руки в рукава фуфайки, и слегка покачивался.

– Не унывай, – приободрил Гриша, – сейчас пять минут отдохнём, вернёмся к рюкзакам и заберём топор. Потом нарубим веток, сделаем вигвам и переночуем.

– Неплохой план, – Пётр приободрился.

Они поднялись, отряхнулись от снега и пошли в сторону озера.

Внезапно Григорий остановился и принюхался.

– Дым, что ли? – спросил он Петра.

Тот поднял голову и стал шумно вдыхать воздух носом. Он тоже почувствовал едва уловимый запах:

– Точно дым!

Они оживились и стали пристально вглядываться в темноту, пытаясь отыскать источник спасительного огня. Но мешали деревья и падающий крупный снег ограничивал обзор.

– Пошли на ветер, – предложил Григорий, – дым явно оттуда.

Закрываясь руками от ветра и снежных зарядов, они побрели сквозь лес в ту сторону, откуда шёл запах дыма. Су-

гробы становились всё больше и больше, и всё труднее было пробиваться сквозь них.

– Может, найдём лыжи? – предложил Пётр.

– Долго. Быстрее пешком дойдём. Запах вроде усиливается.

– Мне тоже так кажется.

Продвижение было не быстрым. Ветер бил в лицо, и приходилось нагибаться, чтобы хоть как-то закрыться от снега. В некоторых местах сугробы доходили до пояса, и, чтобы пробиться сквозь них, приходилось разгребать снег руками, но запах дыма давал слабую надежду. В какой-то момент Григорий разглядел вдали трубу, торчащую из снега, из которой вырывался дым и яркие искры.

– Смотри, – указал он Петру, – похоже, там избушка.

– Очень похоже.

Не обращая внимания на снег, который залеплял глаза, и глубокие сугробы, они направились в сторону трубы, работая с удвоенной энергией, и вскоре, взмокшие от пота и мокрого снега, оказались у лесной землянки.

– Слава Богу! – Пётр чуть не плакал от радости.

Они толкнули дверь и вошли.

Внутри было светло. Григорий и Пётр рассмотрели мужчину, который ворошил кочергой в маленькой печке, и поздоровались.

– И вам здравствуйте, – мужчина бросил на них короткий взгляд и снова повернулся к печке.

Похоже, его нисколько не удивило появление поздних гостей.

– Погреться пустите? Не помешаем? – Гриша присмотрелся.

Землянка была небольшая, потолок низкий, в полный рост не встанешь, поэтому ему приходилось нагибать голову. У дальней стены стояли нары, возле них пенёк, заменяющий стол, и небольшая буржуйка слева от входа – вот и весь интерьер. Возле печки сидел старик, седой, бородатый, одетый в заплатанные штаны и свитер, на ногах – валенки, возле печки сушилась телогрейка и лежал рюкзак. В землянке вкусно пахло дымом и табаком. На буржуйке закипал чайник.

– Землянка общая, проходите, не стесняйтесь, – прошептал дед беззубым ртом, кивнув головой в сторону нар. – Чаю хотите?

Они сели поближе к печке, дед достал сухари и конфеты. Недолго почаёвничали. Покурили. Посетовали на погоду. Григорий и Пётр рассказали о своих приключениях.

Дед сочувственно поцокал языком:

– Ничего. Утром метель уляжется, отыщете свои вещи. Не пропадут.

В печке уютно потрескивали дрова, Григорий и Пётр разложили сушиться промокшую одежду, напились горячего чаю. Накатывала усталость, и рыбаков потянуло в сон. Они перебрались на нары, и Петька спросил, чтобы не занять чужого места:

– Отец, ты где ляжешь-то?

– Я устроюсь, не переживайте. Вы ложитесь где хотите, места хватит.

Они улеглись поперёк нар. Их разморило от печного тепла. Очень быстро веки сомкнулись, и два рыболова негромко захрапели.

Первым проснулся Григорий. Было ещё темно. Пётр спал, свесив ноги с «постели» и положив под голову шапку. В землянке густо пахло едой. Старик всё так же сидел возле печки и что-то кашеварил. Он заметил Григория:

– Есть будешь?

– Спасибо, – поблагодарил Гриша и пересел ближе. Он взял в руки банку с гречкой, в которой угадывалась тушёнка, и стал орудовать ложкой.

В лесу еда особенная, не сравнимая ни с чем. Пахнет дымом, морозом, деревьями...

– Как рыбалка-то? – спросил «кашевар».

– Неплохо. Окуней штук тридцать да ещё вот таких сигов с десятков, – Григорий развёл ладони, показывая размер рыб. – Позже проверим донки, может и на них что клюнуло.

– Здесь сига много. Раньше, было дело, я ведрами рыбу домой таскал, – поделился дед приятными воспоминаниями.

Потом он посетовал, что рыбы стало меньше, городские туристы всю повылавливали сетями да электроудочками... В общем, обычное старческое ворчание.

Посидели, помолчали, в печке трещали поленья, снаружи

задувала вьюга.

– Надо бы за дровами сходить, – произнёс дед.

– Я сбегаяю, – Гриша поднялся.

Он вышел наружу. Метель стала ещё сильнее. Сквозь деревья он видел поверхность озера, где образовывались большие налёты. Землянку тоже понемногу заваливало, он раскидал ногами насыпавший у двери сугроб, потом достал из поленницы несколько чурок и взялся за дверную ручку, чтобы зайти внутрь, как вдруг услышал вдалеке чей-то вой. Звук был протяжный, секунды три, не больше, но Григорию стало жутко. Он подумал об оружии и посетовал, что топор и ножовка остались на озере.

– Слышал? Кто-то в лесу выл, – спросил он у деда, вываливая дрова на пол сбоку от печки.

– Волки, наверное, – дед был спокоен, – тут зверья хватает.

– На людей нападают?

– Не слышал, – старик подкинул в огонь полено. – Волки на людей боятся нападать. Вот россомаха, та может. Вы-то как это озеро нашли?

– Друг один рыбачил здесь. Он и посоветовал. Говорит, места глухие, конкурентов нет... – Григорий улыбнулся.

– Поня-ятно, – протянул дед.

Проснулся Петька. Он сел на кровати, зевнул и, натянув валенки, пошёл на «двор». Вернулся скоро, вошёл в землянку, «умывая» руки снегом:

– Задувает, однако.

– Скоро успокоится. У нас метели долго не дуют.

– А вы местный? – Петька отхлебнул предложенный чай.

– Местный. Один только и остался.

– Жили поблизости?

– И жил, и работал... Леспромхоз стоял недалеко... Раньше... А здесь деревня была большая... дворов пятьдесят... – дед говорил не торопясь, поглядывая то на огонь, то на гостей. – А что, ребята, самогонки не хотите?

– Что? У тебя и самогон есть?

– Как не быть? – дед потянул из своего рюкзака железную флягу.

Разложили закуску, пошла по кругу фляжка, потекла внутрь самогонка, качнула голову, да под гул самодельной буржуйки ещё уютнее стало в землянке и оживилась компания.

– А где ваш улов-то?

– На озере оставили. На льду.

– Не потеряете?

– Нет. Мы палку воткнули с тряпкой.

– А что сейчас с деревней? – спросил Пётр. Ему понравился дед, и он решил, что тому будет интересно повспоминать прошлое да порассказать случайным знакомым о своей жизни.

– Закончилась деревня, – вздохнул старик, – леспромхоз закрыли, работы не стало, все и разбежались. Молодёжь в

города, старики – в могилу. Пустая деревня. Я один остался.

Хороша «мутная» в тёплой землянке, под нехитрую закуску и в мужской компании. Вдали от городской суеты, от наскучившей работы, семейных хлопот и повседневных забот. Вместо людской толпы – хвойный лес, вместо автомобильных газов – запах сосен, и вокруг тишина, покой и азарт рыбалки. Хороша самогонка...

– Землянку сам строил? – оглянулся по стенам Петр.

– Нет. Ещё до меня поставили. Много здесь рыбаков да охотников было.

– Хорошая землянка.

– Хорошая, – согласился дед. Поглядел в пол, видимо, вспомнив что-то, и улыбнулся. – Спасла она меня однажды, – старик обнёс всех табаком и бумажками, показывая, как свернуть самокрутки.

– Случилось что? – Гриша закурил «козью ножку».

Старик затянулся:

– Было дело. Я мало кому рассказывал. Не верит никто. Говорят, пить меньше надо. Да я бы и сам не поверил. Столько лет прошло... Я уже и сам думаю: может, почудилось что по пьяному делу, – он на секунду задумался. – А может, и нет.

Дед глотнул из фляжки, закусил куском сала и с удовольствием затянулся махоркой. Потом перебрался на нары и, поудобнее растянувшись, начал рассказ:

– Я в эту деревню после армии перебрался. Один сослу-

живец мой отсюда родом был, он и посоветовал. Тогда на лесоповале хорошо зарабатывали, не то что в нашем колхозе. Ну, я и поехал. Устроился в леспромхоз, потом женился на местной, дочь родили, избу поставили. В общем, всё как у людей.

Разговорился дед, видно, наскучило ему одному. Поговорить не с кем, вот и выкладывает вслух то, что в себе копил.

– Ну вот, значит. Был со мной в бригаде мужик из местных – Иван. В возрасте уже. Да только странный какой-то. Всё стороной держался, ни с кем не дружил. Самогонкой особо не баловался, не рыбак и не охотник. А у нас в деревне занятий и не было вовсе никаких. Мужики на охоту ходили или с удочками на озере сидели. А Иван всегда в доме. Жил он с бабой, Клавдией звали, не расписаны были. Она тоже всё людей сторонилась. Из дома в магазин и обратно. Никуда особо больше и не ходила. Ни подруг, ни родни. Так вдвоём век и коротали. Дом у них на самом краю стоял, возле леса.

Случилось как-то осенью, до снега ещё, работать мне в паре с Иваном. Километрах в двух отсюда «палки роняли». Иван «Дружбой» махал, а я «толканом» орудовал. День к концу подходил. Задержались мы чегой-то и не заметили, как темнеть стало. Иван бензопилу заглушил, и пошли мы в деревню. А тут ливень начался. Темень, ни зги не видать. Хорошо, Иван про эту землянку знал. Ею приезжие охотники пользовались. Они и строили, наверное. Нам-то, местным, она ни к чему. В таких землянках всегда есть небольшие за-

пасы: и дрова сухие, и продукты, и соль со спичками, – докурил самокрутку дед и затушил окурок в железную банку. – В этой землянке мы и укрылись до утра. Утром дождь кончился, мы проснулись, собрали «Дружбу» и домой пошли, а землянка у меня в памяти осталась. Как знал, что пригодится.

Ну вот, а через несколько месяцев, зимой, после Рождества, встречаю я Ивана на улице. Я тогда сильно с похмелья был. Праздник отмечал. Подлечиться мне нужно было, я и спрашиваю его: «Мол, у тебя самогонки нет? Может, продашь?» А он отвечает, что, дескать, самогонка у него есть, но он ей не торгует, а вот похмелить может. А мне этого и надо.

Пошли мы к нему в хату. Приходим. Жена на стол накрыла, литру поставила, всё-таки Рождество. Я, хоть и не верующий, но любил самогоночку по праздникам. Они тоже, видно было, гостю обрадовались. За стол сели, всё чин чином: селёдка, картошка, грибочки, побеседовали о том о сём, жена за второй литрой ходила. За разговорами и не заметили, как стемнело. Думаю, надо и честь знать, поднимаюсь я домой идти, а только чувствую, что ноги не слушаются. Так напился на дармовщинку, что и до хаты своей вряд ли дойти бы смог. А Клавдия и говорит: «Ну куда ты в таком виде? Ещё замёрзнешь по дороге. Оставайся у нас. Я тебе в комнате постелю. А проспишься, так и пойдёшь». Думаю, действительно, переночую у них, а жене потом всё объясню. Отвели они меня в комнату. А комната странная какая-то: стены глухие,

без окон, ковры всюду от потолка до пола. А посреди комнаты – кровать железная с матрасом и одеялом. Клавдия мне и говорит: «Раздевайся, ложись». Я верхнюю одёжу снял, а куда покласть, не знаю, мебели никакой в комнате не было, ни тумбочки, ни шкафа. Клавдия, видя моё замешательство, протягивает руки: «Давай одёжку, я в сенях положу, не пропадёт никуда, отдыхай пока». Ну и лёг я под одеяло в одном исподнем, даже носки снял.

Сколько проспал, не помню, а только просыпаюсь я от того, что как будто кто-то толкнул меня. Глаза открываю, а самого страх какой-то непонятный охватил с головы до пят. Чувствую, как волосы на голове шевелятся. Ничего понять не могу. Сначала вроде как даже забыл, где нахожусь. В комнате темно было, только через дверной проём немного света шло. Смотрю: в дверях Иван. Стоит как истукан и смотрит направо от меня. Я тоже туда голову поворачиваю, а там Клавдия и тоже как истукан, руки в мою сторону тянет. Взгляды у них какие-то странные, глаза пустые, смотрят насквозь и светятся немного. Я встаю с кровати и слышу голос какой-то в комнате, тихий такой, как будто старушечий: «Смотрите, он просыпается. Хватайте, чтобы не ушёл». Клавдия с Иваном на меня двинулись. Идут как во сне, неторопливо, молча. Меня паника охватила. Спина холодным потом покрылась, волосы на затылке зашевелились. Стал я соображать, что делать-то? Бежать, думаю, надо, а куда? Дверь Иван заслоняет, сбоку Клавдия идёт. Я в угол бросился. Они

– ко мне, а чтобы до меня добраться, Ванька должен был от двери отойти. Он и отошёл, дверь освободилась. Я и шмыгнул туда.

Выбегаю на улицу. На дворе ночь, где-то далеко собаки брешут, остановился я и тут только понял, что стою босиком на снегу, в одних подштанниках и рубахе. А в голове старушечий голос всё шепчет и шепчет: «Верни-ись, – протяжно так, – верни-ись». Спокойный такой голос. У меня от него волосы дыбом встали. Оглянулся я: позади изба Клавкина, а впереди лес. Смотрю: из дома Ванька выходит и Клавка за ним. Бредут не спеша так, уверенно. На меня уставились и глядят, не мигая, но что больше всего удивительно: пар у них изо рта не идёт, как будто не дышат совсем. Ох и перетрусил же я тогда.

Побежал в лес куда глаза глядят. Сугробы по колено, я прыгаю из последних сил, а Ванька с Клавкой шагают по снегу, как по земле, и не проваливаются. У меня ноги мёрзнут, сам продрог. Но гонит страх куда-то. А в голове старуха повторяет всё и повторяет: «Верни-ись, верни-ись».

Хорошо хоть небо чистое и луна полная, яркая, как фонарь. Прыгаю по сугробам, спотыкаюсь, ноги в снег проваливаются, горят от мороза. Холод пронизывает, огляделся, думал на дерево какое залезть, потому как боль в ногах, уже совсем терпеть невозможно. Продираюсь сквозь сугробы, дерево подходящее присматриваю. Ничего не попадается, как назло. То ветки высоко – не дотянуться, то стволы слишком

толстые – не обхватить. Хотел заорать, на помощь позвать, набрал воздуха полную грудь, а он студёный, как руками меня за глотку схватил, закашлялся я и охрип в момент. Ну, думаю, конец мне настал, остановился, развернулся и приготовился преследователей своих встречать. Думаю: зубами за свою жизнь грызть буду. Стою, кулаки сжал, мороз до костей пробирает, ноги горят, по щекам слёзы бегут. «Прощайте, – думаю, – жена и дочь, видать, не свидимся больше». Смотрю, однако, преследователи мои подотстали немного. Стал я озираться вокруг, думаю, ну должен же быть какой-то выход! И тут я про землянку вспомнил. Вспомнил, где по осени ночевали с Иваном, и дорогу на лесную делянку, где лес валили, тоже вспомнил. Обрадовался, как дитё, и побежал из последних сил.

Сыскал эту избушку быстро. Забежал внутрь, дверь поленом припёр и залез на нары. А немного погодя слышу: за дверью снег хрустит. Шарится кто-то снаружи. В дверь скребётся. Сижу я ни мёртв ни жив. Взял в руки палку, забился в угол и молчу. Долго ходили, и шаги такие чудные, на звериные совсем не похожи. Как будто шаркает кто-то. А в голове у меня опять тот же шёпот: «Ты здесь, что ли?.. Отзовись, – говорит, – выходи, всё одно тебе деваться некуда».

Стал я креститься, хотя в Бога не верил. Шепчу про себя: «Помоги, Господи, помоги». Похмелье с меня как рукой сняло, протрезвел, как стёклышко.

А за дверью всё шаркают и в дверь скребут. Сколько про-

должалось это, не знаю. Но только рассвело скоро. Солнечный свет в щели проник. Шаги за дверью пропали. Успокоилось всё, тишина наступила. Лежу я на нарах, в калач свернулся, глаза в дверь вперил, а самого дрожь бьёт, всё никак от погони отойти не могу, вспоминаю, как Иван с Клавкой по снегу идут бездыханные да голос этот старушечий... Мураши прямо до костей пробирают. Заревел без удержу, слёзы ручьём, утирать не успеваю. Долго так лежал, пока всё не выплакал, но всё же успокоился, отпустила меня дрожь. Отдышался я немного, а потом запасы искать начал. Сухари нашёл, спички, печка полная дров была. Затопил потихоньку, из каких-то тряпок портянки соорудил. Печка быстро разгорелась. Тепло пошло. Лежал я, лежал да и заснул крепко.

Нашли меня мужики с леспромхоза. Просыпаюсь, а вокруг бригада наша стоит. Расспрашивают, дескать, что случилась-то? А у меня внутри пустота какая-то, забыл, как разговаривать. Не могу и двух слов выдать, всё мычу да мычу. Так ничего и не рассказал им.

Дома жена мне компресс с самогонкой к ногам привязала. Отмыла, передела, в общем, в порядок привела. Сели мы за стол, чуть выпили, закусили, у меня язык и развязался. Открылся ей, рассказал о приключении своём. Думал, ругаться будет, но она выслушала и серьёзно так посмотрела на меня, а у самой в глазах испуг, говорит: «Нехорошая молва про эту Клавку ходит. Жила она до этого с двумя сожителями, да только повесились оба. И мать её, когда помирала, несколь-

ко дней криком кричала, всё никак отойти не могла. Только когда мужики крышу пробили, тогда и упокоилась».

С тех пор обходил я стороной Клавкину избу и с Иваном в одной паре больше не работал... Такая вот история у меня с этой землянкой приключилась.

Дед устало вздохнул, зевнул в руку, бороду погладил и заснул тихо.

Печка затухать стала. Григорий сходил ещё за дровами. Снова почаяёвничали да по самокрутке выкурили.

Рассвело скоро, погода действительно успокоилась, как дед и обещал, небо очистилось, солнышко показалось. Рыболовы отыскиали улов, собрали вещи, какие метель не унесла, и вернулись вечером к узкоколейке. Дрезина не опоздала. Машинист подобрал их в условленном месте, и поехали они в райцентр, где машину оставили. Покачивалась дрезина на разбитых путях, пыхтел дизель. Прыгал впереди свет от прожектора, слабо освещая путь. Звёзды неслись вдогонку состава.

Улыбчивый машинист раскурил папироску:

– Ночью выюга была, как вам в палатке ночевалось-то?

– Унесло нашу палатку, – вздохнул Гриша.

– Мы землянку в лесу нашли, – пояснил Петька, – там и заночевали.

– Землянку? – удивился машинист. Он ненадолго задумался, затягиваясь табаком, и продолжил. – Была здесь одна землянка. В ней как-то давно мёртвого лесоруба нашли.

Голого и босого. Жена у него осталась с дочкой. Да только эта землянка сгорела давно. Как раз после того случая, – он посмотрел с подозрением на пассажиров. – Может, вы путаете чего?

Григорий и Петька переглянулись между собой, но ничего не ответили.

После слов машиниста Гриша ощутил неприятный холодок на спине и перевёл взгляд в окно. Дрезину трясло на кри-вых рельсах. Стучали колёса на стыках, поднимался в небо дым от дизеля. Окружающий лес скрывался за темнотой. В кабине все молчали.

Григорий смотрел на своё отражение в оконном стекле и вдруг отчётливо услышал, как незнакомый старушечий голос шёпотом протянул: «Верни-ись».

Андрей Драченин. «Злой дух»

Изба оказалась хорошая: срубленный лет эдак с пятьдесят назад ладный бревенчатый пятистенок. Он уверенно опирался мощными первыми венцами на фундамент и всем своим видом показывал, что до ветхости ему ещё ой как далеко. Банька оказалась под стать: крепкая, приземистая, с тёплым предбанником, где уже висело на стене штук пять свежих веников и лежала стопка чистых простыней.

Хозяйка этой красоты, Марфа Никитична, подбросив пару полешек в печь, уже растопленную в доме, принялась деловито показывать и рассказывать, где что лежит, откуда носить воду: центрального водоснабжения здесь не было. Её внучка Нюрка играла во дворе. Я ненадолго остановился, воспользовавшись тем, что Никитична озаботилась вопросом обеспечения полотенцами и убежала в избушку неподалеку, через огород – там они и жили с Нюркой, сдавая большой дом желающим провести время в деревенской тиши. Почти рядом текла спокойная речка, обещавшая рыбалку и купание, так что от постояльцев не было отбоя и летом.

Так вот, пока хозяйка дала послабление со своей организационной суетой, я блаженно выдохнул и окинул взглядом окрестности. Солнце ярко светило, а воздухе, вопреки ожиданиям южан, пощипывал морозной остротой. Сугробы блестяли, ёлки за околицей стояли припудренные инеем, в небо

тянулись вырастающие из засыпанных снегом крыш серые ленты дыма.

Взгляд мой от созерцания окружи опустился к играющей Нюрке. Та возилась с тряпичной куклой: катала её на маленьких санках. Видимо почувствовав внимание, она посмотрела в мою сторону. Глаза у меня вдруг заслезились, непроизвольно прищурились: облик девочки поплыл, сверкая бликами, словно я прямо глянул на солнце или мелкая проказница пустила в меня его отблеск осколком зеркала. Я напряжённо заморгал, но тут нечто тёмное надвинулось, перекрыв слепящее сияние и в руки ткнулся ворох чего-то на ощупь ворсистого, застывшего жестковатыми листьями. Когда перед глазами разъяснилось, стало понятно: Никитична вернулась с охапкой пахнувших морозом полотенец.

– На вот, подсоби. В избе на верёвочку повесь – дойдут у печки, а то после стирки на дворе вымерзали, – сказала она, всучив мне принесенное. Смотрела в этот момент как-то пристально, будто встревожено. Слегка озадаченный я отправился выполнять поручение. Попутно ещё раз глянул на Нюрку: да вроде ничего блестящего: так, сидит худенькая девчонка, с игрушкой возится.

«Похоже от наста засвет поймал, вот и показалось», – объяснил я себе. Когда опять вышел во двор, девочки там уже не было, а Никитична громыхала чём-то в бане. Я пожал плечами и пошёл дальше осваиваться.

А занесло меня в это удалённое от цивилизации место

по следующей причине: решили мы с друзьями Новый год небольшой компанией встретить без городской суеты, всех этих криков и взрывов на улице. Громкого и активного общения с людьми нам всем хватало на работе. Порешали взять несколько дней в счёт отпуска и укатить в одну деревню – Серёга где-то адрес нарыл: дом, баня, лес. Можно и на лыжах пробежаться, и горка с санками наверняка найдётся. Даже с удочкой посидеть есть где над лункой. Красота! Ну а чтоб не суетиться бестолково всей этой толпой привыкших самостоятельно принимать решения людей, я решил заехать на денёк пораньше: разведать что? как? подготовить всё. Решил и рванул прямо с раннего утра на своей старенькой, но не подводившей зимой Хонде. К обеду приехал и всё закрутилось.

Марфа Никитична наконец ушла, тщательно убедившись, что я всё понял по комплектации и технике безопасности в эксплуатации вверенного имущества. Ну а я решил, пока дом медленно, но верно набирал тепло, пополнить запасы колотых дров. Их было полно в сарае, однако хотелось размяться, да и занять себя чем-то было нужно. Почитать, если что, и вечером успею.

Взяв под навесом неплохой тяжёлый топор, подступил к куче заснеженных чурок. Первая пошла не очень, потом потихоньку втянулся так, что даже нервно дёрнулся, когда сзади громко окликнули:

– Паря, никак с города в нашу мухосрань?! – у забора стоял, расслабленно опершись на верхушку штакетника, хитро-

вато улыбающийся мужичок в изрядно замызганном синем пуховике и сдвинутой на затылок вязанной, такого же цвета, шапке. Всё лицо его, скомканное складками и морщинками, напоминало облик весёлого гнома из какой-нибудь сказки.

– Да вот, решили от суеты городской у вас спрятаться, – ответил я.

– Что есть, то есть, тишина тут – гробовая. Да и правильно так, по-тихому, без ферверков всяких: он ведь яркостей не того, не любит. А по мне и так хорошо: стакан выпил да к бабе под бочок, если есть к какой. Ну а нет – можно и второй, да третий: по здоровью, в обшем. Смекаешь, о чем я, паря? – пустился в смутные рассуждения мужичок.

– Э-э, не понял: кто не разрешает? – уточнил я, озадаченный неопределенной отсылкой «он». Председатель что ль какой или, как там ещё бывает, староста? Дак сейчас поди и нет такого. И в смысле – по-тихому? Тусить прям с размахом не собирались, но и как мыши сидеть – стакан и под бочок, – тоже не планировали. Девчонки у нас звонкие: как начнут ржать. Да и мы с Серёгой это дело любим – Саня-то так, он больше молчун.

– А, дак ты совсем не местный? Думал, мож к тётке али бабке прикатил... Ну-у, тады... Ладно, пойду я, паря, а то чей-то заболтался, точно делов нет. Давай, пока, – неожиданно скомкал разговор мужичок и побрёл восвояси, оставив меня с некоторым не совсем осознаваемым, но неприятным осадочком. Его я, правда, отодвинул, опять за колун взялся,

а то уж замерзать начал, выслушивая загадочные речи.

Примерно часам к шести в целом всё было готово: дом неплохо прогрелся, дров я наколол в запас, воды еще натаскал из проруби с прицелом на завтрашнюю баню и даже мясо на шурпу поставил потихоньку томиться в большом чугуне в горниле русской печки. Осталось дожидаться своих: Серёга с Маринкой, Саня с Наташкой и моя Светка должны были подтянуться на следующий день. Я поужинал салом и варёной картошкой с маринованными огурчиками – часть продуктового запаса была мной уже прихвачена, – тяпнул под это пару стопок в честь завершения важного дела и решил немного прогуляться: Серега говорил, что места вроде спокойные. На улице уже стемнело, но в дом я возвращаться не стал: хотелось немного осмотреться, по деревне зажигались огни, обещая какой-никакой ориентир, да и фонарик имелся.

В целом и впрямь было тихо: так, собаки временами о чем-то гавкали. Я пошел, не торопясь, идущей кругом по всей деревне улице, поглядывая на добротные домишки и невольно прислушиваясь в общей тиши к временами доносящимся звукам обычной жизни. Сделав один кружок, двинулся на второй.

Вдруг от одного темного двора, с нечищеными подходными дорожками и отсутствием какого-либо признака жизни, ко мне направилась некая лохматая тень. Я щелкнул фонариком: ей оказался мужик то ли в собачей, то ли волчьей шу-

бе и такой же шапке, надвинутой на брови. Глаза его смотрели пронзительно и диковато. Он вышел на середину улицы и преградил мне путь – пришлось остановиться, не бодаться же без разбора, может обознался человек.

Странный мужик начал сразу напористо:

– Ты, парень, видел чего сегодня? Видел же? Кто? Кто – скажи?

– Э-э, дядя, тебе что надо? Что тебе сказать, не пойму? – я несколько опешил – белочка, что ли мужика навестила?

– Ну смотри, парень... Приезжий ты, не твоё это дело. Но будешь юлить – твоим станет. Тогда не обессудь.

Да блин, что ж такое, один не понятно на кого намекает, второй чуть ли не за грудки треплет: приехали отдохнуть в тихое место. Не по себе, в общем, стало. Дать бы ему в рог, и дело с концом, но что-то сквозило в его слова. Кто их знает, местных, на чем они тут самогон настаивают.

Мужик ещё злобно посопел, недобро зыркнул и, видя моё молчание, прошёл мимо, почти толкнув плечом.

Настроение гулять пропало, но к дому было идти вслед за этим странным типом, и я решил пока в другую сторону податься, чтобы не стоять, не мёрзнуть и дать ему уйти подальше. Тут-то и заприметил почти сразу хорошо утоптанную тропинку меж двух домов – тёмным, от которого мужик подошел, и следующим, где горели окна и повизгивала собачка, – ведущую куда-то в лес. Дай-ка, думаю, прогуляюсь пока по ней: далеко, если что, не пойду. Хотя очень уж широкая и

твёрдая дорожка, наверняка часто ходят, да не по одному – куда ведёт, интересно? Что там, не кладбище же поди, зачем туда часто шастать? В темноте от мысли о кладбище стало как-то жутковато, но я одернул себя: то же мне, пионер нашелся, сам себя страшными историями пугать.

Тропа плавно изгибалась меж заснеженных огромных елей, идти по прибитому ногами снегу было легко, и я, вопреки первоначальным намерениям, двигался все дальше и дальше. Погрузившись в монотонность ходьбы и течение мыслей о разностях жизни, даже не сразу удивился возникшему впереди свету: костер? фонарь? окошко в лесной избушке? Наконец, заинтересовавшись, пошел чуть осторожней, чтоб невольно не потревожить того, кто бы там ни был.

Впереди обозначилось нечто тёмное, с теплящимся огоньком посередке. Когда подошёл ближе, разглядел, что это и впрямь небольшой домик среди сугробов – сам почти как один из них: стены инеем покрыты, дымок над крышей не вьется, распахнутая дверь обстановку мрачную открывает. Только слегка что-то горит чуть живым тёплым огоньком: свечка, что ли на столе оплывает? Ещё в глаза столб бросился у края тропы, что как раз к проему входа вела, и обрывок обледенелой верёвки на нём: собаку что ли привязывать, прям у порога?

Я с опаской подошёл и заглянул:

– Есть кто?

Ответа не прозвучало. В домике и впрямь стоял почер-

невший деревянный стол с такими же лавками. На нём почти догорала свечка в изрядной лужице воска. Лишь она малость позволяла осмотреть обстановку – окон не было, а лунный свет от двери я перегородил, – внутри стены были также заиндевелые, небольшая печь вообще покрыта потеками льда, в одном углу виднелось что-то вроде топчана, на котором лежала груда припорошенных инеем одеял.

Уж было хотел уйти – че соваться в заброшку, – но взгляд опять вернулся к огоньку свечки: тот притягивал, мерцая жёлтым светом, становясь всё ближе и ближе. Неожиданная вспышка резанула по сетчатке глаз, заставив замереть и зажмурился, словно тогда, во дворе. Несколько раз моргнув, я понял, что это не свеча ближе становилась, а я сам, засмотревшись на неё, как замороженный переступил порог и вошёл внутрь. Немного растерянно я опустил глаза вниз и вздрогнул: ещё шаг и я бы рухнул в чёрную квадратную дыру подпола. Когда-то закрывающая его крышка валялась неподалёку.

В голове судорожно пытались расшевелиться застывшие от неожиданного стресса мысли: «Это... специально что ли? Заманивает кто-то? Да ну... Хрень какая-то... Ещё б маленько и...» Я всё быстрее попятился к двери, с нарастающим ужасом смотря на зияющий провал, боясь даже думать, что из него кто-то или что-то может полезть. Уже почти развернулся, чтобы шагнуть наружу, как дверь захлопнулась прямо перед моим носом. Пару раз безуспешно уда-

рив в нее плечом, я резко развернулся и тут свеча погасла. Вдруг волной накатила стужа: опалила лицо, пробралась в пальцы рук ноющей болью. В крошечном мраке, со стороны топчана, послышался какой-то звук, словно там было что-то живое. Ну или неживое, но от этого стало ещё страшней. «Да блин! Это же точно были просто одеяла!» – вспыхнуло в мозгу паническим отрицанием. Что-то я там заорал, неразборчивое и стыдное, принялся как попавшая в силки птица, биться всем телом в дверь, судорожно втягивая в себя перехватывающий дыхание холод. Тупая боль охватила виски и затылок, в голове зазвенело всё громче. Тут перед глазами опять вспыхнуло и будто позвало лёгким голоском, но я уже летел, кружась в разверзшийся подо мной бездонный колодезь, которой милосердно поглотил меня.

Кто-то нежно касался моего лица. Я открыл глаза: на меня смотрела с некой наивностью и открытостью, как может смотреть только не придавленный тяготами жизни ребенок, внучка Никитичны Нюрка. Она чем-то увлечённо смазывала моё лицо, обмакивая пальчик в маленькую плошку.

– Ну будет уже с него, и так на два слоя извадюкала – к утру как новый станет, – послышался сбоку знакомый голос Никитичны.

Я повернул голову: приглушенно горел стоящий на полу торшер с оранжевым абажуром – в комнате налево от печки лежу значит, в арендованном доме, понял я, – Никитична стоит рядом с кроватью и смотрит с некоторой тревогой,

Нюрка сидит рядом со мной, забравшись на кровать с ногами.

– Ну что, оклемался? Куда ж тебя понесло, неугомонный, да ещё в такое время, да почти ночью? Ещё б позже пошёл по незнакомой деревне шататься. Хорошо я забежать решила. дай, думаю, гляну, как там гостенек устроился, – проворчала хозяйка дома, потом подала кружку с каким-то отваром. – На вот – выпей. И давай, отлеживайся, пошли Нюрка.

Девочка послушно слезла с кровати и направилась за бабушкой. Но перед этим улыбнулась и сказала тонким, чем-то знакомым голоском:

– Выздоровливайте, дядя Андрей.

Охваченный слабостью, я прохрипел:

– Что это было?

Марфа Никитична притормозила, пропустив внучку перед собой и ответила, не встречаясь со мной глазами:

– Что – это? Посреди улицы ты валялся, у брошенной хаты. Так бы и замёрз, гостенек, кабы не я такая беспокойная.

– Там тропинка была... И избушка застылая... Свечка... На топчане кто-то... – упрямо выдавливал я слова из перехваченного жутью от мелькающих воспоминаний горла.

Тут Никитична глянула мне прямо в глаза:

– Поблазнилось тебе: сомлел с непривычки, воздух у нас такой. Забудь. И ночами не гуляй. – Больше ничего не добавив, вышла.

Поблазнилось... ага, точно. Я вдруг понял, почему голос

Нюрки показался мне знакомым: это он звал меня, когда я летел в бездну чёрного колодца.

Уютный свет торшера мягко заполнял комнату, за стенкой умиротворяюще потрескивала печка, лёгкое пуховое одеяло ласково обнимали уставшее тело. Да и отвар Никитична, похоже, непростой принесла: не только горло согрел. Переживания дня и вечерняя встряска стали постепенно растворяться, отодвигаться вдаль, и я не заметил, как уснул.

Утром встал бодрым: только лёгкая ломота в теле говорила о вчерашней активности – больше о колке дров, чем о другом, – да ещё лицо было слегка покрасневшим. Знахарка эта Никитична, что ли: перед сном ощущение было – точно заболелю, не иначе. При свете дня произошедшее накануне казалось практически нереальным, а то и вовсе приснившимся. Но некий червячок мрачных мыслей всё же внутри шевелился. Поэтому, растопив печь и позавтракав, я направился поискать хоть какие-то следы вечерних приключений.

Никакой широкой, хорошо утоптанной тропинки не было. Имелись явно заброшенная хата и рядом вполне жилая – там всё так же повизгивала собака, – но пространство между ними, выводящее к лесу за околицей, сплошь укрывалось полутораметровыми сугробами. Я беспомощно оглянулся. Неужели и впрямь привиделось?

– Потерял чего? – из-за ограды, откуда повизгивала собака, вышла одетая в телогрейку и серую шаль полная женщина. Лицо её сияло добродушием и участием, но что-то цеп-

ляло, выбивалось из этого облика.

– Да вот... А у вас в той стороне что? – вдруг решил прямо спросить я.

– Ты о чем? Ну смешной – вот же, перед глазами – лес, не видишь, что ль? – вроде немного неловко, но широко улыбаясь пошутила женщина, а я наконец понял, что меня в ней насторожило – глаза. Напряжённые, изучающие, тревожные: никак не вяжется с показным добродушием, словно опасается она меня или ожидает чего. Может у них приезжие накопили недавно? Или всё же?..

– А зимой вы в эту сторону тропинку топчете? – спросил я ещё, впрочем, на честный ответ уже не надеясь.

– А чего туда ходить? Ни грибов, ни ягод – подснежники собирать? – ожидаемо отшутилась тётка. – А то ещё куда провалишься, стужей прихватит, и сам подснежником станешь. Не, не ходим и другим не советуем. Ну, пойду я, курям надо дать. – И скоренько убралась за ограду.

Очень не понравились мне её слова про «провалишься» и прочее. Брякнула невпопад и пальцем в небо? Или сболтнула случайно? Как-то не верилось.

Пошёл я в неприятных раздумьях до «своего» дома. Вопреки желанию собраться и свалить отсюда на хрен, пошёл растапливать баню: а то скоро уже народ нагрянет. И поди, объясни, почему так долго планируемые выходные надо вдруг отменить и всех ждёт не веничек горячий с дороги, а обратный путь с мутными, пахивающими психушкой раз-

говорами на сладкое. Не поверят: я б и сам не поверил. Да и сейчас не до конца понял: было, не было, а если было – то что?

В общем пока баню затопил, от малость нападавшего за ночь снега двор почистил, попутно подкидывая в печку дров, время к обеду и добежало. Вот уже и Рафчик Серёгин у забора сигналит, и сам он орёт как потерпевший:

– Андрюха! Красава! Всё дымит, шкворчит, открывай да наливай!

Следом Саня пер два баула с продуктами и чём-то звенящим, а девчонки уже неудержимо фоткались на фоне колоритных пейзажей. Все меня в очередь обняли, высказали респект в сторону подготовки общего досуга, а Светка смачно поцеловала в губы. После этого в жизни опять заиграли веселые нотки, вытеснив мрачную композицию, что обычно играет как фон для разных хорроров.

Ну а там закрутилось: за встречу, да между первой и второй, за любовь да под горячее... В общем, окончательно растворилась ночная жуть в алкогольной эйфории, море измельчало и лишь варёные яйца, что остывали в кастрюльке с водой, могли составить некую конкуренцию своей крутостью, да и это не точно. Потом мы всей гурьбой завалились в баню: мягкая истома первого пара, аромат распаренных дубовых листьев, забивающий дыхание жар, азарт охаживания боков горячим веником и как финалочка – обжигающе-бодрящие объятия сугроба. Хорошо! Девчонки тоже ма-

лость побоялись, но в итоге по разику в снег сбегали: визгу было! В общем – замечательно начали.

Позже, когда наши барышни, закутав головы полотенцами, отправились домой сушиться, а мы остались ещё посидеть в предбаннике попить пива, я всё-таки рассказал парням о происшедшем: о мужиках этих, о избушке замороженной, о тётке. Когда о свечке, погребке и двери, которая сама захлопнулась, говорил, терялся даже, словно сам не очень-то верил в произошедшее: поди расскажи о той жути, которая уже просто кошмарным сном кажется.

– Андрюх, а ты ничего не курил тут, в одного? Или может бухнул с тоски, а? Или печка у Никитичны дымит – угорел малость? – давай глумится Серёга.

– Да иди ты, – огрызнулся я. – Самому уже стремно, буд-то псих я какой. Дак раньше галюнов не наблюдалось, хрен знает.

Я посмотрел на Саню: тот, как водится, молчал, но как-то не понравился мне его взгляд – пряталось в нём что-то.

Вдруг в доме завизжали. Серёга, ходивший покурить, как самый одетый, сразу ломанулся туда. Я начал натягивать на влажное тело штаны, от спешки ещё больше путаясь и застревая. Саня матерился, въехав коленом в угол стола. Не успел я толком застегнуть ширинку, как Серега вернулся:

– Да они там, дуры, мышь увидали, блин. Ору-то, ору. Я после твоих баек, Андрюха, думал всё, хана нашим бабам. Топор даже на ходу цапнул. Походу ещё больше их напугал.

Нас накрыло хохотом облегчения. Наперебой посыпались шуточки, у кого какие глаза были, кто как подорвался. Предположения, что Серый с топором оставил своим шармом неизгладимый след в нежной женской психике – мышь отдыхает. Выпили еще пивка, решили погреться сходить.

Тут в предбанник Маринка заглянула, сделала круглые глаза и спросила удивлённо:

– А Светка где?

– В смысле – где? – напрягся я, только что опять снявший штаны после ложной тревоги.

– Да в туалет пошла – нет да нет её. Мы решили – она к вам заскочила. В туалете-то пусто – я сама оттуда. Ой, – вдруг обмерла Маринка.

– Так, спокойно, ща разберёмся. Куда она денется? – напористо начал Серёга, глянул на меня, – она ж у тебя того, натура романтическая. Может гулять пошла, тишину слушать, на звезды смотреть.

Я, не отвечая, начал скоренько одеваться. Выскочил из бани – было уже темно, – обежал двор, зовя Светку, отправился на улицу. Парни, тоже второпях одетые, пошли за мной. Серёга напоследок крикнул Маринке, чтоб сидели дома и никому не открывали.

Ноги сами понесли меня к тому заброшенному дому. Дойдя, я в подступающем отчаянии остановился. Никакой тропинки не было, вопреки смутной и отнюдь не рациональной надежде, что может она ночью появляется. Вроде и хорошо,

но, с другой стороны, если б была, я хоть знал бы куда дальше бежать. От ощущения нахлынувшего бессилия хотелось орать и искать виноватых. Как-то все по-другому, когда не по телеку о пропаже людей слышишь, а очень близкий тебе человек исчезает, да еще при такой предыстории.

– Так, парни, давайте круг по деревне – здесь дорога кольцом, – и слушаем внимательно: может где шум необычный будет, – распорядился я. Саня с Серёгой молча кивнули.

Пройдя всю улицу и вернувшись к дому Никитичны, мы немного растерянно остановились.

– Да надо по дворам идти! Ниче, никто не обломается, тут человек пропал, – начал горячиться Серёга.

Я и сам уже примерно так думал, разве что хотел к хозяйке нашей заскочить: она местная, поди знает кто здесь чем живёт.

– Не будет её ни у кого, – вдруг подал голос Саня.

– В смысле?! Ты о чем?! – как за живое дёрнули меня его слова, но вдруг знакомая фигура переключила внимание на себя.

Тщедушный силуэт в синем пуховике и шапке неверной походкой как раз шёл дальним краем улицы, не реагируя на нас: видать свои пару стаканов он уже принял. Я догнал и придержал его, разворачивая за плечо и вглядываясь в расслабленно улыбающееся лицо мужичка:

– Добрый вечер! Вы девушки случайно такой высокой нигде не видели?

– О, паря! А говорил я – не любит он вот этого вот всего. А вы тут устроили, понимаешь, – и мужичок многозначительно покрутил пальцами одной руки в воздухе.

– Ты че несёшь!?! Где Светка?! – заорал я, резко теряя остатки самообладания.

– Ты, паря, не ори. Ежели глаза залил, так людей неча винить. Вона баба твоя, у калитки сидит. Он пока так, предупреждает.

Меня как подбросило, разом обернулся – и впрямь, сидит. К забору спиной прислонилась, сама в сугробе – благо, пуховик длинный и тёплый, – снегом припорошенная. То ли мы впотьмах да с перепугу не заметили, то ли... На других вариантах моя фантазия упрямо пасовала.

Забыв о мужичке, я бросился к Светке. Та сидела как замороженная, уставившись в точку. Наконец отреагировала на торможение и вопросы – как она, да куда делась, – сперва говоря с задумчивым недоумением, потом все больше приходя в себя:

– Да не знаю. Вышла вот – на небо посмотрела. Тут словно ветром ледяным дунуло, стужей: лицо аж зажгло и, когда моргнула, ресницы склеились. Че-то растерялась даже, запахла вся, скукожилась так и чего-то пошла, пошла. Вроде домой, да все никак не дойду. Ниче не видно, глаза не открыть – ветром секёт. Волокусь куда-то: куда? зачем? Чет перед глазами замельтешило, звон какой-то в голове... И вот уже ты меня трясешь. Что случилось? Так, чего это я в су-

гробе? Я напилась что ли? Да вроде нет.

– Свет, давай Серега до дому тебя доведет, а я ща приду. – Я поднял её на ноги, малость отряхнул и, отправив во двор, набросился на Саню, так как след мужичка уже простыл, а вопросы грозили свернуть кукуху:

– Так, ты о чем тогда буровил, что не будет ее ни у кого? С чего взял? Знаешь о чем-то? Саня, блин, че молчишь-то?!

– А сказать не знает что. Такое, чтоб поведать и дураком не смотреться, еще суметь надо, да и знать поболе, – вечер неожиданных встреч еще не закончился: Марфа Никитична подошла незаметно и вступила в разговор. – Сашка, ты что-ль? – обратилась она к угрюмо молчащему Сане.

– Я, тетя Марфа, – ответил тот.

Тут у меня в голове совсем все перемешалось: адрес вроде Серега нарыл – причем здесь Саня? И почему Саня не причем, если он местный? А если он местный, то почему мы вообще в этих краях, где такая хрень творится, о которой, судя по контексту, Саня скорее в курсе, чем нет? В общем, все это я и спросил, несколько эмоционально и нецензурно. Ну так, а что ж – нервы. Еще и Никитичну присовокупил: какого художника она дом сдает, когда такое вокруг?

– Ну-ну, раскричался – угомонись, – приструнила меня Никитична. – Тебя-то может и случаем сюда занесло, а мы живем здесь, где, как говоришь, всякое творится.

Я малость выдохнул: и вправду неудобно стало. Ну а в итоге следующее узнал. Серега и впрямь про деревню эту у Сани

узнал: так, за разговором о том, где бы в тишине да на природе Новый год встретить. Родился он в ней, да потом родители его лет в десять увезли, другой родни там не осталось. Контакт Никитичны Серый в интернете нашел. Про странности этого места Саня уже и подзабыл: вспоминалась скорее, как некие отголоски детских страхов, чем как что-то реальное. А тут, когда он историю мою слушал, начало всплывать внутри.

– Ну а по поводу того, что дом сдаю – дак тихо в последнее время было, – добавила Никитична. – А так да, ране в этих местах, если пропал кто – по дворам не ищут, дело привычное. Это и Сашка своим детским умом запомнил, да сейчас вылезло из памяти.

– Пропадают-то почему? – выслушав все это, спросил я.

– Почему, спрашиваешь? Ну а если скажу, что есть в этих местах поверье про злого духа, который раз в несколько лет просыпается зимой и изводит людей, пока особого не найдет: дитя светлое, так сказать, годков семи от роду. Сам найдет, по человечку перебирая, или жители деревни такого отыщут и ему приведут. А может и приходит в этот мир, потому как ребеночек такой народился – кто знает? Поверишь такому?

Я угрюмо пожал плечами. Верить в подобное, конечно, то еще дело. Но и не верить – память упрямо подсовывала последние события, которые вполне себе укладывались в рамки этой истории. Картина целая еще не рисовалась, но совпадения имелись.

– Ну допустим, – сказал я в итоге. – Вот только чё ж я тогда здесь стою, а не пропал, и Светка тоже не совсем потерялась?

– То-то и оно. Все ж увидел ты – сам знаешь что. Отсвет остался – почуял он. Потому и тебя вытянуть получилось, и девушка твоя вернулась. Напоминает ирод. Другие его прихвостни тоже лишь след заметить могут, а прямо понять – кто, не выходит. Но если припрет – пропадет кто из них или из семьи, – могут и тебя вязать прийти. Прямо тебе говорю. Ну а можешь сам наперед указать или взять попробовать и отдать, что увидел – он откроет тропку, – а там к столбу, на веревочку и обратно ходу к теплой печке, – напряженно проговорила Никитична. Смотрела она в этот момент так, словно насквозь хотела проглядеть.

Я сперва не все понял, потом как дошло – аж вскипело внутри:

– Да вы что, совсем?! Кто я по-вашему?! Да, блин, что ж такое?!..

Никитична еще какое-то время не отводила пристальных глаз, потом успокаивающе сказала:

– Ладно-ладно, проверяла я тебя. Вижу теперь – не такой ты, не серчай на старую. А и пойми – мне знать надо, кто в таком деле если не рядом, так хоть в спину не ткнет.

Все еще бурля от эмоций, я развернулся и направился к дому. Зашел, взял ключи от машины – девчонки смотрели вопросительно, но, слава богам, не истерили. Светка вроде оклемалась, но казалась несколько ушедшей в себя. Я сказал,

что сейчас вернусь и Сереге головой махнул. Тот все понял правильно – за мной вышел.

– Валить надо, – буркнул я на улице и направился к своей Хонде.

Стартер, только начав с натугой крутить мотор, почти сразу смолк, только реле пощелкивало, хотя аккумулятор был новый. Рядом с таким же успехом пытался оживить своего Рафчика Серега. Я дернул рычаг открытия капота, чтобы глянуть в чем дело, поднял его и охренел: все в пространстве моторного отсека было покрыто толстым слоем инея, словно там произвели шоковую заморозку. Серега, подойдя, высказал емкое подведение итогов словами не для печати, но идеально описывающими ситуацию. Осмотр его машины показало ту же картину.

– И че, кипятком отливать? – в замешательстве добавил он.

– Да мнится мне, только льда наморозим при таком раскладе, – задумчиво рассудил я.

Внутри дозревало состояние что-то решать: всё, отнекиваться от пусть и нереально выглядящей реальности было уже глупо. Я пошел к все так же стоящей за калиткой Никитичне, которая негромко беседовала о чем-то с Саней.

– Что сделать со всем этим можно? Уехать нам, как оказалось, не получится. Тот вариант, о котором вы говорили... мне не подходит. Само как-то – я так понял, – не рассосется. Значит надо что-то решать. Должен же быть способ, в конце

концов. Победить, изгнать, задобрить духа этого, чтоб его, – деловито обратился я к Никитичне.

– Способ есть, как не быть. Не по каждому только... Но как знать, может оно и лучше, что не герой... – думая о чем-то своем, ответила она.

Тут Саня слегка толкнул меня в плечо:

– Андрюх! Глянь!

Я повернулся: по тёмной улице к нам приближались люди: молча, угрюмо. Мужики, тётки. Видно было, как они по одному, по двое выходят из своих дворов и становятся частью целого, цель которого была мне практически ясна.

– Ну вот и избавляют нас от раздумий, – негромко произнесла Никитична.

Я невольно подобрался, по сторонам глянул: Саня встал рядом и набычился, Серёга с шальным выражением лица подгребал из-за ограды. Топор, кстати, опять прихватил. И откуда у него такая привычка? Но сейчас прям кстати.

Я посмотрели на Никитичну – она встретила мой взгляд своим, пристальным:

– Ну что, гостенёк? Теперь уж не отвертишься. Но хорошо, что сам успел вызваться: оно вернее, когда доброй волей.

Толпа надвинулась, охватила нашу компанию полумесяцем. Лица у всех как одно: хмурое, посеревшее, со льдом в лужицах глаз. Вперёд вышел кряжистый мужик – не видел его ещё. А вот того, кто перед этим на ухо ему шепнул что-то – этого встречал: тот самый, в волчьей шубе, что угрожал

мне. Мужик обратился к Никитичне:

– Постоялец нам твой нужен, Марфа. Вот этот, – и на меня пальцем ткнул. – Знает кой-чего. Да и ты понимаешь, зачем в наших краях народ впотьмах выходит.

– Понимаю, Никифор Спиридоныч, как не понять. Только не нужен он тебе, – откликнулась Никитична. – Упрямый парнишка. Может и не расколется.

– Да ладно тебе, Марфа – не расколется, ага. Соловьем петь будет, не за себя, так за бабу свою спужается, – зло усмехнулся кряжистый.

– Говорю, не нужен, значит не пустое – ты меня знаешь, – суровость в голосе Никитичны зазвенела металлом, и показалось, что не женщина пожилая в шубейке потертой стоит – дама знатная перед простолюдинами. – Что он сказать может, всё равно мимо меня не пройдёт. Кого ищите – так это Нюрка моя.

Я не знал, что думать. Совсем что ли сбрендила старуха, от внучки избавиться решила? Только что ведь другое говорила.

– Ну, Никитична... – многозначительно выдохнул мужик Никифор. – Тогда девку отдай. Сама знаешь, как у нас тут всё.

– А ты не нукай. Отдать – не отдам, – при этих словах толпа грозно заворчала и зашевелилась, как один злобный зверь. – Но и ложится поперёк не буду: давно здесь живу, правильно говоришь – знаю. Девку он отведет, – и как до

этого Никифор, на меня пальцем ткнула. – А вот за это костями лягу. И лучше тебе, Спиридоныч, ногу через меня не заносить.

В воздухе словно напряжение сгустились, хотя казалось, куда уж больше. Толпа даже назад малость отхлынула, а Никифор как-то смущенно переминаясь начал и прокашлялся, точно поперхнулся, убавил в облике значимости.

А я совсем что-то понимать перестал. На парней глянул: у тех то же на лицах. Вроде же драться сейчас надо было, своих отстаивать. И что? Все?

– Марфа Никитична, да как же так-то? Мы же только что об этом? Не поведу я! – растерянно начал я, постепенно опять заводясь.

Никитична повернулась ко мне, и я как-то сразу понял, что толпу присмирило: из темных колодцев ее глаз словно нечто древнее глянуло и душу мою за грудки к себе притянуло – изучило, взвесило, обратно в пыль у ног уронило. И тут же отхлынуло давящее присутствие – пожилая женщина напротив, смотрит устало.

– Это часть способа того, гостенёк. Сам спрашивал – помнишь? Разъяснить времени не было, как видишь. Ну да ты погоди, сейчас Нюрку поведем, я тебе обрисую, что сама знаю. Ну что, пошли? Эти долго ждать всё равно не дадут. Испугались пока, да и тот страх не слабее будет.

– Мне это... Щас я, в дом заскочу, – сказал я вдруг пересохшим ртом. – Пошли, мужики.

Девчонки разволновались конечно: что происходит, да что случилось. Рассказывать им всё не хотелось: пришлось как-то общими фразами отделаться, что тревожность только повысило. А когда я сказал, что сейчас уйду одно дело порешать, но скоро вернусь, а они пока с Серёгой и Саней дома посидят, тут вообще такое началось... Причём не знаю, кто больше орал, девчонки со Светкой во главе или Серёга. Сания-то молчал, как обычно. Правда сказал потом, что со мной пойдёт, что важно это. Чем маслица хорошо в огонь подлил: Серёжа начал на чистом матерном говорить, даже для связки простые слова вставлял перестал, а Наташка плакать взялась.

Не знал я, что уже с этой истерикой вселенской делать, но тут Никитична вошла – спасла ситуацию. Чего уж там девчонки в глазах её увидели – я-то что помню, да может у них по-другому было, по-женски, – но сразу присмирели.

– Вот и правильно, неча галдеть. Мужики у вас справные, по таким раньше времени не воют, – сказала она им наставительно, а Светке добавила, – а тебе, на вот – веревочка. На руку ему завяжешь – покажу, как, – и слова подскажу нужные. Так верхней будет.

Серёга уж было хотел что-то там, как он любит говорить, по сути сказать, но и его Никитична опередила:

– А ты, орёл, девок давай стереги. Я там тебе в сенях даже ружьишко поставила на всякий. А то с топором ты уж больно грозный. А Сашка нас только проводит. Как раз, что сказать

надо, созреет.

Серёга увял, но тут же приободрился, покивал согласно и подался в сени – угадала Никитична с мотивацией. Кто она вообще такая? Знахарка что ль или колдунья? Деревенские-то явно всерьёз её принимают. С нашей компанией так вообще влёт разобралась.

Потом Никитична отвела нас со Светкой в сторону, помогла ей завязать на моём левом запястье шнурок каким-то хитрым узлом. Прошептала на ухо слова, которые Светка, в свою очередь, тихо пробормотала, склонившись над этой своеобразной фенечкой. При этом она явно смущалась, но не спорила.

– Так, все, целуй его и идти нам надо, – распорядилась Никитична.

Чувствовал я себя глуповато: обряды, проводы – будто на войну. А впереди вообще ждало нечто мрачное, неизвестное и вероятно жуткое. Так что лучше уж так. В общем, поцеловала меня Светка и пошли мы с Саней за Никитичной.

Нюрка без лишних слов оделась, когда Никитична сказала:

– Собирайся, внученька. Пришло время.

Я смотрел, как этот необычный ребенок так спокойно реагирует на необходимость куда-то идти ночью, причём вероятно даже зная куда. Внутри поднималась отчаянное: неправильно это всё, не должно так быть. С мукой вырвались слова сожаления:

– Блин, дёрнул меня черт попереться гулять тогда. Да и сюда одному ехать.

– Не кори себя. И так не смогла бы я дальше прятать её. Умеют кой-чего, но растёт девка и сила в ней, а я старая уже. Не в эту, так в ту зиму они б ее распознали. А сейчас есть шанс, коли вызвался ты. Думаешь часто такое? – Никитична по-доброму глянула на меня, потом добавила, сверток небольшой протягивая, – на вот, спички да спирта бутылка – сожги там все, если получится. Думается, не зря там избенка эта, привязан к ней дух.

Мы намеренно не торопясь шли по тёмной улице. В общих чертах, в чем способ справится с этим злым духом, мне уже было сказано. Выходило так, что если светлое дитя сопровождал по своей воле человек, то могли они обратно вернуться. Настораживало, конечно, что редко находились добровольцы, и вернулся ли кто, сказано не было. Что происходит там вообще, что увидеть можно? Да и почему сама Никитична не может что-то с этим сделать: кому, как не колдуньям – или кто она там, – с такими делами справляться. На мои вопросы Никитична ответила:

– Не могу: у любых сил законы свои и границы. Их не перешагну и не в желании дело. Прятать вот только справлялась до поры. А про то, что увидеть там можно... Знала б, неужто не сказала бы?

– Я знаю. Ну, точнее один раз был рядом, – сказал вдруг до этого молча шедший рядом Саня. – Меня весной увезли

отсюда. А зимой той Машку в лес увели. С ней парень один пошёл, тоже приезжий. А я дома не усидел. Папка к участковому на лыжах в соседнее село побежал – машину не завести было, – чуть не замёрз тогда, да без толку: не пошёл участковый. Папка сам не местный был, на мамке женился, потом узнал про то, как здесь. Не мирился с этим. Вот он убежал, когда началось всё, а мамка не усмотрела. Я проследил за парнем тем, с Машкой. Наши-то все, деревенские, дальше середины тропы не пошли.

Потом Саня рассказал, что он видел, как парень с девочкой дошли до замороженной избушки. Дверь закрыта была. Потом открылась и что-то тёмное из неё вышло. Саня не очень разглядел: издали смотрел, ближе струсил. Свечки там никакой не было в тот раз, а вот Машка вроде как светилась и Сане показалось, что тот, который из избушки вышел, боится этого, не может к ней сунуться. Затем парень закричал и в лес по сугробам ломанулся, будто тропы позади него не было. А следом почти сразу темно стало. Как до дому домчал Саня не запомнил.

– Парня этого весной только нашли, – закончил он.

– Да, а некоторых, кто геройскими парнями слыли, рассказывают, тех рядом с избушкой находили. Обмороженных, как обожжённых. Словно железо в дикий холод к плоти прикладывали и рвали с мясом прилипшими, – добавила Никитична.

Тут мне что-то совсем боязно стало. На Ньюрку глянул:

та взглядом ясным и открытым ответила и улыбнулась так, понимающе, что ли, а меня стыдом как ошпарило – девчонка мелкая меня, мужика, вроде как поддерживает, не судит за страх этот.

Подошли к заброшенному дому: в этот раз тропа на месте была, будто и всегда. Точно приглашала, хоть всей толпой по ней иди, но сопровождавшие нас деревенские остановились. Никитична тоже Саню придержала, на меня глянула:

– Дальше вдвоём ступайте. Давай, Андрюшка, на тебя надеюсь, – напутствовала, впервые назвав по родному. Мне чётко приятно так стало, даже страх отступил.

Пошли мы с Нюркой, тоже спешить не стали. Сделав несколько шагов, я задал вопрос, который с прошлого вечера – серьёзно? всего лишь вчера было? – сидел внутри, а случая спросить не было:

– Я там, когда сознание терял – или умирал, или что там со мной было, – ты же меня звала? И когда чуть в яму не рухнул, вспышка – тоже ты?

– Я, – просто ответила девочка.

– А как?

– Просто ты увидел меня: тогда во дворе. Это как ниточка – так бабушка говорит, – вот я и услышала, когда тебя обманкой потянуло.

– Выходит, если б не я, то и не узнал бы дух этот, что ты есть?

– Не знаю. Но ты хороший: плохой бы не увидел, если ба-

бушка прячет. И она со мной согласилась, когда мы вчера с санками за тобой побежали.

Я и не задумывался о таких деталях: как-то задвинуло сознание на задний план. А ведь и вправду: ещё целый день почти жизни радовался. И всё из-за того, что кто-то и не думает, плохо ему с того будет или как: хороший человек, значит от ямы его отдернуть надо и с санками за ним. А ты тут взвешиваешь, машину бежишь заводить. Лишь бы не вдуматься, понимание внутрь не пустить, не признаться самому себе.

Тропа ещё раз плавно изогнулась и вот: конусообразный сугроб крыши с проглядывающей сквозь изморозь чернотой древних брёвен. В этот раз избушка стояла угрюмой тенью среди белизны заснеженного леса: дверь закрыта, никакого проблеска огонька.

Мы подошли к столбику с обрывком верёвки и остановились. Всю дорогу в моей руке был включённый фонарик. Он и сейчас выхватил из окончательно сгустившейся тьмы детали вставшего перед нами строения. Я вышел вперед. Вдруг в конусе света закрытая дверь дрогнула и начала со скрипом открываться. Невольно отпрянув, я оказался в стороне от Нюрки. В то же время фонарь заморгал, стоп-кадрами проявляя картину словно рывками распахивающейся двери, наполнился обжигающим пальцы холодом и потух. На миг мрак надвинулся со всех сторон, но его тут же разогнало яркое свечение, которое начало исходить от девочки. Она улыбнулась мне, когда я озадаченно глянул в её сторону, дер-

жа в руке подведшее дитя технологий.

Из недр избушки, плавно двигаясь вышло нечто. В этот раз я разглядел, что брошенное на топчан тряпье и впрямь словно налилось материальной сущностью, формируя из складок материала человекоподобную фигуру. Она жадно двинулась в сторону Нюрки, но тут же, точно от преграды, отпрянула от линии свечения, что окружало девочку. Мне послышался разочарованный полустон-полувоёй, существо на пару мгновений застыло и вкрадчиво двинулось в мою сторону. На лице Нюрки появилась тревога.

Сказать, что я, в свою очередь, встревожился – это ничего не сказать. Страх, оказалось, не так далеко отошёл: так, отступил деликатно, дал себя на миг мужиком почуять. Но тут же обратно вернулся – извини, работа такая – руку протянул и кишки узлом скрутил. Когда существо из избушки лапу плавно протянуло, отмахнулся не из лихости – так, на автомате. Обожгло руку будь здоров – сразу всплыли слова Никитичны о парне, которого словно железом замороженным терзали. Следом я фонарём потухшим вмазал, уже отскакивая – что-то отлетело от жуткой фигуры. Правда ещё один момент выяснился: ей это так, не особо важно: на смену куска тряпья, заиндевевшего в виде грубого подобия руки, которая отломилась от удара, прямо из воздуха нечто из замерзающих кристаллов льда собралось. Похоже нет разницы духу этому, из чего скафандр себе ваять для прогулок в нашей реальности.

Желание бежать окатило волной, все мысли в себе растворило. Нестись так, чтоб без оглядки, когда сердце горлом выпрыгивает и сам не поймешь в какую сторону мчишь. Холодом пронизывающим захлестнуло: будто голый на зимнем ветру или простынь мокрая ледяная на и так озябшее до крайности тело. Тут на левом запястье приятным отда-лось, будто кто-то рукой теплой коснулся, стиснул ободряюще, выше ладонью провел, по щеке погладил. Чуть схлынул цепенящий ужас – сам удивился, как на месте остался. На руку глянул – про веревочку вспомнил, что Светка мне по напутствию Никитичны повязала. Удержала, выходит, на краю: вряд ли что доброго было, если б кинулся без разбора со слепыми от страха глазами. Попутно отметил, что ореол света от Нюрки уменьшился и существо тут же в ее сторону вильнуло, словно невтерпеж ему: не прорваться пока, а любое намек достать желаемое – и рвётся в ту сторону.

Тут и Санину историю вспомнил: что убежал парень, а свет возьми и погасни. Выходит, первый дрался, второй ноги сделал, а результат в итоге один: оба погибли и дитя тоже. А как? Ведь свет ее не пускает этого злобного духа, не подвластна ему Нюрка. Так – свет... Он же угасать начал, когда я желанием бежать был охвачен. Это что ж: погиб, сбег – так и так одну оставил. А ведь когда, как она говорит, «увидел» её, ниточку протянул, не то, что себя – меня вытащить смогла. Так, внимание значит... быть с ней... не оставлять... Это, выходит, как с любым ребенком: все вроде знают, что так на-

до, на поверхности же всё, и говорят постоянно об этом, в книжках умных пишут, а на деле в основном в разное смотрят, не направляют всего себя взглядом на это удивительное создание, даже рядом находясь, одного бросают.

Я, замерев в состоянии осознания чего-то сокровенного, взглянул на Нюрку, увидел всё ту же доверчивость в ответном взоре, внимательно всмотрелся в её облик: чуть вздернутый носик, россыпь веснушек, пробуждающая невольный отклик внутри детская улыбка – немного забавная из-за сменяющихся молочных зубов, – большие ясные глаза, полные живого интереса всем окружающим. И это свечение – такое удивительное. Я понял, что только сейчас словно позволил себе прямо его заметить и признать, поверить, что это правда, это есть, это чудо и оно настоящее.

Улыбка Нюрки стала еще задорней, она даже радостно захохотала, захлопав в ладоши. Ореол сияния рывком раздался вширь, захватив в своё пространство меня и отбросив в сторону опять направившееся ко мне жуткое существо. Теперь уж оно в голос завыло так, что метель вскинулась и от мороза затрещало все вокруг. Даже та основа, в которую материально воплотился злой дух, не выдержала и начала ломаться и отваливаться.

В круг света мороз не проникал, а точнее, холоднее, чем было, не стало. Мы с Нюркой стояли рядом и наблюдали, как мечется в невозможности нас достать страшное существо, как осыпаются с него куски перемороженного ветхого тря-

пья и льда, всё больше открывая призрачную, напоминающую туман основу, в облике которой начинают угадываться черты очень древней женщины. Включенные космы волос, костистое страшное лицо. Тем не менее оно показалось мне чем-то знакомым. «Никитична?!» – вспыхнуло узнавание. Но тут же и понимание подоспело: нет, просто есть некое отдаленное сходство в облике, может родственное, а может по роду деятельности, так сказать. Только вот черты его были гротескно искажены злобой и, возможно, недоверчивым страхом, словно скомкавшим их в гримасе отторжения всего вокруг и заморозившим в таком состоянии на века. В конце концов эта сущность, ещё раз пронзительно взыв, потянулось струями тумана внутрь избушки и вроде как сползло в подпол.

Тут мысль одна меня дернула. Так уж не хотелось мне ей следовать, в избушку эту жуткую заходить, но все же Нюрку за руку взял, чтобы долго не объяснять, и пошел.

– Осторожно, не провались, – сказал девочке, и указав на лавку, – посиди пока. Что сущность эта к нам сунется, решил не бояться: свечение Нюркино всё внутри заполнило, вроде как заперев собой темный провал. Но крышку на всякий случай я тоже на место задвинул.

Остановился рядом с печкой, скептически осмотрел – может и впрямь, спалить здесь всё и не мучиться? Вздохнул, взял стоящую возле неё в углу кочергу, и стал отбивать подтеки льда. Как-то более-менее управившись, открыл двер-

цу, заложил валяющиеся тут же остатки дров, щепки мелкие в середину сунул. К ним добавил хорошенько пропитанную спиртом тряпку, в которую, собственно, и была завернута бутылка и спички. Запалил. Пламя вспыхнуло, дым сперва за клубился внутрь избушки, но, видать, дымоход остался целым, и тяга пошла. В печи все сильнее затрещало и защелкало.

Становилось все теплее. Печка долго парила остатками тающего льда, наконец просохла и начала давать ровный жар. Я несколько раз бегал наломать сухих сучьев для добавки. Сперва было боязно, но все обошлось и мне стало спокойней. Стены постепенно сперва потемнели, напитавшись влагой от растаявшего инея, потом начали подсыхать. На небольшой полке я нашел даже чайник, пару кружек и остатки заварки. Почистив посуду снегом, поставил греть на таявшую из снега же воду. Через некоторое время по избушке поплыл аромат свежезаваренного чая. Оглядываясь, чтобы еще сделать, пока он слегка остынет, увидел у изголовья топчана керосинку, стоящую на табурете. Налил туда спирта и поджег фитиль. Теплый огонек лампы добавил еще больше уюта. Преобразилась избушка, жизнью в ней запахло: прибраться бы еще малость, а так вполне милое местечке, не сравнишь с былой жутью. Чем я и занялся, благо веник тоже нашелся.

Нюрка, до этого с интересом наблюдающая за моими действиями, тоже активно присоединилась к наведению поряд-

ка. Основной мусор смели, за порог выбросили. Остатки какого-то рванья, щепки, клочки пожелтевших газет я в печку бросил. Стол и лавки от пыли обмахнули.

– Я же говорила, что ты хороший, – сказала вдруг Нюрка, когда мы уже сидели, пили чай и оглядывали результаты наших трудов.

– А сейчас почему так говоришь?

– Ты же тоже понял, что ей плохо? Не злишься на неё.

Тут я задумался: действительно так? Не складывалось, честно сказать, что внутри творилось, во что-то конкретное. Так, ощущения.

– Не знаю. Вот, так захотелось сделать. Просто показалось, что так правильно будет.

Вдруг из щелей крышки подпола начали сочиться струйки тумана – словно и там что-то оттаяло и испарятся взялось, – и постепенно собираться в высокую просвечивающую фигуру. Я внутренне напрягся: неужели нашел злой дух силы справится с Нюркиным свечением, но, когда на девочку глянул: та спокойно улыбалась. Потом в лицо призрачное всмотрелся – изменилось оно. Все так же древнее, но другое – выражение злобы ушло. Просто очень старая женщина, у которой не только ум и опыт разный в глазах сквозит, но и то, что из доброго сердца идет, черты наполняет. Приблизилась она к Нюрке, руку подняла и по голове её погладила. Потом на меня взгляд бросила, кивнула тепло, вокруг с видимым облегчением посмотрела и исчезла. А мы продолжи-

ли сидеть, чаек потягивать и молча улыбаться друг другу и чему-то теплому, разлившемуся внутри.

Вдруг раздался стук в дверь. Я пошел открывать: оказалось, что уже рассвело и к нам пожаловали гости. Никитична встретилась со мной цепким взглядом, покачивая головой пробормотала:

– Ну, гостенёк... – потом порывисто притянула к себе за уши, расцеловала в щеки и обняла, как своего.

Сзади уже Серега орал: «Ну, этот везде красиво устроится!», Саня улыбался, девчонки позади опять селфи затеяли, а Светка ко мне протолкалась, влипла всем телом – не оторвать. А я и не старался, если честно – точнее, старался в другую сторону.

Потом сидели уже все вместе. Чай пили и не только: ребята на всякий случай с собой кой чего прихватили, и перекусить тоже. Нормальный такой пикничок сложился. Никитична оглядела всё не торопясь, нас с Нюркой выслушала, о том, как сложилось, в итоге рассудила:

– Хорошо, Андрюшка, что сделал, не как я, дура старая, сказала. А то внучку бы спас, но, думаю, вернулась бы напасть, может и похуже в итоге. Пепелище-то добра бы не добавило, как бы ещё больше во зло не утвердило. Огонь, он чистит конечно. Да здесь, похоже, и не со злобы начиналось, а скорее от неё как раз и боронились. Холод, он ведь и защитой подчас служит – разложения в нем нет, тело и дух крепит. Морозит, спасая и сохраняя. Началось, видать, с того,

да не туда подалось. – И Никитична замолчала, видно о чем-то, возможно, ей одной понятном, задумавшись.

– Ладно вам, Марфа Никитична, всё о серьезном! Живы все и даже почти не подрались! Давайте уже рюмочку с нами! – предложил раскрасневшийся Серега до этого отнекивающейся Никитичне. – Давайте, будем здоровы!

– А давай, внучек! – согласилась та и по-молодому улыбнулась.

Мы еще довольно долго сидели, смеясь и вот так, обычным праздником, изживая из этого места остатки бывшего страха, потом собрались домой. Когда уходили, мы с Никитичной чуть задержались, оглянулись посмотреть на избушку, уютно пускающую в синее небо колечки дыма.

– Детишек здесь собирать буду – сказки читать. Тропинку теперь самим чистить придется, да ниче, пусть привыкают, дорожку готовить да детей по ней водить совсем для другой надобности, – сказала Никитична. – Глядишь – еще кто зацветится.

Молча улыбаясь, я думал, что с такой хозяйкой деревенские не забалуют.

– И ты заезжай почаще, чай, теперь не чужой, – добавила Никитична.

Ну а я... Я ясно понимал – приеду. Ну а пока...

– Марфа Никитична, ну что, пойдете? Оливье само себя не построгает, и девчонки без вас, пожалуй, не справятся – молоды ещё. А если еще какой рецептик им подкинете, так

вообще красота. Да и ружье у Сереги изъять надо. Топор, думаю, тоже.

– Топор, мниться мне старой, даже главнее будет.

Я невольно заржал. С таким началом день обещал сложиться прекрасно. Впереди по тропе нам уже радостно махал пока не знавший о предстоящих утратах Серега.

Ирина Омельченко.

«Замри, умри, замерзни»

Больница встретила Катю гостеприимными улыбками медсестер в хрустящих белых халатах, их рачительностью и тарелкой рассольника, чуть остывшего, так как время было послеобеденное.

Мигом забылись торопливые сборы, четыре бесконечных часа тесного автобуса с неловкой дремотой, в которую бесцеремонно вплетались запахи пота, перегара и звук чихающего, больного мотора.

Забылась толкучка метро, перрон вокзала, духота и напряженность электрички.

Только последний рывок перед финишем – от вокзала до больничного комплекса – еще напоминал о себе дрожанием колен. Еще бы, поход по заснеженной обочине узкой деревенской дороги – это вам не променады по широкому бульвару. Вслед девушке летели не восторженные свистки и комплименты, а звон натянутых цепей и хриплый лай собак.

Из избы поселкового магазина громко орало и пищало на все лады радио, но крыльцо пустовало. Ноги то и дело норавли разъехаться, потакая коварному льду, припрятанному под слоем снега. Ни о каком песке, а тем более столичной соли, тут и не слышали. Сумка, в первые минуты казавшаяся

легче перышка, больно била по бедру и оттягивала руки.

Но все. Добралась. Чуть не рухнув на пороге заветной цели, Катя придирчиво осмотрела корпус «вынужденного санатория». М-да, не дворец, определенно.

Деревянный двухэтажный дом с облупившейся краской самого мерзкого из зеленых оттенков щерился в сторону новоприбывшей глазами немых окон. Ступени перед входом словно специально водой поливали.

Железная с царапинами дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы впустить одного человека средней комплекции и ни на сантиметр больше. И с громким лязгом захлопнулась за Катиной спиной, стоило перестать сопротивляться тугой пружине. Сумку зажало.

Зато внутри домик являл собой вполне сносный образец санатория-профилактория, с крашеными стенами оттенка дождливого неба, паркетным полом, новенькой мебелью и грозным охранником на входе. Под его суровым взглядом из-под кустистых брежневских бровей и гробовым молчанием, потя и теряя последние силы, Катя и ввалилась в приемное отделение, толкая проклинаемую сумку перед собой. В глаза сразу бросился плакат с устрашающей надписью «КАРАНТИН», мелким шрифтом ниже запрещающий вход посетителей и выход пациентов из здания диспансера.

Только позже, когда неподъемный баул был скинут с плеч, все необходимые бумаги заполнены и подписаны, а сама Катя с аппетитом поглощала суп в общей столовой, ее взгляд

отметил решетки на окнах и суровые врезные замки на каждой из дверей, и по спине пробежал холодок «Какие глупости лезут в голову, – подумалось ей. – Не зря же говорят, что все болезни от нервов». Врач при беглом осмотре ее карты, направления и результатов анализов лишь подтвердил этот общеизвестный факт.

– Физические показатели в полном порядке. – Женщина средних лет говорила мягким монотонным голосом, отчего усталую, измученную Катю вновь стало клонить в сон. – Заболевание ваше вызвано нервным потрясением или затяжным стрессом. – Врач улыбнулась ободряюще, щедро сыпанула разноцветных таблеток в мерный стаканчик и добавила. – Будем лечить.

Показалось или треклятое пятно на руке, из-за которого Катя оказалась здесь, стало еще больше? Чесалось невероятно. Известно, что чем больше думаешь о болячке, тем сильнее она тебя беспокоит. Катя о пятне старалась не думать. «Будем оптимистами!» Деревянные ступени протяжно скрипели под ногами девушки.

Коридор второго этажа был куда проще приемной и врачебного кабинета, словно в другой мир попадаешь. С небес на землю, а точнее под нее, в темный, душный узкий лаз без окон. На полу не паркет – дешевый линолеум. Под беленым потолком безликие тусклые лампы. Стены выкрашены в желтовато-серый грязный цвет, как всегда лишь наполовину, и украшены плакатами в духе агиток советских времен:

«Не ешь после шести!», «Пей больше воды», «Мы за полезную пищу!».

– Пьянству бой, – хмыкнула Катя, растерянно крутя головой, отыскивая и запоминая стратегически важные объекты ее ближайшего существования: туалет, душевая, процедурная, номера палат. В свою седьмую зашла не сразу, чутко прислушиваясь к голосам за дверью. Выдохнула и будто нырнула в омут с головой.

– Всем привет, я новенькая! Зовут Катей.

Четыре кровати. Девушка плюхнулась на единственную свободную у дверей. Взглянула на соседок, смущенно улыбнулась. Поймала две ответные улыбки.

– Привет.

Соседок звали Ира и Света. Обе блондинки, одногодки, похожи друг на друга, как небо и земля. Крупная, склонная к полноте Света, с копной кудряшек и задиристыми глазами, щебетала без умолку. Напротив, высокая, худая Ира больше молчала и то и дело косилась на телефон, словно ждала важного звонка.

– Здесь сеть не ловит, – наконец выдавила Ира и отбросила телефон в сторону. – Ну что за деревня! – Телефон жалобно звякнул хрустальным шариком брелка.

– И у меня, – Катя проверила сотовый и нахмурилась. Кивнула в сторону последней занятой кровати, вопросительно подняла брови. Света отрицательно покачала головой. Ира пожала плечами.

Последнюю соседку по имени не знал никто. Девушка лежала, с головой укрывшись одеялом. Не двигалась и ни с кем не разговаривала. Что-то совсем со здоровьем плохое? Разве здесь не кожное отделение? Она там живая вообще?

Гул в голове мешал собраться с мыслями. Разрешат ли ей позвонить с поста по городскому? Ведь мама наверняка волнуется, добралась ли она, как устроилась.

Додумать Катя не успела, в дверь громко постучали. И тут же, не дожидаясь ответа, в палату зашла сестра-хозяйка. Ее суровые крупные руки, массивное пропитое лицо, сальные волосы, стянутые пучком на затылке, неприятно поразили девушку. Куда делись те улыбчивые молодые медсестры в белоснежных халатиках, что встречали ее в приемной? Халат женщины от небрежной стирки был серо-желтого оттенка, в тон стенам. Такого же цвета тряпки упали на кровать рядом с Катей.

– Белье. Одежда. Все ненужные вещи сдать мне. – Сестра-хозяйка говорила, едва разжимая рот, короткими, рублеными фразами, но все равно девушка ощутила неприятный кислый запах ее дыхания.

– У меня свое... – начала объяснять она, потянувшись было за сумкой... В ней и впрямь было и свежее постельное белье, и даже любимая пижама, бережно упакованные мамой, несмотря на спешку.

– Не положено. – С этими словами женщина бесцеремонно вырвала сумку из рук Кати. Вытряхнула ее содержимое

и небрежно сгребла обратно, оставляя на покрывале лишь туалетные принадлежности.

– Д-д-да что вы себе позволяете! – Катя задохнулась от возмущения. Вскочила с кровати так резко, что голова закружилась, и мир поплыл перед глазами. Через пару секунд зрение вернулось, и девушка принялась беспомощно махать руками и тыкать пальцем куда-то в район безразмерной талии противника. – Как вы смеете! Это мои вещи! Отдайте сейчас же обратно! – Голос сорвался на визг.

Ее крики проигнорировали. С невозмутимым видом нахалка подхватила сумку со всем содержимым, легко, словно пустую, и вышла из палаты. Катя рванулась за ней и с удивлением обнаружила, что дверь заперта. Обернулась к соседкам, растерянная, растрепанная. Еще раз скользнула взглядом по железным решеткам на узком, словно бойница, окне.

– Да что здесь творится?..

Ира сидела молча. Ее и без того прямая спина, казалось, вовсе вытянулась в линию, словно девушка жердь проглотила. Плечи напряженно дрожали.

– Они для нас же стараются. – Света улыбалась, виновато и смущенно. Катя сглотнула подступивший к горлу комок. Откинула прядь со вспотевшего лба.

– В смысле?

– Так врач говорила.

По ее словам, лечение велось кремами и мазями, зачастую едкими, пахучими. Поэтому всем больным выдавались на-

тельные рубахи свободного кроя, а также постельное белье – из тех, что не жалко стирать, кипятить, а то и выбросить.

Катерина чертыхнулась. Залезая в еще влажную рубаху, не раз помянула «ласковыми» словами врача, давшего направление в странную больницу. Ни словом ведь не обмолвился об особых порядках в медицинском заведении! Спрятала джинсы и свитер в тумбочку. Задвинула ботинки под кровать, в самый угол. И с легким отвращением сунула ноги в поношенные тапки.

– И они еще нервы лечат, – прошептала едва слышно.

Застелила постель, чтобы отвлечься и успокоиться, а затем вновь проверила замок. Дверь с легким скрипом поддавалась. Аккуратно, стараясь не привлекать лишнего внимания, Катя выглянула в коридор. Пусто. Лишь сквозняк гуляет по коридору, завывая, как потерянная душа. Девушка поежилась и вернулась в палату. В задумчивости уселась на кровать. Поджала озябшие ноги.

– И у вас такое было? Часто нас запирают будут?

Соседки молчали, как воды в рот набрав. Ира сидела, словно выструганный из дерева болванчик. Света улыбалась. «Блаженная она, что ли?» Неизвестная не шевелилась.

Перед ужином над дверью заморгала зеленая лампа. Загорелась-погасла, секунда, загорелась-погасла. Катя сглотнула вязкую слюну. «Так из нас собачек Павлова сделают! Я ведь потом на каждый светофор...»

Заняли места у окна. Девушка села так, чтобы видеть весь

зал, каждую из пациенток и обе двери – и в кухню, и в коридор. Смотрела, как входят группами тихие задумчивые соседки по несчастью, всем на вид примерно лет 20–25. Рассаживаются, не поднимая головы, начинают есть. Никто не возмутился, не протестовал, а ведь было от чего! В тарелке каждой оказалась лишь пустая гречневая каша. Диеты, конечно, штука хорошая, но... Хлеб, вода, гречка – на таком рационе долго не протянешь. Пятно на руке зудело и чесалось.

Катя тоскливо уставилась на серый пейзаж за окном и вздрогнула. В полуметре от нее показалась лохматая голова. Вот опять, высунулась из-за карниза, стрельнула черными глазами и спряталась вновь. Только через пару секунд Катя заметила две тощие ручки, сжимающие грязными пальцами оконные решетки. Мальчишке было лет шесть, не больше. Он едва дотягивался до высокого окна. Наконец цыганенку удалось зависнуть подольше, и он тоже разглядел девушку, ее растерянное лицо.

– Молчи! – Она не слышала шипения, но палец, прижатый к губам, говорил сам за себя. В ту же секунду мальчишка вновь свалился вниз. Он отбежал на несколько шагов, встал в сугроб напротив окна, неуверенно потоптался, раздумывая, видят ли его теперь, сквозь мутное стекло? И показал миниатюру, от которой на лице Кати вспыхнул возмущенный румянец. Что хотел сказать этим жестом маленький паршивец? Поиздеваться над ней? Ее передернуло. Такой маленький и

столько пошлости. Правду говорят, эти черные...

Она лежала в кровати и никак не могла согреться. Простыни казались не просто влажными, а даже слегка липкими, словно их стирали в болоте. Пахли они не лучше, тухлой, стоячей водой. В комнате ужасно дуло от окна. Деревянные отсыревшие рамы едва держали дребезжащее стекло, и страшно было их тронуть, заткнуть тряпками или заклеить скотчем, чтобы они окончательно не развалились, расползлись под пальцами. Казалось, выдохни – и поплывет по комнате прозрачное сизое облако пара.

Свет вырубил на всем этаже, такие порядки.

Света что-то шептала во сне, а может и не спала вовсе? Молилась? Ира спала тихо-тихо. Она вообще не просыпалась с момента, как медсестра пришла забрать капельницу, грубо выдернула иглу – и белая рука так и осталась безвольно висеть, выглядывая из-под покрывала. Неизвестная соседка не двигалась, лишь тихо стонала.

Хотелось есть... Катя привыкла к полноценному ужину, к маминой стряпне. От жалости к себе глаза обжигало едкими слезами. Чесалась теперь не только рука, казалось, все вены на теле набухли, вздулись, и кровь рвется наружу. Надо лишь сильнее надавить.

Хлюпнув носом, Катя оттерла лицо наволочкой и решительно сунула ноги в тапки. Стараясь не шуметь продавленной сеткой, встала, постояла пару мгновений, прислушиваясь к темноте вокруг, к собственному сбитому дыханию, к,

ставшей почти привычной тупой боли в затылке. И маленькими шажками двинулась к двери.

Дверь оказалась не заперта. Да и зачем? Когда Катя вернулась из столовой, то обнаружила пропажу вещей и обуви. Теперь все, что осталось у нее – это зубная паста и щетка, расческа, кусок мыла в мыльнице да неработающий телефон. Впрочем, сейчас он неплохо заменял фонарик. Ненадолго его хватит, без зарядки-то...

Освещая гулкой коридор слабым светом, второй рукой касаясь стены, девушка двинулась в сторону туалета. Дрожащими пальцами нащупала ручку нужной двери, потянула...

Здесь зима окончательно взяла свое – кафель на стенах покрылся инеем, блестел в лунном свете. Форточку оставили распахнутой настежь, очевидно для «свежести». Точная копия Кати с посиневшими губами смотрела на нее из черноты надтреснутого зеркала. Вместо горячей воды кран несколько раз презрительно фыркнул и выплюнул в раковину таракана. Тот, загребая множеством ног, деловито скрылся в сливе. Катя поспешно открыла холодную воду, отправляя вслед за ним губительную струю. Постояла в нерешительности и все-таки окунула лицо в мокрые ладони, с ожесточением растирая щеки и зареванные глаза.

«Ничего. Эту неприятность мы переживем». Ее лихорадило. Хотелось в туалет, но она не смогла пересилить себя и подойти к унитазу, вокруг которого растеклось целое море. Воняющий не смытыми испражнениями, забитый туалетной

бумагой и прокладками, он, как назло, еще и стоял у самого окна, покрываясь коркой льда.

Стараясь не шуметь, унять дрожь, обхватив себя руками, Катя поспешно выскочила из туалета. Не включая телефон, в темноте добралась до своей палаты, лаской юркнула под одеяло. Зубы отбивали какой-то сумасшедший ритм. Вокруг было темно и тихо.

«Как в гробу», – подумалось девушке. И она зажмурилась, представляя себя дома, далеко-далеко, в тепле и безопасности. В висках стучала кровь, руки чесались, но ей даже удалось уснуть.

* * *

Утром кровать Иры оказалась пуста. Когда лампочка начала моргать, зазывая всех к завтраку, Катя еще спала и проснулась от множества тихих слаженных шагов по коридору: добровольные пленницы гуськом двигались в сторону столовой. Легкое касание прохладной ладони... Мама? Нет, это Света наклонилась к ней, улыбнулась, шепнула: «Просыпайся, соня, завтрак пропустишь» и вышла из палаты. Девушка вскочила, ладошками приглаживая волосы. Мазнула взглядом по скомканной Светиной и аккуратно заправленной Ириной кровати, по неподвижной и безмолвной соседке и поспешила к остальным. В столовой Иры тоже не было.

– Выписалась? Как это выписалась? И даже с нами не по-

прощалась?

– Она... как бы сказать... замкнутая была, да?

«Была» словно об умерших. Катя до белизны костяшек сжала алюминиевую ложку. «Гречка без ничего», фирменное блюдо местной кухни. Подается на завтраки, обеды и ужины, без вариантов. Мутное стекло окна, в котором корчит рожи надоедливый мальчишка. Катя уже наладила с ним связь, кидая записки в форточку в туалете. Писала гадости, конечно. На туалетной бумаге. Украденным в процедурной огрызком карандаша.

– Медсестра, та, что ставила укол утром, сказала мне. – Света по-прежнему улыбалась, немного отстраненно, видимо, думала о своем, накручивая на палец светлую кудряшку локона. – Повезло.

– Да...

После завтрака девушки с остервенением натирались лечебными кремами. Катина «едкая» мазь приятно пахла травами и карамелью, кроме того, имела бежевый цвет, словно мороженое крем-брюле. А вот Светина отдавала синевой, и поэтому слегка смущенная девушка пряталась в простыне, куталась в ней, словно заворачивалась в кокон, как безымянная соседка. Она не встает. Кто-то кормит ее, когда они уходят?

Катя заметила, что выписка Иры вселила в них надежду. Настроение, несмотря на голод, улучшилось, и они даже могли шутить.

– Сейчас вмажемся, – смеялась Катя, – потом закинемся колесами, потом на капельницу...

– Ага, а потом наркоманские будни сменятся гречкой, – Света прыснула, – знаешь, я тут подумала...

– Что?

– Нас теперь есть можно – мы экологически чистые. Еще и травками натерты, для вкуса, – она демонстративно высунула из кокона ногу, покрутила ее, словно оценивая, достаточно ли ее кожа «сдобрена специями», и свернулась калачиком обратно.

– Знаешь... это надо исправить, – задумчиво произнесла Катя, расчесывая пятно на руке. – У тебя денег не припрятано случаем?

– Ну... есть немного.

– Для благого дела ста рублей не жалко?

– Нет, конечно. – Света прыснула, закопошилась в коконе и извлекла мятую бумажку. – Что-нибудь еще?

– Шнурок бы какой-нибудь...

«Шнурок» сплели из связанных друг с другом обрывков простыни, как в фильмах про побег из окна. Медсестре-хозяйке отдали что осталось, наврав про кривую проволоку в матрасе. Но сперва долго закидывали цыганенка угрожающими и обнадеживающими записками, нацарапанными на туалетной бумаге. Вожделенную коробку с дешевым вином спрятали под Катин матрас. На ужин она не пошла. Странно, что в палату так никто и не пришел, не покормил лежащую

неизвестную.

– К-ак д-думаешь, заметят? – Света кивнула на стену, «в сторону» процедурного кабинета. Даже в полумраке Катя видела, как порозовели ее щеки. Вечно голодные, они захмелели быстро. Теперь любую фразу приходилось мысленно строить очень тщательно, иначе язык заплетался.

– Наплевать. – Катя мотнула головой. Почесалась. В тот момент ей и впрямь было все равно – поймают их при ежедневной утренней сдаче анализа или нет. Голова кружилась. Видимо, разноцветные таблетки не очень сочетались с алко-голем. – Знаешь, ч-что странно?..

– Что?

– А... ладно... Н-не бери в голову...

Сейчас, в полуночной темноте, когда окружающая тишина тревожно звенела в ушах, страх вновь нахлынул на нее, сжал липкими объятиями. И то, что днем казалось нелепицей, совпадением, приняло вдруг формы кошмара, от которого не скрыться под щитом одеяла.

Перед глазами вновь всплыло видение: металлическая дверь отъехала в сторону, словно открылась пасть хищного зверя. В нос ударил сильный запах хлорки, глаза защищало. Она скинула рубаху и зашла, поспешно затворила дверь. Огляделась.

Коморка два на два не вмещала в себя душ – она сама была душем. Замощенная бледным кафелем целиком по периметру душевая больше всего напоминала каменную клетку. От-

верстия в потолке – добровольная пытка. Никакого выбора горячей – холодной воды, только вкл/выкл. Отверстие в полу – слив. Отверстия в боковых стенах... Она так и не поняла, для чего они, маленькие дырочки размером с палец. Словно крохотные замочные скважины для извращенцев, которым вдруг вздумается поглядеть на представление, будто мало в клинике издевательств.

«Включить» – крик, протяжный, на выдохе. Ледяные струи больно бьют по плечам и спине.

«Выключить» – и тело дрожит, отказывается подчиняться, двигаться... Хочется выть, хочется сжаться в комок, спрятать, втянуть конечности в тело, где еще остались крохи драгоценного тепла.

Натирая красное тело мылом, Катя щурилась от слез, размазывала их по щекам и ладоням, пытаюсь собраться, приготовится к повторению пытки. Вены снова вздулись, и чесать их было в удовольствие.

«Включить» – еще один крик, уже тише. Поспешные махи руками, топтание на месте. Пальцы на руках и ногах посинели, стали мертвые.

«Выключить». Все. Закончилось.

Никакого полотенца нет. Вытирались старой рубашкой, сброшенной на входе. А затем шли за новой в кабинет сестры-хозяйки. Как есть, голышом, прикрываясь руками и дрожа от холода. Очередное унижение в копилку испытаний.

Вот тогда-то она и увидела его. Маленький хрустальный

шарик, чудом застрявший в широком сливе. Он зацепился шнурком за неровный край ржавого ободка, словно утопающий хватается за любую соломинку. Точно такой же брелок висел на телефоне Иры. Странно...

* * *

Из процедурной Света вернулась заплаканная и очень тихая. Катя видела свежие синяки, которые оставила на ее теле неумелая игла уколов. Попыталась ее приободрить, поговорить. Оказалось, дело в другом. Оказалось, врач хотела отправить Свету на выписку, но ночное пьянство подло всплыло в анализах, и сроки перенесли.

– Зачем я только тебя послушалась! – Молчание сменилось истерикой. Света рыдала навзрыд, била кулаками подушку, подруга едва понимала ее бормотания. – Сейчас была бы дома! Дома! Дома! – Последнее слово она прокричала несколько раз и затихла. Живой, всхлипывающий кокон.

Катя лежала на спине и в миллионный раз рассматривала потолок. Каково это, остаться здесь одной? Пока их не было, кровать с неизвестной опустела. Она выписалась? Или... умерла?

Лежать ночью без сна, разглядывая качающиеся тени. Слушать глубокую, всепоглощающую тишину и ждать... Чего?

«Когда придет твоя очередь», – подлый внутренний го-

лос все-таки озвучил страхи, обрек смутные догадки в слова. Что же они делают с теми, кого «выписывают»? Неужели и впрямь едят? Но родственники, друзья? Как же?

«Никто не знает, что ты здесь». Неправда! Я всем сказала, мама провожала меня, и есть же доктор, направление...

«Мало ли где ты потерялась в пути». Да, здесь сеть не ловит, но ведь она могла позвонить по дороге. Могла идти по поселку, весело болтая по телефону с подружками.

«Остальных никто не ищет, и тебя не найдут». Свидетели...

«Кто? Мальчишка с записками? Никто не верит цыганам. Врач, которая, скорее всего, и не врач вовсе». Мои вещи. Их ведь так просто не спрячешь – полиция найдет...

«Остальных не нашли, и тебя не найдут».

Хотелось есть... Ужасно болела голова, раскалываясь на правое и левое полушарие. Чесалась рука – пятно, вместо того чтобы пропасть, разрослось, захватило всю руку до локтя. Слабость от голода, головокружение от таблеток. Холод, который, казалось, не оставил ничего живого на теле.

Что мне делать?

«Бежать».

Надо бежать.

Катя встала рывком. На это, казалось, ушли последние силы. Качаясь, держась за стены, вышла в коридор. Постояла, вслушиваясь в ночную тишину.

«Рамы – деревянные и гнилые. Деревянные и гнилые. Рас-

сыпаются. В конце коридора есть выход на пожарную лестницу. Не может не быть. Сама дверь заперта, но окно в двери без решеток. Надо его выбить и прыгнуть вниз».

«Я маленькая, я пролезу. Хорошо бы там была лестница! Мне бы чуть-чуть спуститься. Совсем немного». Прыгать было страшно, даже в сугроб. О том, что она будет делать ночью, раздетая, на морозе, босиком, Катя старалась не думать.

«Дойти».

«Надо просто дойти до станции».

«Дойти до людей и попросить помощи. Рассказать, что тут творится».

Что рассказать? Про вещи? Так ты же слышала, всему есть разумные объяснения. Про лежачую соседку? Так ты не следила за ней постоянно. Может, ее кормили, когда вы уходили на ужин? Ухаживали, подмывали. Ты даже лица ее не видела. Про брелок в душевой? Вообще смех.

«Нет, мне никто не поверит. Да и нечего рассказывать. Надо просто бежать и вернуться домой. К маме».

Предательские слезы навернулись на глаза. Катя сжала зубы и с силой потерла лицо. «Не время плакать!»

«Разбить окно и вылезти. Очень быстро! Шуму будет...» Взгляд Кати скользил по голым желтым стенам коридора. Плакаты «Мы за здоровую пищу!» и ничего подходящего, чего-то тяжелого, никаких подручных средств не находилось.

«Справлюсь ли я?»

«Разбежаться! Надо разбежаться и со всей силы плечом ударить в окно. Разобьется ли оно?»

«А если взять бачок в туалете и им?» – пришла в голову мысль. И Катя почувствовала прилив сил. словно отпустила невидимый поводок. «Что я теряю? Чего боюсь?» Если все равно громить, так почему бы и нет? Пусть!

«Вот вернусь и оплачу им штраф за ремонт».

Мысль об удачном возвращении согрела и придала уверенности. Катя развернулась и побрела в сторону туалета. Она справится! Обязательно справится! Когда-нибудь еще будет вспоминать эту историю со смехом. Рассказывать детям, как в порыве иррационального страха разгромила деревенскую больницу. Надумала себе каких-то ужасов.

«Я ведь не сошла с ума?»

* * *

Она больше не ощущала тела. Ни чувствительности, ни пульса, ничего. словно ее душу перенесли в пустую оболочку, а к управлению подключить забыли. Руки-ноги не двигались. Пошевелиться не получалось.

Когда очнулась, Катя попыталась изменить неудобную позу, но не смогла. Кокон. Огромный кокон одеяла и она внутри, замотанная, запертая. Скосила глаза вниз. Ладонь, крохотная и неестественно вывернутая, похожа на цыплячью

лапку. Кожа синюшная, с пузырями и порезами.

А ведь она выбралась! Смогла! Разбила окно, протиснулась, но сильно поранилась, когда выбиралась наружу. Прыгнула вниз, неудачно и не смогла встать, что-то случилось с ногой. Поползла вперед, прочь, оставляя за собой кровавый след на белом снегу.

Но сил не хватило. Чуть-чуть не хватило. Окружающий мир словно тянул их вместе с теплом. Высасывал все, до последней капли. Хотелось лечь и не сопротивляться. Лечь и не двигаться.

– Всем привет, я новенькая! Зовут Катей, – раздался звонкий голос где-то там, за границей одеяла.